

Ольга Коренева

В барханах песочных часов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Коренева

В барханах песочных часов

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Коренева О. А.

В барханах песочных часов / О. А. Коренева — «ЛитРес: Самиздат», 2021

"В барханах песочных часов» - загадочный роман наших дней. При остром сюжете, внешней занимательности, обилии юмора - произведение очень многогранное. Своеобразный психологический айсберг. Роман о современности, о потрясающей эпохе, в которую ввергла нас судьба. На страницах книги происходят невероятные события: захватывающие, головокружительные ситуации потрясают обычную жизнь двух подруг, их родных и близких. Хотя живут они «бок о бок» и, вроде бы все друг о друге знают, это только видимость. Свои тайны есть у каждого, и существуют герои книги словно на разных планетах. И все только начинается. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Часть первая. Огненная саламандра	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	14
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	24
Глава 7	32
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	53
Глава 11	58
Глава 12	69
Глава 13	76
Глава 14	84
Глава 15	92
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Ольга Коренева
В барханах песочных часов

Этот роман удостоен премии на конкурсе «Русский детектив» в 2007 г.

Предисловие

Роман Ольги Кореновой «Барханы в песочных часах» очень меня порадовал своим высоким художественным уровнем, динамичным сюжетом, интересными коллизиями. Всегда приятно открывать новое имя. Умеренная и яркая манера письма, своеобразие колорита, необычные сюжетные заходы, темперамент повествования – все это есть в романе-эпопее (действие происходит с 1990 по 2002 г., со взглядом в даль), написанном с большим размахом. Чем живет Москва, провинция и даже Сибирь в эту уникальную для страны эпоху – виртуозно показывает автор. Кипят и меняются души человечьи, рушится привычный мир и создается из его осколков нечто иное, непонятное, что? Каждый по-своему приспосабливается, самостоятельно выживает, кому-то удастся построить даже собственное благополучие – надолго ли?

Очень большая удача автора, одна из его находок заключается в развитии образов двух подруг; Леночки и Яны. Близкие с детства закадычного, всю жизнь – рядом, никаких друг от дружки тайн вроде бы, по это лишь с виду, это им самим так кажется. На деле же они как на разных планетах живут, их миры несовместимы. Очень своеобразен характер киллера Оскара – такого киллера в литературе еще не было – он романтик по натуре, верующий в Бога, да к тому же фаталист, добрейший и сложнейший человек, бывший одноклассник героини, некогда влюбленный в нее. Но жизнь пытается его «прогнуть» под себя. Да и сама она, жизнь, ведет себя словно взбалмошная дамочка: то вдруг расшвыряет героев в стороны, то внезапно столкнет лбами.

Но не буду многословен. Роман мне понравился. Понравился тонкий психологизм, ирония, сменяющаяся изящным юмором, немного детективности, придающей остроту, налет эротики и мистики. В целом это глубокое, увлекательное и – что самое главное – честное произведение. Искреннее и очень нужное сейчас и, думаю, всегда. Хочу пожелать роману, как кораблю, – большого плаванья.

Анатолий Афанасьев

Пролог

– Стреляли в упор, – пробормотал следователь.

Он остановился возле тела, закурил, заслоняя ладонью сигарету, и снова глянул на убитого. Ветер шевельнул волосы, но челка, слипшаяся от крови, осталась неподвижной. Кровища и грязь залепили лицо сплошняком. Подъехали еще две милицейские машины. Накапывал мелкий дождик, следователь ежился, мямли сигарету и косился на сержанта, неприкаянно сло-нявшегося возле авто.

– Чего топчешься, обведи тело, – буркнул он наконец.

Дождь усилился. По влажному асфальту тяжело трюхал автобус, любопытные лица глядели из окон.

– Вот народ пошел, – сказал сержант. – Что ни день, трупак, ходи и собирай, как грибы.

Часть первая. Огненная саламандра

Глава 1

В зале царило оживление. Эта научная конференция была подобна взрыву! Сингулярность Вселенной и феномены Времени и Пространства на Земле, невероятные открытия и сверхъестественные явления, все это крайне возбудило и буквально наэлектризовало зал, но пиком стало сообщение о появлении в разных частях нашей планеты необычных детей, способных выделять такие трюки с Пространством и Временем, что мало не покажется. Известный журналист Александр Трошин задумался, он вдруг вспомнил кое-что, но не поверил самому себе, решив: «Нет, это уже слишком. Показалось». На миг отвлекся, но тут же спохватился и включил диктофон. Начало выступления академика Дуброва он упустил, пошла запись основной части:

– ... Вот такие особые психофизические свойства, они называются биовакуум и биогравитация головного мозга человека. Это к сведению прессы, – высокий элегантный академик улыбнулся и слегка кивнул. – Все вы, конечно, слышали про детей индиго, то есть маленьких детей, обладающих феноменальными, фантастическими способностями. Это как в сказке...

* * *

Скучно было в поезде, и Леночка все глядела в окно, на серое, низко нависающее небо, где очень быстро бежали облака, наперегонки с поездом. Кто кого обгонит? – загадывала пятилетняя Леночка, облака бежали прямо напротив нее, лишь чуточку повыше... Они были такого же цвета, как бока кастрюли из аль... алю... Леночка не могла правильно выговорить, даже в уме, такое длинное слово, но з н а л а, что из этого же и самолеты делают... В общем, вроде жести; бока жестяной кастрюли... Но вот одно светло-серое облако опустилось совсем низко, стало уже свинцовым и даже почернело. Это была снеговая туча, а мама все говорила: «Метель будет», «Ах, не замело бы дорогу... успеть бы домой добраться...»

Леночка задремала на маминых коленях под стук колес, и туча стала домом. Огромным, серым. Леночка стала жить в нем со своими сестричками, солнечными зайками, и они весело бегали по лестнице, свисавшей с самого верху, и качались на ней...

– Слезай, приехали!

Кто-то приподнял Леночку и поставил на землю. Она проснулась.

Какой-то дядя подал маме со ступеньки вагона ее чемодан и баул, а мама сказала: «Спасибо! Идем, Ленок»...

И все толпой, с чемоданами и сумками, с рюкзаками, пошли по платформе.

Длинная платформа была в серой слякотной каше, зато все вокруг – белым-бело, и тонуло в сугробах. Сразу за полустанком шли деревянные домишки. Леночка вертела головой, дышала колкой свежестью мороза и все видела. На самом-самом близком к ней домике над крышей стоял белый валенок. Потом оказалось, что это не валенок, а труба, вся в пышном снегу.

Мама с Леночкой спустились с платформы по трем обледелым ступенькам. И вдруг увидели бабушку. Она сидела на телеге.

У лошади из ноздрей шел пар, она говорила: «фр-р, фр-р», и поворачивала голову. Мама усадила Леночку на телегу, а бабушка накрыла ее ноги и чемодан пустым мешком и все улыбалась и приговаривала:

– Ну наконец-то, милые мои, ну наконец-то...

Она дернула вожжи, и телега поехала. Мама с бабушкой заговорили обе сразу, и все беседовали о чем-то непонятном. Леночка спросила:

– Бабушка, ну бабушка же! Ну, послушай же! А ты купишь мне сестренку, чтобы такая же была, как я, и чтобы ее тоже звали Леночкой, и чтобы...

А бабушка не отвечала и все кивала головой, глядя на маму.

– Ну и верно, доча, ну и верно. Давно пора. И сама у меня оставайся. Нич-чего, все перемелется, жизнь большая...

Леночка заснула и не заметила, как доехали. Спящую, ее перенесли в бабушкину избу, на лежанку большой беленой, еще с утра натопленной печи, ноги накрыли старой маминой шубой. С устатку, с вагонной померзши Леночка продолжала сладко спать. Изредка, правда, пробуждалась на миг и снова засыпала. Пробуждаясь, видела каждый раз маму и бабушку сидящих в разных положениях и пьющих чай за столиком. Столик был тот же самый, но сидели они по-разному. То бабушка сидела лицом к Леночке, а спиной к окну и дула на блюде с чаем, то мама сидела против окна, к Леночке спиной. При этом лицо ее отражалось в круглом лучистом боку самовара. А один раз Леночка увидела, проснувшись на миг, бабушку с мамой сидящих рядом на скамейке у стены; они по-прежнему пили чай и, нос к носу, заговорщицки шептались. Леночка непонимающе посмотрела на них сверху, повернулась на другой бочок и продолжала спать... И еще долго их неспешный разговор, как тихое монотонное журчание какого-то ручья, сопровождал Леночкины сны.

Сны были интересные и разноцветные. Под маминой шубой было душно и тихо, глухо, ну прямо как в Африке, которую вчера показывали по телевизору. Ей приснился большой слон, серый в яблоках. Глаза были у слона круглые и зеленые, круглее куклиных. На слоновьей голове позванивали разноцветные бусы, как колокольчики...

Потом еще что-то снилось, а когда Лена совсем проснулась, мамы уже не было. «Мама уехала обратно в город», – сказала бабушка и сняла Леночку с печки. Обула Леночку в валенки, потому что скрипучие крашеные половицы – очень холодные, внизу подпол, и из него дует. И в нем лежат банки с помидорами и живут мыши. Мышам там не очень-то нравится, и они лезут в дом, особенно в кухню. Все это Леночка знает еще с прошлых приездов, и козе понятно, как приговаривает всегда Леночкин папа. А папа ее, Саша, веселый, любит коз и всех животных, но его самого бабушка почему-то не любит. К мышам он тоже хорошо относится.

А мыши забираются в дом и скребутся под обоями, которые бабушка к бревенчатым стенам приклеила крахмалом как раз перед их приездом, чтобы в домике было красиво. Наверное, мышам тоже нравятся красивые обои. И двум блестящим тараканам, которые, как только бабушка отвернется, начинают бегать, будто озорные мальчишки, по обоям наперегонки. Тараканы большие, черные, очень удивительные! Таких Леночка еще не видела; у них дома жили под ванной маленькие, рыжие, какие-то белесые, прямо мотыльки, а не настоящие тараканы, а мама насыпала там лаврового листа и еще чего-то, и они убежали...

А здесь и ванной-то нет; бабушка сказала, что завтра они пойдут в баню, потому что завтра «банный день».

«Хрум-хрум» – громко хрумкала в сарае за стеной рыжая Манька, которая привезла их со станции.

И Манька тоже пойдет с нами в баню? – спросила Лена.

Бабушка засмеялась и сказала:

Ну что за чепуха, Леночка, ты же большая девочка. Лошади в баню не ходят.

Жаль, – вздохнула Лена. – Ей, наверно, тоже хочется.

Бабушка опять засмеялась и сказала:

– У нас есть дед Егор, он тебе вырежет лошадку из коры. Вот и будешь ее кормить и в баню брать.

Бабушка наклонилась над печкой и раздула огонь пожарче. Огонь горел на самые разные цвета, желто-красные, синие, как танцующая девочка в разноцветном платье. «Вон какая», –

сказала Лена бабушке. А бабушка рассказала сказку про огненную саламандру, очень веселую. «Вот бы мне такую сестренку», – подумала Леночка.

Совсем смерклось, и бабушка зажгла свет. Они оделись, обвязались шерстяными платками – в деревне ведь холодней, чем в городе. Взяли большие железные ведра, коромысло, и пошли за водой. А оказалось – колодец замерз, и пришлось идти на прорубь. Это за полем, где река. Темно, вьется дорожка между сугробами, такая узенькая, скользкая, идти неудобно, а снежинки холодные, и лицо у Лены сразу замерзло и покраснело. Она дунула, и изо рта пошел пар белыми круглыми шарами. Дунула еще, стала часто дуть, кругля щеки: и шаров стало больше, получились прямо букеты больших белых цветов. Роз, наверное. Но бабушка нахмурилась, и сердито посмотрела на нее, и сказала:

– Сейчас же закрой рот, не хватало еще простуды.

Около проруби на ящике сидел дяденька с удочками, в какой-то толстой одежде. Когда они подошли, он сказал бабушке:

– Здорово, Настасья! Внучка прибыла? Ух ты, какая большая-то стала, и не узнать.

Он взял бабушкины ведра и набрал в них воду из другой проруби. Лицо у него было совсем как синий воздушный шар, какие продают в парке.

Замерз, поди? – спросила бабушка.

Ничего. Малость есть, да вот, спиртом страхуюсь.

– Рыбы-то много наловил?

– А посмотри сама, вон там, в мешке.

Бабушка вытряхнула из мешка несколько рыбин на снег. Они были выгнутые и твердые, как из пузырчатого стекла. Леночка потрогала их пальцем – холодные. И не шевелились. А глаза как темные льдинки.

– Совсем твоя рыба смерзлась, – сказала бабушка.

Дядя подарил им двух смерзлых рыб. Бабушка взяла коромысло с ведрами на одно плечо, подхватила рыб своими ушастыми брезентовыми рукавицами, и они пошли домой.

А дома стало совсем жарко от печки. Бабушка раздела Лену, а на стол поставила большую кружку киселя. Вкусного, красного, из клубничного варенья. Леночка так им перемазалась, что бабушка не рассердилась, а стала смеяться. Тут пришла соседка бабушкина, и они зашли в комнату открывать подпол, а Леночке идти не велели. Она осталась одна в кухне, откинула лязгнувшую печную дверцу и стала кидать в печку щепки. Огонь обрадовался, всплеснулся. Огневая девочка подпрыгнула и разноцветно заплясала. Она была такая красивая, в огнистом лоскутном платице. Леночка даже запрыгала перед печкой, а девочка выглянула на миг, и оказалось, что обе они одного роста и даже похожи.

– Я огненная саламандра! – сказала девочка. – Меня зовут Огниза. Я твоя сестренка, только этого никто не знает. Это наш с тобой секрет. А Манька – это вовсе не лошадь, а заколдованный в нее слон. Пошли скорей, пока никто не видит, расколдуем Маньку и покатаемся.

– А мы не замерзнем? – спросила Лена.

– Нет, я же огневая, со мной тепло.

А Манька услышала это и сразу перестала хрумкать, просунула голову прямо сквозь стену, потом и вся просунулась и стала слоном. Девочки забрались ему на спину, и слон зашагал через двор на улицу. Огниза светилась в темноте как факел, и стало вдруг светло и тепло. Снег под ними начал таять, и вот уже проглянула земля и темные полоски грядок. Манька, слон, неуклюжей трусцой пробежал через поле, вдоль берега, развил скорость и полетел к лесу. Девочки изо всех сил держались за его широкие уши. С деревьев сыпался снег и с шипеньем исчезал, как пена. Сосны и елки с удивлением разводили лапами и цепляли ими слона. На лесной поляне Манька остановился отдышаться. Девочки слезли с его спины и стали смотреть, как снег превращается в воду, вода – в пар, и из-под снега распрямляются желтые травинки.

– А почему ты девочка, а живешь в огне? – спросила Леночка. – Как ты умеешь?

– И ничего нет такого, – ответила сестренка. – Я знаю еще не такие чудеса. Например, некоторые люди – только с виду люди, просто кажутся. А по-настоящему люди не все.

– А какие по-настоящему?

– Это те, которые люди. А другие – нет.

– Как это? – все не могла понять Леночка.

– Очень даже просто. Вот, скажем, видишь ты тетеньку, а на самом деле это не тетенька, а просто кошка нормальная или лошадь. Хуже, если она змея. А другой дядя на самом деле обычный камень, а третий – деревяшка, а еще другой – это совсем кость, какие в земле. Бывают тети – рыбы.

– Они что, все заколдованные, что ли?

– Да нет, совсем даже обыкновенные. Просто змея родилась тетей, а камень – дядей, так бывает.

– А я кем родилась?

– Ты? Девочкой.

– И я всегда-всегда буду такая, и когда вырасту?

– Вырастают ведь только снаружи, а внутри остаются такими, какие уже есть.

– Как интересно!

Сзади подошел слон Манька, присел, девочки вскарабкались на него и ухватились за большие уши. Слон поднялся и помчался обратно... И не заметили, как очутились дома. Леночка сразу залезла на печку, сестренка спряталась в огонь, а Манька направилась в сарай.

Леночке захотелось спать... Но тут в кухню вошли бабушка и соседка. Увидели ее и стали расспрашивать, где она так долго пропадала? А бабушка сказала, что сейчас ее выдерет, и пошла за вожжами в сарай, да вдруг как закричит! И выбежала из сарая без вожжей. Соседка всполошилась: что случилось, что такое, а бабушка кричала:

– Идите скорее в сарай! Вы только посмотрите, вместо Маньки нашей – слон с хоботом, стоит и ушами хлопает!

– Это Манька заколдовалась, ба, не бойся! – крикнула Леночка и слезла с печки.

Соседка тоже туда пошла, поглядела, заохала. Это, говорит, наверно, шутники из цирка пошутили. А бабушка ответила, что цирка рядом никакого нет. Она совсем расстроилась и заплакала.

– Ничего, бабушка! – стала утешать ее Леночка. – Слон гораздо лучше лошади. Он сильнее и больше, и посмотри, какой он красивый: весь серый и с кружочками.

Завтра мы на нем в баню поедem. А сейчас давай поужинаем, а то поздно уже, спать пора.

А за ночь Манька расслонился и стал лошадей, а бабушка все про все позабыла, ведь старушки всегда что-нибудь забудут или перепутают. Манька тоже правильно сделала: лошадей быть удобнее, чем слоном, – ведь слон большой, ему тесно в сарае и еды надо много. И неизвестно, любят ли слоны сено, а ведь в сарае ничего другого нет.

За завтраком Леночка напомнила бабушке про слона, но бабушка только засмеялась и сказала:

– Ох и фантазерка же ты, Ленка.

Тут маленькая саламандра высунулась из печки и показала бабушке язык, но она этого не заметила.

Ну, вот в баню они не на слоне поехали, а пошли пешком... Вдоль улицы мело, то и дело взвивались вертикально снежные вихри: то вокруг столбов, то над забором или над бабушкой, которая заслоняла собой внучку. Снегом залепляло лица, и они еле-еле дошли до бани.

В теплом предбаннике увидели соседку. Похоже, она тоже забыла про слона, ничего даже про него не спросила. Бабушка стала разговаривать с ней и с другими знакомыми тетеньками. За разговорами бабушка все сняла с Леночки, разделась сама и повела ее туда, где все мылись.

Там такой туман был, совсем горячий, и все тети мелькали голые, в белой мыльной пене как в клочьях овчины.

Бабушка налила воды в большой овальный таз, усадила в него Леночку и стала ее тереть мыльной губкой, а потом еще мочалкой, а Леночка начала орать. Ведь это же неприятно, когда тебя драют до скрипа, как какой-нибудь сапог. А хуже всего, когда тебе моют волосы и мыло лезет в глаза, уши, нос и рот... Наконец устала бабушка тереть внучку, выпустила ее на волю из таза. Выплеснув мыльную воду, пошла за чистой. А намыленная красная Леночка стала бегать в парном чаду по горячему мокрому полу. Тут бабушка ее поймала, окатила начисто и повела в предбанник одеваться.

Когда они, одетые и укутанные, шли домой, дорога казалась не такой уж холодной, а метель очень даже приятно и нежно дула в лицо. И бабушка сказала самую важную и радостную новость: скоро приедет мама и увезет Леночку к папе, и будут они счастливо жить все вместе: папа, мама и она, и потом появится на свет сестренка...

Дома бабушка затопила печку и пошла в сени за картошкой. Тут из печки выскочила Огница, и по секрету такое рассказала, что просто ужас: оказывается, у Леночки никогда не будет сестренки, потому что случится несчастье. Сестренка не сможет родиться. А если она хочет спасти ее, то надо срочно перейти в другое пространство, это очень трудно, и в том мире все будет не как здесь. Похоже, но не так, и там она напрочь о теперешней жизни позабудет, и сестренка будет как бы и не сестренка, а просто как подружка старшая... Но она будет странная, и однажды придется ее спасти. Чтобы она родилась. Иначе обе они погибнут.

– Я спасу сестренку, – быстро сказала Леночка.

– Это трудно, – предупредила Огница, – подумай хорошо. Там нет бабушки. Там у тебя другая память. И там ты старше.

Глава 2

«Ночные травы лунный свет хранят», – звучала молчаливая симфония... Ее создавали листья удивительных, невероятных форм и расцветок, которые пенились вокруг Леночки. Кипень листьев в ярком выпуклом пространстве. «Как чудесно...» – подумала она и проснулась, но тут же заснула снова и увидела среди густой листвы мужчину с ярким, словно на картине в Третьяковке, лицом, его черные вразлет брови и светящиеся, как две половинки черной луны, глаза, яростное лицо, пружинистую походку, от него исходила внутренняя сила. Кто-то сказал ей без слов: «Он будет твоим третьим мужем. Федор. Тайга. Осень. Дождь. Картинка из будущего...» Листья вокруг мужчины стали таять, как леденцы над свечой. Леночка взглянула на незнакомца и вдруг сказала: «А вы знаете, что у Луны нет тени?»

Проснулась в смятении. Почему мужем, да еще третьим? Не знает она никакого Федора, и вообще замуж не собирается, и никаких мужей ей, ни первых, ни других, не надо, с нее подруг хватает, и вообще, зачем мужья, ей ведь всего семнадцать стукнуло, у нее еще и парня-то настоящего не было, правда был глупый роман с одноклассником, смешной и не очень долгий, и лучшая ее подруга Янка смеялась над этой историей, обзывая их отношения «приколом каким-то». Так и говорила: «Ленка, у тебя с Оскаром не любовь, а прикол какой-то, ржачка!» Так оно и было...

А этот мужчина из сна, такой красивый, с таким необычным лицом... Такие ей еще не встречались. «Надо рассказать Янке, интересно, что скажет?» – подумала Леночка в полудреме. Она с головой завернулась в одеяло, чтобы слабый свет, пробивающийся сквозь тонкие шторы, не спугнул сладкую истому – остаток фантастического сна.

Звон разбитой посуды вернул ее в реальность. «Опять мама на кухне что-то грохнула. Пора вставать...»

Она потянулась за плеером, нацепила наушники. Но вместо любимой песни услышала холодный четкий голос. Как сюда попала кассета из отцовского рабочего диктофона? Наверно, вечером мама прослушивала запись. Решила проконтролировать папу, с ней бывает...

Мужской голос в плеере взбудоражил ее сознание. Сонливость улетучилась. «Я много лет занимаюсь проблемой биоэнергетики человека. Почему сейчас такое невероятное количество страшных болезней, катастроф, личных трагедий? Информация, которую я получил, исследуя биополевые структуры человечества, весьма серьезна. Дело в том, что духовный потенциал, накопленный святыми, ясновидящими, основателями мировых религий, нынче исчерпан почти полностью, а неразвитое стратегическое мышление представляет серьезную опасность. Колоссальные возможности биоэнергетики направляются не на понимание окружающего мира, а на решение тактических, сиюминутных задач. Человечество подошло к тому рубежу, за которым – либо духовное возрождение, либо – гибель. Спасение заключается в личном духовном поиске каждого человека, ведь каждый из нас ответственен за судьбы людей и жизнь Вселенной...»

– Мам, что это за кассета? – крикнула Леночка, и попыталась вспомнить что-то важное, совсем не относящееся к плееру. Но мысли выскользнули, будто кто-то намылил ее мозги...

Глава 3

Беззвучно полыхнула молния – яростный зигзаг рассек небо. Другая молния, крутясь словно праща, тихо впиалась в землю. Воздух будто окаменел.

– Тишь какая стала, – сказала светлоглазая послушница своей спутнице. И с наслаждением вдохнула густой настой цветущих и вмиг замерших в преддверии грозы трав. – Ой, хорошо-то! И отчего это люди грозы боятся? Видать, веры у них мало, не понимают, что Отец Наш Небесный от всех напастей хранит чад своих, тех, кто не страшный грешник, кто не впускает в душу черноту.

Идущая рядом с ней женщина с просветленным и мятежным лицом опасливо вглядывалась вдаль. По виду это была паломница.

– Далеке еще до обители, – отозвалась она. – Ураган застигнет. – И, глянув в высь, заметила: – В небе омут, в нем огни кипят. Я раньше-то чего, гадала я, ведовством тешилась, греха в том не чуя. Недавно в паломничестве я, каялась, крещение приняла, и снова каялась. Страшное открылось мне.

– Что же, сестра, тебе открылось? – У молоденькой послушницы любопытством заискрились глаза.

– Страшное придет в страну, разобьется страна словно стекляшка, лишь осколки кровью брызнут. Много смерти будет. Люди разум начнут терять, души их кривыми зеркалами станут. Легионы черных тварей из-под земли лезут, в наступление идут...

Оглушительный грохот обрушился с неба. Высокие травы прижались к земле, деревья согнулись в дугу, хотя ветра не было. Внезапно телеграфный столб плашмя рухнул на землю, словно его с размаха срубил кто-то невидимый, по провисшим проводам побежало синее пламя, звук лопнувшей струны надрывно повис в воздухе...

Попутчицы переглянулись.

– Уже началось. Рановато, – произнесла вполголоса послушница. И добавила: – Год-то 89-ый еще только.

– Самое время, – отозвалась ее спутница...

Глава 4

Предновогодняя Москва бурлила, словно с цепи сорвалась. Уходил надоевший 1989-ый, надвигался неотвратимый, словно скорый поезд, 1990-ый, наполненный какой-то тотальной энергией. Город безумствовал, и эта волна праздничной неразберихи, казалось, перекинулась на все вокруг. Семейство Трошиных после некоторых споров решило отмечать праздник дома, хотя Леночка была раздосадована, у нее были свои планы. Но мама строго сказала, что праздник надо отмечать у домашнего очага, иначе год будет неудачный, и возражать тут нечего. Леночка выскочила из комнаты, хлопнув дверью, но потом смирилась. В кухне уже кипела работа, готовились салаты, пеклись пироги... Мама вдарилась в кулинарные изыски, подключив всю свою творческую энергию. Папа примчался из магазина под хмельком и, потрясая связкой настоящих замороженных тетеревов, изрек:

– Царская охота! Дичь на столе – удача в жизни!

– Саша, я чувствую, что к приходу гостей ты сам будешь выглядеть как замороженный тетерев, – прикрикнула на него мама.

Гости не заставили себя ждать. Друзья отца – журналисты с женами и подругами. Многих из них Леночка видела впервые. Маминих друзей оказалось меньше. Писатели – народ менее общительный.

Леночка встречала их, пахнувших морозом и праздником, принимала коробки конфет и шампанское, потом мчалась на кухню проверить, не переварилась ли свекла, помогала готовить салат с креветками, летела к соседке за майонезом, которого не хватило для винегрета, доставала из серванта запасные сервизные тарелочки. Первые гости уже подошли, а стол еще не совсем готов. К счастью, подключились мамини приятельницы и какие-то женщины из папиных гостей. Леночка прислушивалась к их разговорам, а вокруг нее витали запахи незнакомых духов, будто некто невидимый надушил все пространство...

Со скатертью в руках она вошла в комнату, где уже зашумел праздник: гости попивали коньячок, курили, спорили о политике и литературе. Какая-то дамочка врубила магнитофон и настойчиво желала танцевать. Но ее не слушали, увлеченные спором. Двое молодых мужчин, расположившихся в креслах возле журнального столика, гадали о пути развития страны:

– Это же пахнет катастрофой, национальным бедствием! – восклицал брюнет с бородкой. – Горбач совсем сдурел. Он погубит страну и сам с трона слетит! Начнется вымирание нации, гиперинфляция...

– А что же ты хочешь, реформы без жертв? – возражал ему собеседник. – За все надо платить. А без реформ нельзя, пора выходить из каменного века...

В центре комнаты разговор крутился вокруг романов, ждавших читателя пятьдесят и больше лет, о судьбах их реабилитированных авторов.

Но вот стол в комнате накрыли, гости разместились, первые тосты были произнесены. Трошин, осушив очередной раз свою рюмку, продолжил разговор:

– Вот вы говорите, друзья мои, что сейчас нам с большим удовольствием показывают изнанку советского семидесятилетия, везде выбирают для печати только время застоя, культ личности и лагерных бараков. А между тем, и в лагерных бараках люди не спешили перестраиваться, предпочитая оставаться поколением убежденных и сильных людей... Из лагерей шли добровольно в штрафбаты защищать Родину. А вы, извините, все со своими «жертвами» да «страданиями» на передние полосы лезете!

На этом месте Трошина перебили тостом, после чего посыпались политические анекдоты про баню, Тэтчер и Горбачева.

«Ну надо же», подумала Леночка, «за столом юная леди – я, а они в выражениях не стесняются, черти. Как всегда, впрочем».

Сегодня ей хотелось сдержанности со стороны старшего поколения.

– Леночка! – крикнул ей через стол отец. – Подкинь-ка пару жаренных анекдотов из школьной жизни.

«Ну, сейчас я вас угощу ответной пошлостью», – злорадно подумала она и, кривляясь, проямлила:

– Это как Вовочка училку трахнул?

Отхлебнув шампанского, она безразличным тоном выдала серию школьных анекдотов с картинками. Но, к сильному ее разочарованию, никого это не шокировало.

После очередной смены блюд и напитков к ней подсел молодежавый мужчина в джинсовой куртке. Он поменялся местами с примодненной пожилой дамочкой, и та шепнула Леночке на ухо:

– Смотри, барышня, какой кавалер у тебя появился, прямо из Парижа сюда по всяким журналистским делам, эмигрант...

– Ну и что, – хмыкнула она.

Эмигрант принялся накладывать ей закуски на тарелку, подливать вино, придвинул графин с соком.

– За такой смазливой девочкой приятно поухаживать, – сказал он.

Леночка промолчала. «Явная лесть», подумала она. Парижанин, казалось, прочел ее мысли.

– Это не лесть, – сказал он. – Как друг семьи, Леночка, я отвечу тебе...

– Друг чьей семьи? Не поняла, – спросила она с набитым ртом.

– Твоей, милая девочка, вашей, конечно же...

– Я вам не «милая девочка», и в нашей семье я вас, почему-то, впервые вижу.

– Это потому, что я редко бываю на родине, а у вас был в последний раз, когда ты под стол пешком ходила. Ну выросла, похорошела, не узнать! Давай выпьем на брудершафт за встречу! Сейчас, позволь, расскажу тебе о Париже, детка.

Рассказ его был весьма экзотичен. С иронией говорил об эротических фильмах, которые «гонят» за кордоном, хвастал своим компьютером, на котором «печет» статьи для ведущих газет и журналов мира, и Леночка подумала, что он в этом похож на Оскара, вот уж тот достал ее в школе своими приколами и фантазиями, теперь этот начнет доставать.

Она пристально взглянула на него и усмехнулась. Журналист смутился, на секунду замолчал, и тут же сменил тему. Тонем старшего он спросил:

– Ты закончила школу, Леночка, и наверняка, как все красивые девушки, мечтаешь о ВГИКе?

– С чего вы взяли? – искренне удивилась она. – Во-первых, я отнюдь не красавица, а самая обычная симпатяга, каких навалом. Во-вторых, кривлянье перед камерой не по мне. И, в-третьих, мама по благу устраивает меня в Литературный институт.

– Да что ты, одумайся, девочка! – воскликнул эмигрант. – Какая к черту сейчас литература! Через год-другой вся ваша литература окажется на панели! Послушай меня, девочка, я это совершенно точно прогнозирую. Тебе сейчас нужно думать или о поиске перспективной профессии, или о надежном спутнике жизни.

– Ну и что это за перспективная специальность? – поинтересовалась Леночка.

– Человек, работающий на компьютере, называется программист. Вот это самое оно!

– А насчет спутника жизни как? – улыбнулась она.

– Я могу сказать тебе только то, что твой будущий избранник должен быть хоть чуточку похож на меня: положение в обществе, деньги, двойное гражданство, потому что в России скоро жить станет невозможно.

После некоторой паузы Борис, или Боб, как называл себя эмигрант, пригласил ее на танец.

– Я медленные не умею, – смутилась она. – Мы не так танцуем.

– Да, я и забыл, сейчас в моде рэпы всякие, – сказал он иронически. – А стоит ли танцевать в такой духоте? Может, лучше пройтись? Новогодний морозец, Ленинский проспект сияет и искрится. Не прогуляться ли нам по Ленинскому? Я тебе что-нибудь куплю в подарок к Новому Году, в память о знакомстве.

Леночка не раздумывая согласилась. Дома начиналась обычная пьяная круговерть. Отец на кухне тискал молоденькую журналисточку, млеющую от пристального внимания мэтра. Захмелевшая мама принимала ухаживания сразу двух раздухарившихся поэтов. В Леночкиной комнате вообще кто-то заперся изнутри, ванную тоже захватили. Она с удовольствием отметила про себя, что Боб выглядит еще вполне свежо и элегантно.

Набросив на плечи дубленку, она выскочила следом за ним на лестничную площадку. Они вышли на праздничный, сверкающий проспект. В неоновом свете реклам разноцветно вспыхивали снежинки. Леночка в полном блаженстве подставляла им ладони и лицо.

– Отгадайте, Леночка, за что я люблю Москву, за людей или за дома? – спросил Боб, с задумчивой полуулыбкой разглядывая девушку.

– Не знаю, – удивилась она вопросу.

– Вам это может показаться странным, но Москву я люблю за дома. Я ведь тоже родился здесь и знаю этот город как свои пять пальцев. Каждый уголок – это кусочек моей жизни.

Глава 5

«Видели бы сейчас меня Янка с Пончиком», подумала Леночка, и тут же мысленно представила себе подружек: высоченную поджарую Яну, и румяную толстушку Лариску. Они бы рты поразевали, глядя, как за ней на полном серьезе ухаживает известный журналист. Да, она догадывалась, что в ее жизни наступила пора метаморфоз, и из забавного подростка она стала превращаться в барышню, но из-за небольшого роста казалась еще почти ребенком, правда с очень серьезными глазами и строгим лицом, хотя опытные мужчины сразу распознавали в ней уже созревшую девушку, как поется в популярном шлягере: «А девушка созрела, созрела, созрела...»

На лестничной площадке перед квартирой Боб задержал ее руку в своей и, сжимая ее узенькую ладошку, настойчиво заглянул в глаза и тихо произнес:

– Я от тебя так просто не отстану, малышка. Наша дружба будет иметь продолжение. Считай, что дядя Боб навязался к тебе в ухажеры, возможно с самыми серьезными намерениями... А сейчас я должен ехать. Счастливого тебе провести эту новогоднюю ночь. Всем огромный привет!

Не успела Леночка и глазом моргнуть, как Боб чмокнул ее в тыльную сторону ладошки и исчез в лифте.

Дверь квартиры была приоткрыта, на лестнице курили хмельные гости, по уши погруженные в праздничный кайф. Леночку они то ли не заметили, то ли не узнали. Она вошла домой, скинула дубленку и сапожки, прошла в гостиную под грохот музыки и звон бокалов и почему-то вдруг тут же пожалела, что рядом нет Боба. Ей ни с кем больше не хотелось сейчас общаться, кроме него. Правда, неловко вышло, что она выцыганила у него такое дорого белье в подарок – когда они подошли к торговой палатке, она просто не смогла удержаться и указала пальчиком на большую красивую коробку с прозрачной крышкой, в которой был роскошный гарнитур: дезобелье из натурального шелка (так значилось на этикетке). Но Боб, не глядя на запредельную цену, купил ей это, да еще огромную коробку конфет в придачу. Неловко вышло. Почему он намекнул на продолжение отношений, как-то странно, с оттенком интима? А, чепуха, небольшой прикол всего лишь. Зачем Бобу какая-то девчонка, у него наверняка семья и куча любовниц, и вообще он не в ее вкусе.

Леночка прошла в свою комнату и повернула дверной замок. Скинув с себя все, быстро надела новый гарнитур, подошла к трельяжу. В роскошном белье она выглядела чудесно. Поглаживая ладонями нежную ткань обновки, она медленно поворачивалась, любуясь собой. Вдруг вспомнила, что слишком цепляться за земное, слишком радоваться материальному – грех и нарушение кармы, и в Библии об этом тоже что-то сказано, за эту слабость можно пострадать. Но тут же отогнала эту мысль. Блаженствуя, она достала из шкафа подсвечник с ароматической свечой в виде нимфы – подарок Янки – и зажгла. Выключила верхний свет и переставила свечу ближе к трельяжу.

У нее было особое чувство, нечто среднее между медитацией и спокойным восторгом. В полумраке тонко колебался язычок пламени, комната покачивалась в пряных запахах, напоминающих цветущие индийские травы, этот аромат исходил от оплывающей свечной нимфы. Зеркало поблескивало словно омут, втягивая в себя комнату вместе с Леночкой. Грани стен стали зыбкими, из этой зыбкости слышались шорохи и шепот. Из-за зеркальной рамы тускло выплывали какие-то лица, Леночку клонило в сон. Она переоделась в короткую ночную рубашку и бухнулась в постель. В полудреме она вдруг вспомнила свой странный роман со студентом каких-то дорогих или драгоценных металлов. Имя у него такое занятное – Влад, да, Влад Французов. Впрочем, обычное имя. Этот красивый крепкий парень возник в ее жизни позапрошлым летом неожиданно и почти фантастично. Случилось это на Старом

Арбате. Она с подружками – Янкой и Ларисой-Пончиком (пончиком они прозвали Лариску давно еще, за то, что она была аппетитно кругленькая и румянькая) болтались по Арбату, развлекаясь, а потом решили подработать в ряду художников. Придумали рисовать для прохожих портреты души. Собственно, рисовать стала Лариса, которая тогда училась в художественном училище. Янка с Леночкой крутились рядом и создавали рекламу. Конечно, нарисовать душу невозможно, и Пончик малевала все, что в голову придет. Выходило неплохо, нечто сюрреалистическое: яркие цветные всполохи, из которых выплывали оранжевые пальмы, глаза, птицы, ладони, кошельки. С кошельком вышел смешной случай: его Лариска нарисовала печальному мужчине, тот ахнул и аж подскочил: оказалось, что у него утром пропали деньги. Так что Пончик попала в самое яблочко. Арбат кипел, народу была тьма, так что клиенты подходили часто. Люди были оживлены и любопытны. Глядя на это всеобщее веселое возбуждение, Леночка вдруг почувствовала какую-то тоскливую боль в душе, словно все это скоро кончится и случится что-то непредсказуемо унылое, злое, от чего людские лица потемнеют как от погасшего костра... Как пепел и угольки... Леночка поморщилась и перевела взгляд в сторону открытого кафе, откуда выходил молодой мужчина. Их глаза встретились. Мужчина направился к ряду художников и, подмигнув подругам, уселся на скамеечку перед Пончиком. Это был красивый шатен с золотистым взглядом и самодовольной усмешкой.

– Сколько за мою душу? – спросил он. Узнав небольшую цену, принялся шутить: – Вы что, девчонки! Неужто душа моя такая дешевая? Не, ее цена намного больше, в десять раз дороже. Вот задаток! – Он сунул Ларисе деньги и сказал, что его душа готова позировать.

Растерявшаяся было Пончик вмиг схватилась за мелки и принялась за работу, приговаривая:

– Естественно, я вижу, что душа у вас весьма весомая и солидная, и отливает блеском драгоценных камушков и всего прочего. А сейчас я попрошу вас сосредоточить взгляд на одной из моих ассистенток. Янка, создай психологический фон.

Янка тряхнула гривой светлых волос и томно уставилась на парня. Но он вдруг сказал, что ему больше подойдет другая ассистентка, и попросил подойти поближе Леночку. Янка фыркнула и уступила место подруге. Пока Лариса рисовала, он без умолку шутил, рассказывал смешные истории. Так они познакомились. В честь знакомства он пригласил девушек в кафе «Ивушка» на Калининском проспекте. Пончик мигом свернула работу и вручила Владу рисунок. Он взглянул и расхохотался. На бумаге был изображен айсберг, верхушку которого венчал иностранный флаг.

– Все о'кей, девочки! Такая душа меня вполне устраивает!

Достав из джинсовой куртки авторучку, и быстро подписав что-то под рисунком, он протянул его Леночке.

– Дарю тебе свою душу как залог будущей дружбы, способной перерасти в жгучую любовь!

Леночка покраснела и зачем-то вслух прочитала подпись:

– Хранительнице моей души. Влад Французов. Старый Арбат.

Янка хохотнула и воскликнула:

– Ха, блин, Пончик твою душу вычислила. А я думала, зачем иностранный флаг? Оказывается, ты Французов.

Полгода затем длились их романтические встречи, на которые Леночка всегда брала Янку и Ларису, и Влад почему-то ничуть не удивлялся, что она на свидание приходит не одна. Она сама не знала, зачем таскает за собой подружек. Может, просто боялась остаться с ним наедине? Шумной компанией ходили в театры, в кафе, выезжали за город на шашлыки. Ей нравилось целоваться с Владом в присутствии подружек, которые весело кричали «горько», подтрунивая над парочкой. Жизнь Леночки была заполнена этими счастливыми встречами, каждый день приносил новые впечатления и волнения, или приятные ожидания, а сколько

разговоров с подругами о Владе было! И вдруг через полгода он неожиданно исчез. Телефон его не отвечал. Так получилось, что в компании его друзей она не бывала, и навести справки было не у кого. Правда, он как-то говорил, что после института уедет на практику в Сибирь. Наверно, так и случилось.

Итак, прошел уже год, а о Владе ни слуха ни духа. Леночка ужасно расстраивалась поначалу, но потом обиделась и махнула рукой: «точно, как в песенке – мы странно встретились и странно разойдемся...» – подумала и погрузилась в сон.

Был уже полдень, когда затрезвонил телефон. Леночка стряхнула остатки сна, вылезла из постели и поплелась к аппарату. Она почувствовала, что звонит Янка. Так и оказалось. Янка поздравила подругу с новым годом и пригласила на дружескую пирушку, сообщив, что будет много общих знакомых и даже один сюрпризный.

– Прилечу, прискачу! – радостно отозвалась Леночка. Она предвкушала бурное веселье с танцами до упаду и возможным флиртом, но какое-то нехорошее предчувствие омрачало ее надежды. Душа билась, как птица в силках, от невыразимой тоски. Что-то подсказывало ей, что надо остаться дома, надо побыть с мамой, поболтать с ней, ведь последнее время она почти не разговаривает с мамой, и это ужасно, и не надо, не надо, не надо заходить сегодня к Янке... «Интересно, кто этот сюрпризный знакомый?» – с любопытством подумала она. От этой мысли сердце бешено заколотилось, кровь прилила к лицу, в висках зазвенело. Подсознание рвалось на части, как гроззовые облака под порывами ветра, и выбрасывало в память клочья небольшой еще ее жизни, картинки из ее биографии, словно предупреждая о надвигающейся буре...

«Ну почему бы мне не пойти на вечеринку к Янке?» – уговаривала она саму себя. – «Там будет весело, и что плохого может там случиться, она же моя лучшая подруга, я люблю ее...»

«Ты еще никого не любишь, глупышка», – отозвалось внутри. – «Ты еще не знаешь стихию души своей подруги и не представляешь, каким боком может развернуться вся твоя жизнь из-за нелепой случайности. У тебя нет опыта, так прислушайся к внутреннему голосу, не спорь, не спорь...»

«Но я люблю Янку, она же моя детская подружка, и в школе мы с ней были не разлей вода. Она была старше меня и поэтому я ее обожала, я с ней всегда откровенничала, она ведь знала все мои детские тайны, она была моей верной советчицей. Я и сейчас ей многое поверяю...»

Действительно, Яна знала про Леночку все с тех самых пор, как подружались: Леночке было тогда пять лет, к ней привязались дворовые мальчишки со своими вечными дразнилками: «рыжая-бесстыжая, рыжий гриб под елочкой магриб», девочка разозлилась и полезла в драку, но мальчишки оказались сильнее, тут появилась Янка и разогнала их. Она была высокая, сильная, задиристая, обожала драки и скандалы. Леночка восхищалась ее необузданным нравом и дикими выходками. А Янка любила малышей – ей нужно было восхищение и признание, ей это было необходимо как воздух, ведь взрослый мир был ей враждебен: она была нежеланным ребенком в семье и плохой ученицей в школе. Дело в том, что Янка вообще чудом появилась на свет: ее мать собиралась делать аборт, но помешали обстоятельства, и девочка вошла в жизнь. В одной передаче по телевизору Леночка слышала рассуждение известного ученого по этому поводу: оказывается, дети, которых собирались аборттировать, рождаются очень тяжело, они не хотят выходить на свет Божий, а родившись, растут некоммуникабельными, с различными комплексами, и с раннего возраста занимаются саморазрушением: пьют, колют наркотики, предаются разврату, многие кончают с собой. Они с самых ранних лет неосознанно пытаются себя уничтожить. И вносят дисгармонию и разлад в душевный мир тех, кто их окружает. «Но нет, Яна не из этих, она лучше всех кого я знала!» – всплеснулся крик в Леночкиной душе. – «Ведь только ей я рассказала в детстве о волшебной огненной девочке Саламандре, которая в Твери. Когда я жила у тети Нины и простудилась, очень ярко пылали дрова в камине, я долго глядела на огонь и вдруг увидела маленькую танцующую девочку... Потом я ее еще несколько раз там видела... Давняя история, но в те дни я захлебывалась от восторга, поверяя эту чудесную

тайну... С тех пор Янка зовет меня Саламандрой, и не только она. Это прозвище накрепко прилипло ко мне...»

Вечером Леночка, захватив коробку конфет, отправилась к подруге, но у самой двери вспомнила про гарнитур нижнего белья и решила похвастаться.

«Представляю, какие у Янки будут глаза, когда она увидит эту штуковину!» – с восторгом подумала она, запихивая подарок Боба в большой целлофановый пакет.

У подруги уже вовсю шла вечеринка. Грохотала музыка, ребята и девушки отплясывали в тесной комнате, смеясь. Стол был заставлен вином и закусками. В недоеденном салате торчали сигаретные окурки. В мареве табачного дыма Леночка с трудом узнавала знакомые лица.

– Привет, Саламандра! – окликнули ее из толпы танцующих.

Именно в это мгновение ее взгляд споткнулся о его фигуру. Он был в сером костюме.

«Влад?!! Здесь?!! Как это?!! Не может быть...»

Она шумно перевела дыхание.

«...Зашибенный костюмчик! Фирма веников не вяжет...» – подумала, слегка шокированная увиденным: Влад буквально обвился вокруг Яны...

У Леночки вспыхнули щеки и губы, расширенными глазами смотрела она на эту парочку, смотрела, как разноцветные искры пляшут в его густых каштановых волосах и ласковых карих глазищах, как он покачивается в такт музыке, сжимая своими лапищами длинноногую Яну в вызывающе коротких шортиках и майке-лифчике...

«Идиотка она, зимой шорты напялила прямо на вульгарные сетчатые колготки, и майку-ламбаду нацепила, такие майки за границей носят вместо нижнего белья...» – с раздражением подумала Леночка.

Как назло, сия сладкая парочка проплыла мимо, едва не задев ее плечами, и тут она увидела, как он смотрит на Янку... Его глаза сделались узкими и глубокими, словно два провала в космос, из них исходил странный бездонный свет, они словно выпцвели за считанные секунды, потеряли все краски, и вдруг стали ярко голубыми... Влад глядел на подругу искрящимся голубым взглядом! Такого Леночка не ожидала! Что это! Неужто у них что-то было, особенное что-то? Почему? Зачем же так?!!...

В ней все перевернулось от внутренней боли... Это было невыносимо! Ее словно раздирали вклячья раскаленными крюками! Это была инквизиция души! Янка с Владом уже танцевали в другом конце комнаты, а она все еще видела его сияющий нечеловеческим светом взгляд, в который она влюбилась без памяти, который сразил ее наповал... У нее ноги подкосились, больно сдавило горло. И тут она заметила маленькую огненную Саламандру, которая висела над церковной свечой. Это был мгновенный мираж.

«Все. Я сильная, мне никто не нужен!» – крикнула в душе Леночка. – «С этой минуты я запрещаю своим чувствам портить мою жизнь, во мне все умерло! Плевать я хотела на Влада и на все вообще!»

Она овладела собой, и сама удивилась собственному полному спокойствию и невозмутимости. Ей вдруг стало легко, и пусто, и весело. Она подошла к танцующим друзьям и бесцеремонно разлучила их, вытащив Янку в прихожую.

– Сейчас я тебе такое покажу, ошалеешь! – сказала она Янке хвастливым тоном. – Пошли в ванную, мне подарили классную интимную шмоточку, ну идем же, идем.

Она заперла дверь и вытряхнула из пакета на крышку стиральной машины маленькие кружевные трусики, бюстгалтер и коротенькую кокетливую комбинашку из натурального шелка золотистого цвета.

– Видала? Класс? Друг отца журналист международник подарил. Зашибенно, а?

– Ха, блин, так давай на тебе эту вещичку и посмотрим. Переодевайся, – скомандовала Янка.

Леночка чуть помедлила, что-то подсказывало ей, что не надо этого делать, но она все же облачилась в роскошное белье. Хотелось повертеться перед подружкой в шикарной обновке.

– Да, блин, это то что надо! Я тебя поздравляю! – сказала Янка.

– Правда, зашибенно, да? – повторила Леночка, приподнимаясь на цыпочки и рассматривая себя в зеркале над раковиной. – Ох, переодеваться не хочется.

– А зачем переодеваться-то, в Новый Год надо быть в новом, тем более что в изящном дорогом белье женщина чувствует себя увереннее, это же старая истина. Надевай платье.

Леночка действительно почувствовала себя увереннее.

Когда они выходили из ванной, Янка доверительно шепнула ей:

– Да успокойся ты, не нужен мне твой Влад на дух. Я просто люблю поиграть, ты же понимаешь, мне вообще с мужиками не везет, я признаю лишь флирт, легкий безобидный и романтический. Успокойся, глупенькая, он на тебя большие виды имеет.

«В самом деле, что это я взъелась на них», – подумала Леночка.

Подруги вышли к гостям, которые уже танцевали медленный танец. Влад тут же пригласил Леночку. Он церемонно склонил голову и взглянул на нее с такой необыкновенной нежностью, слегка выпятив губы, словно целуя воздух вокруг. Глаза его искрились чем-то большим, чем нежность, в них таяла синяя дымка, они больше не казались карими. Его глаза меняли цвет, вот это чудо! От него пахло изысканными мужскими духами. Леночке было хорошо с ним.

Он двигался легко, умело вел ее в танце, осторожно прижимая к себе, словно маленькую драгоценность.

– Как живешь, крошка? – спросил он, склоняясь к самому ее ушку и обдавая ее щечку горячим дыханием.

– Отлично, сэр! – смеясь, ответила Леночка, изо всех сил стараясь не попасть под его обаяние, не дать чувствам снова прорваться и захлестнуть ее волю. Она должна быть сильной, иначе – конец! Она должна выиграть в этой борьбе с самой собой, должна истребить в себе ненужные эмоции.

– О тебе целый год ни слуху ни духу, а за мной тут другие мужчины наперебой ухаживают!

– Великолепно! И кто же, например? – улыбнулся Влад уже не так бодро.

Леночка поздравила себя с первой маленькой победой и равнодушно сказала:

– Да так, пустяки.

– А точнее? – настаивал Влад, крепче сжав ее талию.

– Ну, например, журналист международник Боб Божмеров, знаменитая личность, – с еще более напускной рассеянностью проворковала Леночка. – Ну, там, двойное гражданство, богат и все такое, дорожный подарок мне на новый год сделал, зашибенная вещь, импортное белье, изысканный такой гарнитур из золотистого шелка.

– О, я вижу теперь, что у меня действительно появился серьезный соперник, – через силу улыбаясь, буркнул Влад. – Но я, между прочим, тоже время зря не тратил и кое-чего добился в этом году: после окончания института был на практике в Забайкалье на золотоносном прииске. Успешно решил материальную проблему, и все такое...

– А в Забайкалье что, нету телефонной связи? – язвительно спросила Леночка. – И телеграфа нет, и почты? Почему не давал знать о себе?

– Не сердись, я тебе все объясню и ты поймешь, что я перед тобой ни в чем не виноват.

Когда все уселись за стол, в комнату вошла толстушка Лариса по прозвищу Пончик, с которой вместе они рисовали портреты души на Старом Арбате. В ее руках Леночка увидела коробку конфет, ту самую, которую она бросила на трюмо в прихожей и там забыла, увлеченная переодеванием.

– Минутку внимания, друзья мои! – воскликнула Пончик, размахивая коробкой над головой. – Это презент сладкоежкам от нашей Саламандры! Она забыла в прихожей, но, благодаря мне, награда нашла своих героев!

Не успела Леночка извиниться за оплошность с конфетами, как все это произошло...

Лариса-Пончик широким жестом открыла коробку и... замерла в изумлении. Так, с открытым ртом и округлившимися глазами, она несколько секунд стояла перед столом, держа в вытянутой руке открытую коробку, в которой почему-то оказалось Леночкино белье. В следующее мгновение Пончик расхохоталась, подцепила пальчиком мятые трусики и подняла их над головой.

«Я же их оставила в ванной на стиральной машине! – обожгла Леночку догадка. – Значит, это Янка подстроила! Стерва!»

Пончик тем временем продолжала:

– Уважаемые сладкоежки! К сожалению, нашими конфетами уже кто-то полакомился, а нам, увы, достались только фантики!

Леночку как током ударило. Она выскочила из-за стола, выхватила из рук Пончика коробку и, с силой оттолкнув перепугавшуюся девушку, вылетела в прихожую. Янка рванулась следом.

– Саламандра, миленькая, это же новогодняя шутка! – ласково щебетала она, пытаясь успокоить и удержать подругу. – Ты, может, это из-за Влада? Я же тебе говорила, не нужен мне твой Влад, глупенькая! Останься, не уходи, я прошу, шуток не понимаешь...

– Отстань, – резко бросила Леночка.

– Да ты что! – не унималась Янка. – Что с тобой сегодня происходит? Успокойся же, очнись!

Но Леночку всю колотило. Она кое-как напялила на себя дубленку, шапочку, крикнула Янке через плечо:

– Пока!

И, всхлипнув, исчезла за дверью.

– Проводи эту сумасшедшую, – сказала Янка быстро одевающемуся Владу, – вот шарф, она забыла...

– Ладно, – бросил Влад и выскочил следом.

Догонять Леночку ему не пришлось. Она сидела на заснеженной скамье возле самого подъезда со злосчастной коробкой на коленях. Снег таял у нее на ресницах и щеках. Угадать, что девушка плачет, можно было только по затуманенным обидой глазам.

Влад закурил и присел рядом.

– Надо же, каждые новогодние праздники снегопад, как по заказу, – сказал он, протягивая Леночке шарф.

Она вдруг резко посмотрела ему в глаза и спросила:

– Ты Москву тоже за дома любишь?

– С чего ты взяла? – удивился Влад.

– Да так, есть тут у меня один знакомый, этот самый журналист-международник. Он дома уважает. Урбоман.

Пока Влад прикидывал, что сказать по этому поводу, Леночка разглядела его повнимательней. За год почти не изменился. Он был такой же, каким она его видела в последний раз: красавчик с жестковатыми чертами лица. Словом, не из маменькиных сынков.

Глава 6

Иногда Леночке казалось, что она выпала из реальности. Время то растягивалось, но сжималось, и вообще вело себя неестественно, но никто этого не замечал. Все в этом мире было не так. Она что-то пыталась вспомнить, важное что-то, но не успевала – события менялись, словно в калейдоскопе, надо было успевать реагировать и принимать решения. За ней ухаживали сразу Влад и Боб, а однажды внезапно возник Оскар, который тоже предпринял попытку поухаживать, но потом исчез. Влад приглашал ее в модные клубы и бары, Леночка побывала на корпоративном празднике золотничников в ресторане «Арагви», где Влад познакомил ее с коллегами. Праздник был просто феерический! Сначала она не хотела идти, стеснялась, но потом Влад разрешил ей взять с собой Янку. Ну подруга там дала дрозда, учудила, даже закадрировала одну «золотую» персону, правда, на одну всего лишь ночь. Она всех «приколола».

Свадьбу сыграли тоже в «Арагви».

Новый 1991 год они встречали в очень узком кругу. К ним в гости пришли только Влад и Боб. Боб конец года провел в Париже, и лишь на той неделе прилетел в Москву. Он прямо в прихожей стал одаривать всех такими презентами, что ни одному Деду Морозу не снилось. Хозяйке он вручил японскую пишущую машинку, которая по размеру была чуть больше форматного листа. Трошин получил в подарок импортный диктофон. По словам Боба, этот диктофон мог записывать разговор через стену. А Леночке досталось чудо современной электроники: телефон, умещающийся на ладошке, по которому можно было звонить в любую точку Европы и Америки.

– Ты где эту шпионскую аппаратуру добываешь, Боб? – шутливо спросил Трошин.

Боб вместо ответа как-то странно взглянул на друга и заговорил о том, что больше месяца не может высидеть за границей. Что русскому человеку без России все-таки не жизнь.

– Да, Боб, без нас, как без помойного ведра, мир не обойдется, – поддержал разговор Трошин. – Загадочные чувства будит Россия в душе человека. А, собственно, что? Посмотришь по сторонам: ни фиги особенного нет. Огромное печальное пространство, по которому чудачки бродят, вот что такое наша Россия.

Влад явился слегка под хмельком, с охапкой живых роз и ворохом всяких коробок с подарками.

Ирина Николаевна, помогая ему освободиться от верхней одежды и презентов, востогалась:

– Вот, Леночка, как надо к женщинам относиться: цветы в любое время года! А твой па всегда считает, что сорванные цветы мертвы, и поэтому всю жизнь был единственным живым цветком на нашем горизонте.

– Неправда! – возразил Трошин. – Я не цветочек. Я кактус. Колючий, гордый и неприступный кактус, и только не доказывайте мне, что кактус тоже из породы цветов. Кактус есть кактус, космическое существо на Земле.

– Боже мой, Саша, за что ты любишь этих уродцев? – помещая розы в тонкую высокую вазу, спросила Ирина Николаевна.

– Это по-вашему кактусята уродцы, а по мне, так симпатичнее не бывает! – парировал Трошин.

Влад увлек Леночку на кухню и стал нежно целовать ее глаза, щеки, губы.

– Леночка, я тебя съем! – ласково шептал он. – Ты такая сладкая!

– Если хочешь меня съесть, – игриво сказала Леночка, вырываясь из его объятий, – то начинай вот с этого! – И она приставила фигу прямо к его носу.

Ни на одном из семейных праздников до этого Леночке не было так радостно и уютно. В шумных застольях, которые еще недавно так любил отец, всегда терялось что-то празднич-

ное. Никто друг друга толком не слушал и все быстро напивались, а потом начинались всякие «приключения».

Леночке было приятно, что Боб совсем не ревнует ее к Владу, хотя интуитивно она чувствовала, что нравится ему все больше. После того, как она прямо рассказала ему о Владе, словно камень свалился с ее души. Теперь она чувствовала себя совершенно уверенно и раскованно с обоими кавалерами.

Она все время ловила себя на мысли, что еще и еще раз переживает ощущение объятий Влада, его пахнущие табаком и вином поцелуи, его откровенно страстное желание, упруго упирающееся в ее бедра. Тогда, на кухне, ей понравилось, что Влад набросился на нее с ласками и был так нетерпелив, так возбужден, казалось, он совсем потерял голову, еле сдерживается, чтобы не нарушить приличий. Леночка и сама еле владела собой.

Квартира Трошиных плыла в сизоватых облаках сигаретного дыма, в звуках музыки и благоухании цветов. Как ни странно, розы, подаренные Владом, источали тонкий и довольно ощутимый аромат (хотя обычно покупные розы не пахнут, или запах их слишком слаб и отдает какой-то химией), в этом была некая мистика. Этот настойчивый розовый дух она воспринимала как увертюру к будущим чудесам, ожидающим ее в этот новогодний вечер...

Отец с Бобом обсуждали свои бесконечные журналистские проблемы, попыхивая сигаретами и благостно поглядывая на небольшую пушистую елочку, переливающуюся огоньками гирлянды и посверкивающую игрушками. Приятный, радостный хвойный запах яркими брызгами вписывался в симфонию праздника, предвещая необычайные приключения и новогодние сюрпризы, какие бывают только в детстве и в юности.

Влад танцевал по очереди то с Леночкой, то с Ириной Николаевной. Галантно угощал обеих конфетами и подносил бокалы шампанского. Леночка захмелела и совсем развеселилась. Дурачась с Владом возле елки, она стала придумывать новые танцы.

– Давай станцуем доброе старое танго, но на новый лад.

Елка весело и задорно подмигнула им фонариками гирлянд.

Во время танго Влад нетерпеливо прижался к Леночке. Сидящие за столом поглядывали в их сторону, и Леночке вдруг стало ужасно стыдно, лицо ее загорелось. Ей показалось, что отец, мать и Боб все видят. Она попыталась прервать танец, но Влад только еще сильнее сжал ее в своих сильных руках.

– Все будет о'кей, крошка, – шептал он, нежно целуя ее. – Я приготовил для тебя еще один новогодний презент, но это сюрприз, он у меня дома.

– Па, Влад для меня какой-то потрясающий сюрприз приготовил! – тут же выкрикнула Леночка, пытаясь заглушить свое смущение и перекричать звуки музыки. – Мы потом сходим с ним, посмотрим!

– Захвати с собой мой подарок, – постучал Боб длинным ногтем по изящной телефонной трубке, – позвонишь от Влада, проверишь аппарат в действии, – добавил он без тени печали в голосе.

«Странно, ему даже нравится, что я ухожу», – подумала Леночка с некоторой досадой, но тут же улыбнулась и сказала, вторя отцу:

– По этому шпионскому телефону надо передавать только засекреченную информацию. Если, Боб, я позвоню и сообщу, что у меня все в порядке, то знайте, что это шифр, на самом деле в этот момент меня нужно выручать из беды, и наоборот.

– Браво, Леночка! – захлопал в ладоши Боб, пришедший на сей раз в полный восторг от шпионского юмора.

Леночка давно заметила особенность Боба полярно реагировать на одни и те же слова, произнесенные разными людьми. Впрочем, странностей в характере и поведении журналиста был столько, что они уже не раздражали, а, напротив, забавляли ее.

На улице выюжило. Не было обычной для таких декабрьских дней мягкой погоды с пушистым снегопадом. Но Леночка была счастлива. Наконец-то мама помирилась с папой. Наконец-то прекратились эти бесконечные богемные тусовки дома. Родители перестали считать копейки. Словом, как говорит Влад: «все о'кей!»

– Удивительно! – воскликнула она, повернувшись к Владу, когда они вошли в подъезд. – Ты же рядом жил, оказывается! А я только сейчас это узнала!

– Чему тут удивляться? Во-первых, я пешком редко хожу, а во-вторых, ты еще совсем недавно была маленькой глупенькой девочкой и не обращала внимания на мужчин. Так что ничего странного в этом нет.

– А мне и сейчас никто не дает восемнадцать, за шестнадцатилетнюю схожу, – похвасталась Леночка.

– Ну, конечно, восемнадцать лет уже для тебя катастрофа, стареешь, крошка! – засмеялся Влад.

В лифте они снова целовались. И на пороге квартиры Влад, сжимая ее плечи, горячо дышал ей в затылок. Подталкивая легонько в спину, он ввел ее в свое обиталище.

Она растерялась. Обстановка квартиры была слишком уж, на ее взгляд, шикарна, и она невзначай ляпнула:

– Зашибенный дизайн, не то что у Боба!

– Ты что, бывала у него дома? – насторожился Влад.

Леночка от досады чуть было язык не прикусила, кляня себя мысленно за глупость. Но тут же сориентировалась и с безмятежной улыбкой ответила:

– С отцом заходили, рукопись отец ему какую-то отдавал, давно еще. Я еще в школе тогда училась. Запомнились только столы и стулья с металлическими ножками. Ревнуешь?

– Да что ты, он ведь плюгавенький, а я вон какой большой и кучерявый! – потешно изображая былинного богатыря, басом прогремел Влад. – А все же он хороший мужик, ваш Боб. Четко в жизни разбирается, и в политике мощно сечет.

– Еще бы ему не сечь в политике, – хмыкнула она, разглядывая шкуру белого медведя, распластанную посреди комнаты. – Он же международник, журналист-международник с двойным гражданством, этот Боб.

Шкура была похожа на заблудившийся осколок айсберга, припорошенный рыхлым снегом.

Леночка осторожно встала на краешек «айсберга» и оглянулась на изящный стол с гнутыми ножками, покрытый золотистой скатеркой. Там красовалась искусственная елочка с огромными красными и розовыми шарами.

Влад ушел на кухню и вернулся с запотевшей бутылкой шампанского. Одним движением большой ладони он освободил пробку от обертки и проволоки. Выстрел и фонтан пены наполнили комнату. Влад суетливо подставил бокалы, и было в этом что-то такое, что выдавало его смущение и торопливость. Он что-то задумал, Леночка это вдруг почувствовала, и ей стало не по себе. Влад протянул ей бокал и, слишком громко засмеявшись, сказал:

– Ну, привет, крошка. Не страшно в логове крупного зверя?

Леночка к бокалу не притронулась. Она сбросила тапочки и босиком прошла по середине меха. Он был жесткий и теплый. Она села на спину бывшего медведя и скрестила ноги по-турецки. Достала из кармана зеркальце, пригладила волосы и состроила смешную гримаску.

Влад вышагивал от окна к двери с бокалом в руке, замирал на миг, любуясь девушкой, и снова шел к окну.

– А я, знаешь, в детстве мечтала о собаке, – сказала Леночка первое, что пришло на ум, и стала говорить и говорить, чтобы не дать чувству неловкости и растерянности застигнуть себя врасплох. Она была не в своей тарелке и просто не знала, что делать. Приходилось болтать о чем попало. О собаке. – Родители обещали завести щеночка, но потом сделали вид, что

забыли и что вообще не до таких глупостей им. А я так хотела собаку! И ходила в гости к маминной знакомой, у нее пес был Буник, лохматый, ростом с лисицу. Потрясный пес, умница такой! Тетя Люба, мамина приятельница, кидает ему кусок засохшей булки, Буник фыркает и презрительно отворачивается, дескать, жуйте это сами. Тогда тетя Люба говорит, указывая на булку: «Буник, смотри, мышка!» Пес подскакивает, хватает булку, подкидывает, ловит, и тут же начинает азартно грызть. Когда его интерес к куску ослабевает, хозяйка подзадоривает собаку: «Ой, какая вкусная мышка, отдай мне! Какая у мышки вкусная спинка, какой вкусный хвостик, дай мне лапку погрызть!» Буник под эти слова с аппетитом кусает «мышку» со всех сторон. Когда «лапки» и «ушки» кончаются, а «мышка» еще не съедена, то хозяйка продолжает обрабатывать собаку словами: «какие у мышки вкусные крылышки, какие вкусные жабры...» и так далее, «мышка» обростает все более фантастическими органами. Это продолжается до тех пор, пока все хлебные остатки не съедаются. Она очень экономная хозяйка и не любит, чтобы добро пропадало, вот и «зомбирует» собаку. Этот Буник очень боялся других собак, они на него кидались почему-то. И вот пес с хозяйкой выработали особую тактику и стратегию против собак. Когда на прогулке к ним приближалась чужая собака, Буник делал шаг назад и заинтересованно рассматривал что-то за хозяйской спиной (если собака приближалась сзади, то хитрый пес перемещался вперед), а тетя Люба, преградив путь чужой собаке, произносила, кивая на Буньку: «Осторожно, эта лохматая тварь возле меня – очень кусачая. Берегись, загрызет!» После этих слов чужая собака разворачивалась и со всех ног удирала! О, как я хочу собаку, любую, пусть даже она будет кошкой или хомяком!

– Малыш, я исполню любую твою мечту, эту и все остальные, только пожелай! – сказал Влад и с ласковой улыбкой протянул ей бокал.

Леночка залпом осушила его, и голова пошла кругом. Сегодня она пила слишком много шампанского, а это вино показалось ей несколько крепче обычного. Комната поплыла и закачалась вместе с Владом, который лежал теперь на шкуре рядом с ней, одной рукой обнимая ее за плечи, а другой сжимая пустой бокал.

Леночкин язык нес какую-то ахинею, она плохо соображала, что болтает, слыша свой голос как бы издали:

– Смешно, ты когда ходил по комнате, я тебя представляла таким длинноногим атлетом с гитарой. Может у меня талант художницы, или вообще много талантов? Я неисчерпаема как... как...

– Как кладезь, – подсказал нужное слово Влад.

– Вот именно, сэр, как кладезь! – продолжал молоть Леночкин язык, – вы оценили меня по достоинству. Только крепче держите свой бокал, а то уроните после того, что я вам сейчас скажу. А скажу я вам, сэр, что вы очень симпатичный мужчина и весьма нравитесь мне, потому что ваши глаза блестят, настоящего они не видят, а лишь фиксируют будущее, ваше золотое будущее на сибирском приiske...

Влад отставил в сторону бокал и поймал последнее слово Леночки поцелуем, властно терзая своими горячими жесткими губами ее влажный маленький ротик. Девушка почувствовала, что качается на волнах горячего пространства, в котором сейчас вся без остатка растворится, и кроме этого блаженного бесконечного пространства ничего больше нет. Погружаясь на дно головокружительной этой бесконечности, она увидела над собой Влада. Его обнаженное мускулистое тело, его просветленное страстью лицо... Влад сжимал ее своими большими ладонями и целовал всю, с ног до головы, стаскивая с нее одежду, его руки металась по ее напряжённому телу. Леночка стала отталкивать его, но в голове началась такая свистопляска, а сердце так бешено заколотилось где-то в висках, что она впала в полузабытье. Из этого блаженного аморфного состояния вывел ее громкий стон Влада. Он бился головой о Леночкино плечо, вздрагивал и протяжно подвывал. Его губы шептали: «люблю, люблю, люблю тебя, крошка...»

Леночка очнулась и почувствовала боль внизу живота. Под ней все было мокро, будто их только что окатила морская волна. Она ужаснулась, не понимая, что с ними происходит, что же это такое? Еще больше испугалась, поняв, что она голая.

– Выключи свет, пожалуйста, мне надо одеться, – жалобно попросила она.

– Не стесняйся меня, девочка моя любимая, – с нежностью отозвался Влад.

– Ну тогда отвернись, – сказала она резко, подхватила надорванные трусики (подарок Боба к прошлому Новому Году) и быстро прошла в ванную.

То, что она там увидела, изумило и привело в полное замешательство.

– Влад, что это у тебя здесь творится? – крикнула она.

– О Господи! Леночка! Я совсем забыл! – воскликнул он. – Тебе же теперь больно будет... Надо было сначала тебе эту ванну принять... Это же презент, который я тебе обещал! Вот растяпа я несчастный! – сокрушался Влад.

Он вошел в ванную с пустым бокалом в руке. Леночка, прикрывая нагое тело полотенцем, в недоумении смотрела то на Влада, то на ванну, наполненную вместо воды какой-то желтоватой пузырящейся жидкостью, разящей вином.

– Ты что, растворить меня хотел? – шутливо спросила она. – Да, не зря мне Боб телефон шпионский дал. В наши дни ни за кого ручаться нельзя.

Вместо ответа он наполнил этой жидкостью бокал и важно произнес:

– Разрешите вас поздравить еще раз с Новым Годом, а главное – с успешным переходом из девичьего стана в женский!

Залпом выпил шампанское и предложил Леночке принять новогоднюю ванну.

– Ой, это мне после всего сейчас лезть туда? – сказала она. – Зашибенно, Влад! Ну, гульнем! Ну а потом куда это все? – добавила смущенно, кивнув на шампанское.

– Разольем по бутылкам и будем продавать как бальзам «Елена»: мощное средство от импотенции.

– Ладно, только все равно выйди, я еще тебя стесняюсь, – попросила Леночка.

Влад отключил электронагреватель и, сказав, что сильно нагревать не стоит, вышел.

Она отбросила полотенце и склонилась над ванной, погрузив в нее ладони. Сквозь плотную теплую жидкость ладони походили на маленьких забавных рептилий. «Наверно, в первобытные времена такие водились на Земле, покрытой сплошь водами желтыми, пузырячатыми, и теплыми», – подумала Леночка и, ощутив вдруг себя рептилией, опустила в ванну ножку. Ступню приятно пощипывало и щекотало. Осмелев, она осторожно влезла и села по пояс в вино. Словно тысячи огненных шариков, не обжигая, заструились по телу, лишь в самом низу живота остро защипало, но она стерпела. Винные пары одурманили, боль внизу живота быстро прошла, лишь довольно ощутимо пощипывало в нежных местах, но Леночку это не смущало. Погрузившись в шампанское по подбородок, наблюдала в зеркале над краном, как забавно выглядит она сейчас, как вздулись и побагровели ее соски, порозовели круглые набухшие груди, разрумянилось лицо, как она удивительно хороша. Она зажмурилась и вся превратилась в сгусток сладострастного чувства... Забывшись, всплеснула руками, и шампанское тут же попало в глаза, в рот, в нос. Вскрикнула, зашлась кашлем и как ошпаренная выскочила из ванны.

– Что, нахлебалась? – весело спросил через дверь Влад. – Промой глаза водой.

Леночка бросилась к раковине, из-под воспаленных век ручьем текли слезы. Кое-как отмочив глаза холодной водой, она мокрым полотенцем обтерла все тело.

«Ну, кухарка ты, Ленка, а не барыня», – подумала она, глянув на себя в зеркало. И вслух добавила, подмигнув своему отраженью:

– Ничего, привыкнем.

Влад, при виде нее, не мог сдержать смеха. С красными глазами, с опухшим носом, опьяневшая в доску, выглядела она презабавно. К ней, к тому же, вернулось игривое настроение.

– А п-почему мы не пьем? – спросила она заплетающимся языком, и глаза ее лукаво сверкнули.

– Почему это не пьем? – улыбнулся Влад и хотел было в свой бокал плеснуть шампанского из бутылки, примостившейся под серебряной елочкой на столе.

– Не-ет, Влад! Я ж-желаю, чтобы ты выпил за нашу л-любовь бальзама «Елена»! – нетвердым голосом, но очень настойчиво и даже с некоторой обидой потребовала Леночка. – Ты что же, не хочешь моего бальзама? Я ведь не испугалась боли ради нашей любви!

– Ты серьезно этого хочешь? – произнес Влад. Улыбка исчезла с его лица, ему сделалось несколько не по себе.

– Я серьезная женщина, Влад! – воскликнула Леночка и брякнулась на медвежью шкуру. – Я с-серьезная... Я очень...

И тут же с визгом отдернула руку от ворса. С ужасом уставилась она на край белоснежного меха, где алело кровавое пятно. На полу лежал большой умирающий зверь с кровоточащей раной...

С нее весь хмель слетел. Вздрагивая, смотрела она прямо перед собой, на четвереньках отползая назад.

Влад поднял ее, отнес на кресло, бережно усадил, примостился рядом на подлокотнике.

– Успокойся, крошка, это не настоящая, тьфу ты, я хотел сказать, что...

Он махнул рукой и не стал больше ничего объяснять. Леночка и сама уже сообразила, что это за пятно.

– А вообще, впечатляет: красное пятно на белом фоне. Ты же у меня художница, сразу представила картину охоты на белого медведя где-нибудь в Заполярье. Ну, ладно, я сейчас.

Он встал и решительно направился из комнаты с пустым бокалом в вытянутой руке.

– Влад, дорогой, да я же пошутила, не надо никакого бальзама «Елена», иди ко мне, я лучше этого бальзама, – позвала она нежно.

Он молча вернулся, наполнил бокалы из бутылки и, подав один Леночке, сказал:

– Знаешь, крошка, давай выпьем за то, чтобы в новом году так никогда не шутить друг с другом, а то я уж подумал: черт меня дернул связаться с ребенком.

– Это я тебя ревную, Влад, ко всем женщинам, которые были у тебя раньше, до меня, – оправдывалась Леночка. – У тебя ведь их было много: ты богатый, красивый, с квартирой...

Влад молча потянулся к магнитоле. Резко взвились яростные звуки, и ретивый тенор призывно завопил:

– Стой где ты сейчас стоишь и молчи

Ведь от гангстера любви не уйти

Эту ночь поделим мы попола-ам

Никому тебя теперь не отда-а-ам...

Тут песня внезапно прервалась, и ровный голос диктора провозгласил:

– Вы стопроцентная женщина, и секс у вас связан с глубоко интимными переживаниями, поэтому вам нужен далеко не каждый партнер, даже если он красив и умен. Мы продолжаем передачу Интимный час...

Влад выключил магнитоу и наконец ответил на Леночкин вопрос:

– У меня было всего три женщины, – соврал он. – И вообще все не так, как тебе представляется. Тут ни при чем ни деньги, ни внешность, хотя, конечно, и это имеет значение. Но факторы, которые другим помогают создать крепкую семью, мне наоборот мешали. Мои женщины ревновали меня к несуществующим любовницам, устраивали скандалы на людях, словом, кошмар. Они были просто уверены, что у состоятельного человека обязательно должны быть любовницы, и переубедить их мне не удалось. С одной из них я был расписан официально. Мы вместе учились в институте цветных металлов и золота. Она оказалась ужасной себялюб-

кой и вдобавок истеричкой. После развода я еле в себя пришел... Но сейчас это все далеко позади. Я не хотел бы, крошка, чтобы это все у меня повторилось с тобой.

– Не бойся, дорогой, – засмеялась Леночка, – во-первых, ты мне еще не муж, а во-вторых, я совершенно согласна с твоими женщинами: состоятельный и видный мужчина просто обязан иметь любовниц! Но, в отличие от них, я в этом не вижу повода для семейного конфликта.

– Хм... посмотрю я, что ты через год запоешь, мадам, – усмехнулся Влад. – А вообще, в холостяцкой жизни есть своя прелесть. Всегда знаешь, что вернешься домой в свое спокойное одиночество, в пыльное холостяцкое гнездышко, поешь, включишь телик или завалишься с книжкой на диване. Бронированная дверь хорошо защищает от внешнего мира. Словом, «мой дом – моя крепость», банально, но справедливо.

– Влад, скажи честно, – перебила его Леночка, – зачем ты хочешь на мне жениться?

– Потому что ты очень хорошая, честное слово, только поэтому я и решил на тебе жениться. Потом, я хочу, чтобы матерью моего ребенка стала женщина, которая никому до этого не принадлежала. А почему ты меня спрашиваешь об этом? Может, что-то тебя угнетает?

– Ну, не то, чтобы угнетает, – крутя в руках портативную телефонную трубку, медленно проговорила она, – просто мне любопытно, почему ты не хочешь иметь жену-красавицу, например, как моя подруга Яна? Я не красавица, и знаю об этом. У тебя все шикарное: машина, квартира, работа. По логике, и жена твоя должна быть красоткой типа фотомодели: 90-60-90.

Влад расхохотался.

– Ты вынуждаешь меня открыть тебе все козыри, крошка, ну что ж, это даже хорошо. У меня, дорогая, есть своя собственная жизненная формула. В ней, кстати, тоже присутствует элемент золота. Ты, наверное, уже догадалась, что это – «золотая середина». Всего, что сейчас имею, я достиг, благодаря ей. Моей золотой формулы я придерживаюсь буквально во всем: в работе, в дружбе, в любви, в удовольствиях и т.д. Ты заговорила о красоте, как о некой ценности, и совершенно случайно дала правильное определение. Случайно, потому что опыта у тебя никакого быть еще не может. Вот, так же как золото – криминальный металл, женская красота криминальна по той же причине. Вокруг блистательной женской красоты в мире всегда происходят жуткие трагедии. Ты, Леночка, не красавица, но достаточно женственна и обаятельна, чтобы составить счастье любому достойному мужчине. Извини за такой несколько казенный тон, но по-другому об этом не скажешь.

– Ничего-ничего, – успокоила его Леночка, – расскажи мне еще что-нибудь о «золотой середине» в порядке, так сказать, передачи опыта.

– А что ты смеешься?! Тебе-то как раз моя формула нужна как никому другому. Ты же – будущая жена золотничника! Я через месяц должен вновь буду уехать в Забайкалье. Там, на заброшенном руднике, и запустим мою, как ты ее окрестила, машину по добыче золота из времени. Мне там надо будет пожить год-полтора, и тогда остальную нашу жизнь мы посветим путешествиям по миру. Ты ведь хочешь искупаться в каком-нибудь экзотическом море и трахнуться в одном из лучших отелей за границей?

– О, как это здорово! Как интересно! – воскликнула Леночка, радостно захлопав в ладошки, – но только я не хочу отступать от твоей формулы: мы с тобой будем трахаться только в самых средних отелях, но зато во всех странах!

– Молодец, четко усекла суть дела, – похвалил Влад.

Он замолчал и вновь заходил по комнате, явно что-то обдумывая.

– Я чувствую, Влад, ты мне еще что-то хочешь важное сообщить, так не бойся, говори, я тайны хранить умею, – заговорщицким тоном сказала Леночка.

– Да, ты угадала, постарайся запомнить все, что я сейчас тебе скажу. И никому об этом! Поняла!

– Угу! Могила! – прошептала она, все еще дурачась.

– Мне одному там будет тяжело. Я хочу, чтоб ты поехала со мной. Естественно, ты приедешь, когда я там устроюсь. Постарайся за это время окончить курсы программистов. Это пригодится и тебе и нашему делу. Ну, а теперь – о самом главном: могут возникнуть сложные отношения с директором прииска, помнишь, в «Арагви», здорового мужика! Он придерживается формулы урвать как можно больше, и поэтому конфликт между нами в будущем просто неизбежен. Он постарается достать меня каким-нибудь образом и через тебя. Так что ты держи ухо востро. Дело в том, что хотя в природе золота действительно гораздо меньше, чем в рассказах золотоискателей и кладоискателей, но я все-таки нашел новую жилу. Просмотрел документы заброшенных рудников Забайкалья, и вдруг меня зацепил один нюанс: большинство рудников были остановлены в связи с истощением породы, в которой находится золото. Закрытие же заинтересовавшего меня рудника было мотивировано, ко всему прочему, необходимостью реконструировать старое оборудование, и указывались совершенно астрономические суммы в рублях для оплаты нового оборудования. Я понял, что здесь дело темное: кому-то явно хотелось, чтобы этот рудник оказался в числе заброшенных, как многие другие. И чтобы это неминуемо произошло, подстраховались липовыми расчетами. Словом, мы с моим другом горным инженером, да ты его знаешь, Леночка, это Виктор. Помнишь, на банкет с нами в машине ехал? Короче, мы с ним в частном порядке провели геологическую разведку, и мои предположения подтвердились. Осмотрели шахту, взяли пробы и обнаружили совершенно новую золотую жилу всего в двух метрах от места, где прежние хозяева рудника прекратили бурение, разуверившись отыскать оборвавшуюся вдруг золотую жилу. «Неужели они ничего не знали о так называемых «ложных жилах?» – подумал я, и сам улыбнулся своей наивности. Так что, девочка моя, разворачивается прямо детективная история, – продолжал Влад. – Мы обо всем поведали директору нашего рудника Леониду Ивановичу. Но он повел себя весьма странно: попросил об этом не распространяться, а тайно выработать эту жилу с пользой для нашего производства, ну и для нас лично, естественно. Я устал доказывать этому старому хрену, что его жадность погубит и его, и нас вместе с ним. Золота, которое мы будем добывать из хвостов, применяя мою новую технологию, всем хватит с лихвой.

– Ну и что ты теперь собираешься предпринять? – Ее тревожило нехорошее предчувствие.

– Да ты не волнуйся, все будет о'кей! – успокоил ее Влад, – если он не законченный идиот, мне удастся его убедить, чтобы он объявил жилу. Если нет... В любом случае я успею расстаться с ним раньше, чем он увязнет в этой грязи.

В этот момент малютка-телефон нежно запищал в руках у Леночки. Она растерялась, не зная, на какой регистр нажать, чтобы выйти на связь с тем, кто звонит. Влад взял у нее трубку и, нажав нужный регистр, вернул.

– Аллю! – раздался голос Боба.

– Да-да, Боб, я тебя слушаю, – ответила Леночка.

– Деточка! – сказал он ласковым пьяненьким голосом, – ты почему нам не позвонишь и не сообщишь, что тебе очень плохо, как мы, по-шпионски, договорились с тобой?

– Ой, я совсем забыла, передай, пожалуйста, родителям, что мне потрясающе плохо и поэтому я останусь ночевать у Влада.

– Я рад за тебя, деточка! Будь уверена, дядя Боб передаст твою просьбу, потому что больше всего на свете он любит несчастных детишек. Целую тебя в щечку.

– Взаимно, Боб, еще раз с Новым годом тебя! – сказала Леночка и уставилась на чудную трубку, не зная что с ней дальше делать.

Влад вновь взял у нее электронную малютку, повертел в руках, что-то хотел сказать, но осекся и положил трубку на стол, рядом с бутылкой шампанского.

Глава 7

Едва кончился их медовый месяц, как Влад засобирался улетать в Бодайбо, золотую столицу Сибири. Леночка даже вздохнула с облегчением: слишком бурный темп жизни задал ей муженек. И вообще адаптация к новой жизни ей трудно давалась. Она любила спать одна, а муж настаивал, чтобы она ложилась с ним. К тому же Леночка совершенно не умела готовить обеды, и Влад купил ей книгу с рецептами «Вкусная и здоровая пища». Но напрасно, потому что Леночка не собиралась в нее заглядывать. И Владу приходилось кулинарить самому.

– Обязательно раз в день ешь горячее, – сказал ей Влад на прощание, – борщ в синей кастрюле... хватит тебе на два дня.

– Угу, дорогой, – бормотала Леночка из постели. – Конечно, каждый день буду есть горячее.

– И не забывай посещать курсы программистов, я большие деньги заплатил, – добавил он, и шутливо спросил:

– Надеюсь, ты в курсе, что в первый год замужества изменять грешно?

– Впервые слышу, но я постараюсь, – в тон ему ответила Леночка.

Когда за мужем щелкнул замок, она перебрала в памяти свои новые обязанности: пылесосить каждый день квартиру, протирать мебель, не забывать проветривать, взять белье из прачечной... В общем, муть спозаранку. Она зевнула, завернулась в одеяло, и занернула в свой прерванный сон. А когда вынырнула, на часах уже было пять вечера. До начала занятий на курсах оставалось еще полтора часа. Она немного подремала, вспоминая странный сон: пылающий огонь упрекал ее в легкомыслии и забывчивости и требовал что-то вспомнить, сделать, кого-то спасти. Почему-то ее уверяли, что Янка – ее неродившаяся младшая сестренка, обреченная на смерть, и что обе они погибнут, и что-то о пространственно-временном зигзаге, потом появился старый академик и принялся жонглировать временем. Жуткий сон.

Она вылезла из постели, приняла ванну, просушила феном волосы, но из зеркала на нее по-прежнему смотрела заспанная помятая мордашка.

«А, плевать», – подумала она и, быстро одевшись, вышла из дому. Ей страшно не хотелось опять учиться. Наверняка будут после экзамены, раньше Леночка была уверена, что последние ее экзаменаторы навечно остались в стенах родной школы, но увы...

Вообще-то она училась плохо не потому, что не имела способностей, просто – скука. В старших классах на уроках она читала Бёля.

Однажды учительница тихо, словно фантом, возникла у ее парты, схватила книгу и взглянула на обложку. Леночка вздрогнула от неожиданности. После урока училка вернула книгу и долго объясняла Леночке, что ей еще рано читать такие вещи, и что вообще западную литературу смотреть не следует: она развращает, а надо изучать программные произведения, которые в школе проходят...

В метро ей показалось, что это не электричка тронулась с места, а перрон поплыл со всеми людьми и колоннами. Она пошатнулась и зажмурилась.

Курсы проводились в одной из комнат Дома культуры «Меридиан». До начала оставалось минут пятнадцать. В холле было прохладно, играл оркестр. Ее внимание привлекла цветная афиша: мужчина и женщина с револьверами. Новый французский фильм назывался «Происшествие». Пойти, что ли, посмотреть? А на курсы можно и завтра... И она пошла в кинозал.

Рядом присел парень и, тронув ее за плечо, заявил:

– Меня зовут Паша.

Леночка не спеша обернулась:

– Ну и что из этого?

– А вас как зовут? – спросил парень, откинувшись и оглядывая ее словно музейный экспонат.

«Оригинальный прикольник», подумала Леночка. Она тоже принялась в упор его рассматривать. Ей понравился его низкий сиплый голос и забавный такой хипповый вид; чем-то он напоминал викинга: высоченный, с длинными волосами грязно-серого цвета, а глаза какие-то чудные, словно палитра в многоцветьи красок. Линялый джинсовый костюм и крестик на суровой нитке вносили в его облик заключительный штрих. Леночке тоже захотелось соригинальничать, и вместо имени она назвала свое прозвище.

– Очень приятно, – ничуть не удивился он. – Есть такая обувная фабрика «Саламандра». Я однажды, кстати, на обувной подрабатывал. До чего же все в мире странно, – продолжал он. – Я вот в армии отслужил, домой ехать не тянет, махнул сюда, в столицу великой родины, как говорится. К другу в мастерскую, там и живу сейчас. – Он улыбнулся и прикрыл глаза. – Хотите на экскурсию в мир искусства живого и священного, в мир художественных мастерских окунуться? Это вам не салонная живопись, там вершится нечто! Там быют тамтамы и грохочут небеса!

– О нет, мерси буку, но я страшно занята, вообще я представляю собой тип деловых женщин, – проворковала Леночка и сострила глазки.

Сегодня у нее было игривое настроение.

После кино парень наладился было провожать ее, но на пол пути, вволю пококетничав, она заявила серьезным и даже несколько строгим тоном:

– Я замужем, Паша. И к тому же очень спешу. Чао, чао!

Оставив парня в полном недоумении, она быстро спустилась в метро.

«Что-то во мне есть привлекательное», – подумала она. – «Заезжие фраера с ходу клеются».

Вечером позвонила Янка и, узнав, что подруга осталась одна, воскликнула:

– Ура! Слушай, у меня все бурлит. Вчера перекусывала в забегаловке. За соседним столиком иностранцы. Красавцы! Волосы черные, лица смуглые, зубы белые, глаза сверкают! Так на меня эти, представляешь, латиноамериканцы пялились, будто в первый раз белую женщину видят. А на столе, ты представляешь, Саламандра, одна бутылка вина. Я еще ни разу не видала, чтобы вокруг одной бутылки такое шумное веселье бурлило... Балдеют, словно ящик вмазали!

Короче, потом они взяли импортный торт-мороженое, молочные коктейли, и пересели за мой столик. Я, конечно, ах, ах, застеснялась испанских мальчиков. Мороженое я сразу слопала, а на коктейль показала пальчиком и сказала: «Фу, кислятина!». Один, кажется его Джоном зовут, тут же вскочил и принес бутылку шампанского. Словом, Саламандра, я кажется нашла то, что мне надо: они инженеры, строят в Москве особо важные объекты. Забегаловку на Пушкинской «Макдональдс», например, тоже их фирма строила.

– Ну, блин, нашла особо важный объект, – прыснула Леночка.

– Саламандра, ты ей богу дура набитая, за что тебя только миллионщики любят? Запомни, самое важное в мире, это жратва и удовольствия! Тетя Яна шутит, конечно, – добавила она жеманно.

– Саламандра, у меня к тебе большая просьба: испанские мальчики напросились ко мне в гости. Представляешь, в мою дыру иностранных гостей приглашать? Кошмар! Международный скандал будет! Давай ты, я и наш Пончик-Ларисик сделаем им прием на твоей хате. Покажем класс! А, Саламандра!

Леночка, оторопев от такого предложения, не знала что и сказать.

– Эй, Саламандра! Ты куда исчезла? – встревожилась Янка на том конце провода.

– Слушай, подруга, – ответила Леночка сдержанно, – у тебя что, вообще крыша съехала, блин? Муж уехал в командировку, а я бардак на его квартире устраиваю!

– Ха! Это же здорово, что уехал, это свобода! Освобождение! – ничуть не смутившись, продолжала напирать Янка.

– От чего освобождение-то? – спросила Леночка.

– От мужского ига, глупенькая! – воскликнула Янка, вставая в позу многоопытной дамы. – Теперь хоть ложись на пол и ногами дрыгай, никто тебе слова не скажет!

– Ну хватит! – начиная раздражаться, оборвала ее Леночка. – Никаких иностранцев у меня дома не будет, и на этом точка.

– Да ладно, черт с тобой, жила, – несколько расстроенным тоном отозвалась Янка. – Я и знала, что ты не согласишься, так, на всякий случай попросила. А в общем, я их уже пригласила к себе. Приходи завтра к двум. Лариса будет. Пообщаемся. Помоги хоть в этом. Я ведь по-английски не бельмеса... Выручи, Саламандра! Судьба дает такой шанс! Завтра суббота, все равно тебе делать нечего.

– Ладно, я подумаю и позвоню тебе, – закончила разговор Леночка.

Она развалилась на медвежьей шкуре и начала одну за другой нажимать клавиши дистанционного управления телевизора. На экране возникали сплошные политические деятели. Она вырубил телик. Квартира наполнилась тишиной. Красота! Недурно бы действительно отметить «освобождение» от «ига», не только от мужского, но и от родительского.

Она подошла к секретеру и, взяв из большой кипы оставленных ей на жизнь Владом денег плотную пачку десятитысячных купюр, подбросила их на ладони. «Чего там экономить!» – подумала она, и решила прошвырнуться по магазинам и что-нибудь купить.

– Да здравствует независимость! – сказала она вслух и вышла из дому.

Впервые бродила она по Москве бесцельно и с приличными деньгами в кармане. Вспомнив слова Боба в отношении любви к домам, она стала приглядываться к зданиям на Ленинском проспекте и к возвышающемуся в морозной дымке над всем районом шпилю Университета. Он, горел, как золотой луч, направленный в холодное небо.

Леночке стало немножко грустно, что она, родившись в Москве, никогда не замечала красоты этого города. Даже на Красной площади была раза два всего. Приезжие с Москвой гораздо чаще вот так общаются, чем сами москвичи.

Ее настроение немного увяло от вида множества нищих в подземных переходах метро. Раньше она их не замечала, пробегая мимо, а может, они появились только недавно. Она разменяла крупные купюры и стала подавать тем из них, что вызывали большее чувство жалости. Подала женщине с ребенком, державшей в руках картонку с надписью «Умер муж. Не на что похоронить. Помогите, люди добрые!» Мальчику инвалиду с детства, матери больной девочки, которая нуждается в дорогих лекарствах... Чем ближе она подходила к центру Москвы, тем нищих было все больше и больше, а их трагедии страшнее. Леночку охватил ужас. Она и не представляла себе, что рядом существует столько человеческого горя. Никаких денег не хватит, чтобы всем помочь. Рядом сверкали блистательные витрины супермаркетов, заваленные изысканными заморскими товарами. Ряды коммерческих палаток ломились от изобилия броских безделушек и роскошных напитков. В окошках «комков» торчали удивительно похожие друг на друга лица молодых парней с услужливыми и в тоже время надменными и жесткими глазами. «Оплоты демократии», – вспомнила она меткую фразу отца. «Действительно, что они там делают, если у них почти никто ничего не покупает?! Отмывают криминальный капитал?»

Ничего не купив, она решила вернуться домой, так и не дойдя до Кремля. В метро она чуть не столкнулась с каким-то латиносом, и вспомнила о приглашении Янки.

«А что, Янка точно меня развеселит, у нее без хохм не обходится». И, достав из сумочки свою «малютку» (подарок Боба), набрала подружкин номер.

Янкина квартира так преобразилась, что Леночка оторопела. Все стены были увешаны сурой с эротическим уклоном, а свободные от картин участки обоев измалеваны какими-то вообще непонятными символами.

– Ты что, сдаешь квартиру под выставку современного искусства? – спросила Леночка.

– Да нет, это все Пончик притащила. Лариса надеется, что латиноамериканцы обязательно должны заинтересоваться ее картинами, ну и приобрести, естественно. Так сказать, я даю ей шанс выхода на международную арену. Саламандра, дай денег. Мужики пошли жмоты. Представляешь, этот шеф твоего мужа, ну помнишь на свадьбе... Леонид Иванович, амбал... чуть не раздавил меня своей тушей. Я ему говорю поутру: дай, Леня, денег, у тебя их куры не клюют. А он мне, представляешь: денег я тебе, говорит, не дам, деньги унижают достоинство женщины, я не хочу тебя покупать, а вот лучше я тебе шубу дорогую куплю и золотую вещицу какую-нибудь на память о нашей встрече.

– Ну, купил он тебе шубу? – заинтересовалась Леночка.

– А куда бы он делся, блин!

Янка вышла в прихожую и через несколько минут явилась в шикарной норковой шубе. Она картинно прошлась по комнате и приложила ручку к воротнику, чтобы Леночка разглядела золотое кольцо с топазом.

– Ну как? – спросила она.

– Да, потрясная шуба, и колечко тоже, – улыбнулась Леночка. Она вытащила из сумочки початую пачку денег и протянула их Янке.

– На, чудо, и представь, что я с тобой рассчиталась за лесбийскую любовь.

– Саламандра, ты гений! – воскликнула Янка. Она жеманно двумя пальчиками взяла пачку и встала с деньгами в ту же позу. – Вот сейчас картина завершена!

Потом быстрым движением длинного наманикюренного коготка стряхнула порванный бумажный переплет, и рассыпала небрежно купюры на журнальном столике.

– Ох и любишь же ты выпендриться, – не выдержала Леночка.

– Глупая, ты ничего в этом не понимаешь. Я же специально атмосферу создаю для испанских мальчиков. Усекла?

– А где Пончик?

– Пошла встречать их на выходе из метро. Я им объяснила, что мимо нее они не пройдут, очень заметная фигура.

– Как же ты объяснила, если языка не знаешь?

– Да один немного по-русски кумекает, отдельные слова знает.

В это время зазвонил телефон. Янка сняла трубку и пропела свое «Ал-ло-у?» В следующий миг лицо ее вытянулось в недоумении.

«Ну вот, – подумала Леночка, – приключения начались». Она подошла и взяла у Янки трубку.

– Саламандра, кошмар! – чуть ли не кричала Лариса. – Эта стерва опять нас надула. Никаких испанских мальчиков нет, а явились три страшных негритоса. Что делать?

Леночку это сообщение ужасно развеселило. Давясь смехом, она сказала:

– Какая нам разница, дорогой мой Пончик, тащи их сюда, все будет о'кей, вот увидишь, не бойся, у меня портативный телефон есть, в случае чего вызовем ментов.

Положив трубку, она нарочито строго произнесла:

– Так, значит, испанские мальчики, проехавшись в метро, превратились в американских негритосиков? Так-так, повышенная группа риска...

Растерявшаяся Янка, наконец, сообразив, о чем был разговор, обрела дар речи.

– Фу, напугали вы меня, девки, – сказала она, принимая прежний кокетливый вид. – Ну и что? Негритосики это даже еще интереснее и перспективнее. Все дороги ведут в Вашингтон! Боже, храни Америку! Ай лав ю, Америка! «Эмерикэн бой, уеду с тобой!» – Закончила она словесную тираду фразой из модной песенки, и с бравადой взглянула на подругу.

– Ну, как я смотрюсь?

– Довольно нагло, – бросила та.

Вскоре Пончик привела трех чернокожих кавалеров. Один впрямь оказался испанцем, а двое других типичными афроамериканцами.

Все трое ослепительно улыбались. Открыв свои спортивные сумки, они жестами спрашивали, куда выставить продукты и вино. Янка уверенно взяла у них сумки, по-хозяйски вытащила шампанское, шпроты, колбасу и бананы. Парни, тыча пальцами себя в грудь, представились. Испанца звали Мигелем, его спутников Джоном и Питом.

– Прекрасно, господа, стало быть – Миша, Женя и Петя, – сострила Янка, поочередно указав на парней пальчиком.

– Ес, ес! – закивали они улыбаясь, как бы давая понять, что им понравился Янкин юмор.

– Прошу сид даун, – пригласила хозяйка гостей за стол и на этом исчерпав свой запас английского, подмигнула Леночке, мол, давай подключайся, переводи.

Леночка представилась Саламандрой и сказала гостям, что они могут общаться, а она будет переводчицей.

Испанец Мигель проявил интерес к Ларисиним картинам. Он сказал, что они ему напомнили о его знаменитом соотечественнике Сальвадоре Дали. Пончик несказанно обрадовалась и попросила Леночку сказать Мигелю, что она подарит ему любую из понравившихся картин. Мигель еще раз внимательно просмотрел картины и показал пальцем на небольшое полотно, на котором была изображена прозрачная призма с человеческим глазом внутри и называлась «Пробуждение». Лариса сняла картину с гвоздика и торжественно вручила Мигелю. Тот галантно поцеловал ее ручку. Пончик совсем осмелела. Ей стало даже немного неловко за свои страхи. Парни оказались вполне приличными людьми.

Выпили по бокалу шампанского, закурили дорогие сигареты с ментолом «Море». Янке очень шла длинная тонкая сигарета, небрежно торчащая между ее изящных пальчиков. Лариса же лучше бы не курила, – выглядела как слон с соломинкой.

Пит вдруг задал Янке вопрос, который несколько смутил переводчицу. Он спросил, как она относится к групповому сексу.

Леночка улыбнулась и перевела: «Пит, у тебя спрашивает, любишь ли ты шумные компании с вином и танцами?»

– О, ес! ес! Пит, – радостно возопила Янка. – Скажи ему, что особенно я люблю компании состоятельных мужчин, чтобы не приходилось считать копейки на покупку лишней бутылки вина.

Леночка, кивнув, перевела на английский: «Она любит этим заниматься только с богатыми мужчинами».

– О'кей! – улыбнулся Пит, довольный ответом.

Испанец попросил Леночку перевести Ларисе, что природа щедро наградила ее не только художественными талантами, но и пышными телесами, особенно ниже пояса, и поэтому он был бы счастлив совершить с ней анальный половой акт, сколько бы это ему не стоило.

Леночка, насили сдерживаясь, чтобы не покатиться со смеху, перевела эту тираду Мигеля следующим образом: «Пончик, я тебя поздравляю, Мигель очень заинтересовался твоим творчеством. Он даже сказал, что у него в Испании есть друзья-художники, и что, если ты не против, то он познакомит их с твоими произведениями».

Пончик умиленно взглянула на Мигеля, закивала головой в знак согласия и признательности, потом одну руку приставила к огромной груди, имея ввиду сердце, и после, сложив свои ладони в замок, потрясла ими перед носом Испанца.

– Ес, гуд, Но пасаран! – воскликнула растроганная толстушка.

Боевой клич антифашистов времен второй мировой войны обескуражил Мигеля, и он вопросительно посмотрел на Леночку. Ей пришлось успокоить парня, сказав, что у Пончика дедушка воевал в Испании против гитлеровцев, и при встрече с испанцами она всегда произ-

носит эту фразу в знак уважения и причастности к великой борьбе испанского народа с фашизмом.

Мигель успокоился, но все равно как-то странно стал поглядывать на Пончика.

Сидевший до этого молча Джон сказал Леночке, что он, как вышло само собой, считает ее сегодня своей дамой, и что он даже рад такому раскладу, потому что она ему очень понравилась. Он надеется, что и в постели она его не разочарует. Леночка поперхнулась вином, хмыкнула и поспешно пояснила, что выполняет лишь роль переводчика и вскоре покинет их милую компанию.

Джон сделал вид, что немного расстроился, но тут же утешился, взглянув на Янку, изображающую из себя звезду экрана и совершенно не догадывающуюся, что ее принимают за обычную платную проститутку.

Пит спросил, какая с них причитается плата за будущее удовольствие. И что пора заняться любовью, а то праздные разговоры понижают его потенцию.

Леночка перевела так: «Они спрашивают, сколько ты зарабатываешь в месяц денег».

Янка понимающе кивнула и, подойдя к журнальному столику, небрежно подцепила стопку десяти тысячных купюр.

– Мани-мани-мани, – пропела она и, положив деньги на край столика, вернулась на свое место.

Пит встал из-за стола, подошел к деньгам и просмотрел купюры. Потом он достал микрокалькулятор, что-то на нем посчитал, извлек из кармана джинсовки две сто долларовые бумажки и положил их рядом с Янкиными рублями.

– О'кей? – обратился он к Янке.

– Нормально, – улыбнулась она и, обращаясь к Леночке, добавила: – Сечешь, Саламандра, это не то что жмоты московские! Боже храни Америку! Я чувствую, что этого нам не хватит сегодня, – щелкнула ногтем по пустой бутылке шампанского. – Пончик, смотай в «коммок», возьми еще парочку, мальчики раскошелились, гульнем на халяву! Сбегай, Пончик, а то ребята дорогу не найдут.

Леночка обрадовалась поводу исчезнуть и вызвалась сама сходить за вином. В прихожей Янка сунула ей в карман ключи от квартиры.

– Чтобы из-за стола не бегать, – пояснила.

«Ладно, завтра занесу» – подумала Леночка, захлопывая дверь.

Она пересекла родной двор и вдруг с нежной тоской и затаенной болью подумала о родителях, о том, как они обрадуются ее визиту, как они потащут ее за стол на кухню с любимыми старенькими шторами в крупный цветок над чистыми окнами и подоконниками, тесно заставленными цветочными горшками... Она повернула к своему подъезду, нащупывая на связке ключи от родной квартиры. Вошла в прихожую, но навстречу никто не вышел. В комнате громко говорил телевизор. Леночка скинула куртку и прошла в комнату. Мама смотрела передачу, полностью погрузившись в происходящее на экране и ничего не замечала вокруг. Леночка молча опустила на ковер возле маминого кресла, поджала крестиком ноги и начала насвистывать.

Ирина Николаевна вздрогнула и оглянулась.

– Доча, ты? Пришла? – как-то отрешенно спросила она, и у Леночки больно сжалось сердце от этой маминой внутренней усталости и от чувства собственной вины за это ее состояние.

– Как видишь, мамулька. Ты совсем глухая стала. Не слышишь, кто в дом входит.

На телеэкране замелькали широкие листья субтропических растений. Ирина Николаевна, вдруг вспомнив что-то, сказала:

– Да, знаешь, у Боба в Африке дед обнаружился. Покойный. Наследство оставил, несколько тысяч долларов. А ему ведь эти доллары не нужны, и он позвонил из Парижа, чтобы деньги перевели в фонд мира.

– Он прав, конечно, – отозвалась Леночка. – А у него что, дед негритос? – удивилась она.

– Да нет, он там на какой-то государственной службе от России находился. Не приведи Господь этих негритосов, страсть какая, – вздохнула Ирина Николаевна, – лучше б их к нам не пускали, такие жуткие истории про них рассказывают...

Слова матери не на шутку встревожили Леночку. Она забеспокоилась за подруг. Воображение стало рисовать ей картины самые невероятные.

– Ма, у меня голова разболелась, пойду прогуляюсь перед сном, а ночевать к вам приду. Где па?

– Он на заседании Верховного Совета, интервьюирует какого-то деятеля. Вечером явится. Он по тебе тоже соскучился.

Леночка вышла на улицу и чуть не бегом пустилась к Янкиному подъезду, сжимая в руках свою «малютку» и мысленно уже вызывая милицию.

На лестничной площадке ее боевой дух несколько угас.

«А вдруг у них там все о'кей, а я нарисуюсь без шампанского?» – подумала она, но все ж решила заглянуть. Она и не подумала сначала, что может произойти какая-нибудь неприятность. Просто ей давно хотелось отплатить Янке и Пончику за ту противную историю с ее нижним бельем в новогоднюю ночь, и за все, что она тогда перечувствовала, и за Влада, ведь с тех пор ее преследовала мысль, что у него с Янкой что-то было. Ей хотелось подстроить подобную шутку, маленький смешной прикол. Она открыла дверь подружкиными ключами и вошла. Не раздеваясь, она направилась к открытым дверям комнаты, где был накрыт стол. То, что она увидела в следующий миг, привело ее в шок. Спина к ней стоял один из черных парней. Он был совершенно голый. Его лоснящийся от пота торс судорожно обвивали Янкины руки, ее светлые длинные волосы резко вздрагивали, обволакивая черные потные бедра мужчины. Чуть далее стоял другой афроамериканец и держал Янку за талию на весу... Ее ноги, согнутые в коленях, дрыгались за его спиной. Она глухо постанывала... Мужчины сопели как два жеребца... Увидев Леночку, тот парень, что был лицом к ней, от неожиданности и возбуждения выпучил глаза и издал дикий сладострастный вопль. Его друг принялся рычать, оседая на пол.

Леночку охватил такой ужас, что она не могла сдвинуться с места. Стояла, как парализованная, ничего не соображая. Из ступора ее вывели вскрики Ларисы в смежной комнате. Оттуда доносились тупые звуки, словно что-то громоздкое передвигали по полу с места на место.

Не помня себя от страха, Леночка проскочила на кухню, в панике нажала клавишу магнитофона – (подруга часто хвасталась этой «экстремальной кассетой» для непредвиденных ситуаций). Резкий вой милицейской сирены затопил квартиру... Суровый бас четко выговаривал, пробиваясь сквозь этот шум: «Подъезд номер три, квартира семнадцать... блокировать район... Пострадавшие, держитесь, через три минуты будем у вас...», и вновь приглушенная было голосом милиции сирена взвыла с яростной силой...

Дальнейшие события проходили перед глазами Леночки, как замедленные кинокадры: в проеме кухонной двери вдруг возникла полуобнаженная черная фигура, пытающаяся ногой попасть в штанину. Не снятый впопыхах презерватив болтался и раскачивался во все стороны. Потом возня в прихожей, звон разбитого стекла и мощный удар захлопнувшейся двери.

Магнитофонная пленка давно кончилась, в квартире воцарилась гробовая тишина. Леночка боялась выходить из кухни. Сидела и ждала чего-то.

Вскоре в гостиной послышалось движение.

– Эй, милиция, проходи в комнату, что ты там сидишь? – раздался Янкин голос.

Леночка встала и быстро прошла в комнату. Подруга уже одетая сидела за столом и курила, бессмысленно глядя на пустую бутылку из-под шампанского и стряхивая в ее горлышко пепел.

– Ты что, товарищ милиционер, у нас клиентов отшибаешь, – кисло сострила она. – Я только вошла в образ... А где вино? Ты же за вином ходила, Саламандра?!

– Хватит вам, напились на всю жизнь, – бросила Леночка и ушла в смежную комнату. Там, забившись в угол, хныкала толстушка.

– Надо в милицию позвонить, – сказала Леночка.

– Ой, не надо, ради бога не надо, Саламандра! – заскулила Лариса.

– Как это не надо, мало того, что эти черти вас истерзали, так еще и трюмо грохнули!

Вслед за Леночкой в комнату, пошатываясь, поплелась Янка.

– Не хнычь, Пончик, – сказала она, пытаясь придать голосу бесшабашность. – Благодаря Саламандре плакала твоя персональная выставка в Испании, но поверь мне: на Испании свет клином не сошелся.

– Пошла ты к черту, вместе с Испанией! – всхлипнула Лариса, вставая и оправляя грязную измятую юбку.

Психотропное оружие сработало четко: черные кавалеры ретировались столь поспешно, что забыли часть своих шмоток. В джинсовке Пита оказалось портмоне с несколькими стодолларовыми купюрами. Мигель забыл свой пушистый черный свитер огромного размера.

– Что будем делать с трофеями? – спросила Янка.

– Девочки! Они же за ними вернуться! – в панике залепетала Лариса.

– Не вернуться, – успокоила ее Янка. – Во-первых, дорогу не найдут, а во-вторых они от страха уже до Америки домчались, наверное. Короче, деньги пропить, тряпки продать, и позабыть об этом приключении. Вы как знаете, а я хочу ванну принять, – добавила она и, покачиваясь ушла мыться.

– Да, события, – сказала Леночка, рассматривая свитер Мигеля. – Надо поглядеть, не напаялил ли он со страху Янкину норковую шубу.

Она сходила в прихожую и убедилась, что шуба на месте.

– Надо же, такую шубу презентовали нашей принцессе огорошенной!

– Какое там, к чертям собачьим, презентовали! – раздраженно воскликнула Лариса. – От покойницы мамы наследство осталось: шуба эта, да еще колечко золотое с топазом. Она уже, конечно, успела тебе лапши на уши навешать про благородного рыцаря, одарившего ее за чудную красоту по-царски. Так ведь?

– Примерно так, – улыбнулась Леночка.

Глава 8

Леночка, как и обещала, пошла ночевать к родителям. Дождались отца и сели пить чай втроем на кухне, заставленной цветами. Куда ни посмотришь – везде в ящиках, в горшках, банках цветы, цветы... От тесноты повернуться некуда, но все равно замечательно. От политой земли пахнет настоящим летом...

– Ну как, Леночка, без мамы с папой живетесь? – спросил Трошин и, не дожидаясь ответа, заговорил на совершенно другую тему. – Представляешь, что они пишут о Горбачеве?! Ну и дела-а! Все возвращается на круги своя.

Он развернул газету и громко прочитал: «... Когда Михаил Сергеевич произносил с трибуны приветствие, тучи на миг разверзлись, показалось солнце, и прозрачный яркий луч осветил...»

– Ха-ха, – невесело всхотнула мама, – я же тебя предупреждала, Саша, что Россию перестроить невозможно, и зря ты с этими демократами связался. Боб тебе то же самое говорил.

– Я не связался, а это мои убеждения, Ирочка, а Боб неисправимый «совок». Я его тоже люблю, но иногда меня просто корбит от его прокоммунистических прожектов. Сначала – коммунизм только лишь для партийной верхушки, а теперь и демократия только лишь для них? Нет, на сей раз дудки, хлопчики! Народ в дерьме, и вы пожалуйста туда же, уважаемые руководители страны.

– Саша, ты хоть с дочерью поговори, все-таки у нее новая жизнь началась, – с укором перебила мужа Ирина Николаевна, – а то уже мухи дохнут от политических разговоров.

– А что спрашивать, – спохватился Трошин, обнимая дочь за плечи, – я и так вижу, что прекрасно она себя чувствует в новом качестве. Так ведь, Леночка? Мужика такого отхватила, золотого в прямом смысле. Мы с тобой с общаги начинали, да по коммуналкам намучились, пока эту квартиру получили, а Леночка сразу – в боярские палаты. Мо-ло-дец! Кстати, Леночка, поставь немедленно квартиру на охрану, а то в Москве такое творится... У меня есть секретные сведения, что к концу этого года каждая третья столичная квартира будет ограблена. Так-то вот.

Он поцеловал Леночку и ушел в свою комнату. Вскоре оттуда послышалось пощелкивание пишущей машинки. Леночка любила засыпать под эти мягкие звуки. Иногда она даже, как ей казалось, угадывала слова, которые складывались из ритмичных щелчков. На этот раз, лежа под одеялом и прислушиваясь к постукиваниям машинки, она составляла шkodные предложения: депутаты все мерзавцы, аморальные уроды. Из-за них в России негры обижают белых женщин извращениями секса и неверием в любовь музыкантов и актеров, журналистов и поэтов, и художников Арбата, и плохих учеников, и...

Ночью был салют. Бум! – раздавалось за окном. – Бум-бум-бум! Стены мигали разноцветными бликами, по полу бежали тени. Гулкие проемы окон вдруг всплескивались переливчато, сыпя яркими брызгами, и снова замирали. Это огромные праздничные люстры падали с неба на темный, угнетаемый нехорошими предчувствиями и совсем непраздничный город. Но все равно салют был роскошный!

Резкие перемены в жизни Леночки не в лучшую сторону отразились на ее сноведениях. Вот и в эту ночь ей наснилось муть какая-то: она гуляла возле Белого Дома по фосфоресцирующему зеленоватому снегу, наверное, от него исходила радиация. Леночка боялась поскользнуться, чтобы не упасть и не коснутся руками этого снега. Вдруг она увидела, что по набережной скачет кенгуру, а следом бегут вооруженные автоматами чернокожие парни, похожие на латиноамериканских наемников из телепрограммы «Время». «Ну, блин, сафари устроили, – подумал Леночка, – неужели они не знают, что у дверей Белого Дома охота запрещена?»

Парни, словно услышав ее мысленное обращение, резко остановились и стали целиться прямо в нее. Она зажмурилась и в страхе проснулась.

– Тыфу ты, кошмар какой, – пробормотала она, приподнявшись, и посмотрела на часы.

Было девять утра. «Не хватало еще, чтобы эти Янкины негритосики мне теперь сны кошмарили» – раздраженно подумала Леночка. Она глубже зарылась под одеяло и снова заснула.

За обедом она рассказала свой сон и спросила, что бы это могло означать, если растолковывать по соннику.

– Воскресный сон сбывается до обеда, – блеснул эрудицией отец.

– Да, сон, конечно, нелепый, – с интересом включилась в разговор мама, – но жизнь, вообще-то, еще абсурднее. Мне, например, наша давнишняя поездка с твоим отцом в Прибалтику вспоминается теперь, как полет на Луну. Никак не могу отделаться от этих навязчивых воспоминаний, а ведь это даже не заграница. Я даже, когда Прибалтику по телеку показывают, не могу оторваться от экрана. Там нам было с тобой очень хорошо, Саша, – добавила она, нежно взглянув на мужа. – Тогда и в мире, и между нами еще не промчались ураганы всякого... Наверное, я создана для той жизни, как в Литве...

– У тебя в жилах наверняка есть прибалтийская кровь, это психологи запросто сегодня объясняют, так сказать, научно все уже обосновано, – сказал Трошин.

– Нет, Саша, никакого зова крови на свете не существует, а есть лишь зов хорошей жизни. Человек всегда ностальгически тянется к прошлому, в котором ему было хорошо. Вот ты сам обрати внимание на чашку, из которой ты чай пьешь, – добавила Ирина Николаевна.

– Что тут такого? – удивился Трошин.

– А то, что я тебе всегда ставлю чашку с целой ручкой, а ты достаешь эту с отбитой ручкой. А за что ты ее любишь? Вспомни?

Трошин нежно погладил битую чашку по бочку, и грустно улыбнувшись, сказал:

– Конечно, помню, Ирочка. Когда я давным-давно в первый раз тебя поцеловал, этот твой ухажер Сережа, на твоем дне рождения это было... Так этот растяпа от ревности аж чашку выронил. Горячим чаем облился. Все бросились его вытирать, и никто не заметил, как мы поцеловались еще раз. Точную я картину восстановил? – самодовольно щелкнул пальцами Трошин.

– Вот видишь, Саша, за это и любишь ты свою чашку. Она тебе напоминает о первом нежном чувстве ко мне. А ты говоришь о какой-то генетике...

В это время в прихожей раздался звонок.

Боб явился как всегда без предупреждения и с подарками.

– Боже, как мне надоел Париж! Как я соскучился по Москве! – воскликнул он с порога. О, и молодая жена здесь! – обрадовался Боб. – Скучаешь уже по муженьку? – добавил он игриво.

– Да нет, Боб, – весело ответила Леночка, – муженек для меня как подруга. Сначала с подругой интересно, потом к ней просто привыкаешь. Может, я его уже разлюбила?

Боб глубокомысленно потер свои залысины и наставнически произнес:

– Нет, Леночка, так нельзя. Нечестно. Твои родители этого не перенесут. Да и Влада жалко.

– Не слушай ты ее, старина, – вставил Трошин, – она сегодня у нас под впечатлением своих фантастических снов находится.

– Женские сны, это очень любопытно, – согласился Боб. – Женщины долго помнят свои сны и даже продолжают наяву, в определенном смысле, переживать их. У мужчин все проще: их сны по утрам тяжело встают с края постели и уходят в небытие.

Пока муж и дочь развлекали гостя, Ирина Николаевна вновь накрыла стол, только уже в гостиной.

– Прошу к столу, – позвала она всех, – отметим очередное явление Боба с другого конца света.

За столом Боб похвастался недавно опубликованной своей статьей в «Правде», занявшей почти целый разворот. Статья называлась «Осторожно! Цепные псы перестройки сорвались!»

– А, так это ты! – воскликнул Трошин. – Как я сразу не врубился, что Б. Борисов, это Борис Божмеров. Ты, по этой статье, мой идейный противник получаешься, Боб. Вообще, странно, казалось бы, тебе-то в первую очередь надо плюнуть в коммуняк, а ты наоборот их поддерживаешь.

– Я над схваткой, Саша, – уточнил Боб, многозначительно подняв указательный палец. – На цивилизованного человека не должны оказывать влияния никакие догмы, будь то коммунистические, демократические либо иные. Я считаю, что основным мерилом целесообразности любой политической идеи должно быть благополучие народа. Слава богу, вековой опыт человечества тут на моей стороне. А вообще-то, давайте сменим пластинку, все это мне до чертиков надоело. Надо большую часть своего времени занимать мыслями и разговорами на тему «Любовь, секс, дети, цветы, мороженое». Вот так надо свои мозги разгружать!

– Менять «пластинку», так менять, – лукаво блеснув глазами, сказала Леночка, – интересно, как во Франции относятся к групповому сексу? – спросила она совершенно серьезным голосом.

– Ну ты даешь, Ленка! – засмеялся Трошин, а Ирина Николаевна только головой покачала.

Но Боб не из тех, кто за словом в карман лезет, и кого можно смутить подобными вопросами.

– Айн момент, господа! – воскликнул Боб. Он встал из-за стола, прошел в прихожую и вернулся со своим кейсом. Открыв его, он извлек из бокового кармашка какую-то маленькую розовую штучковину, поместившуюся в его ладони, и стал ее заводить как детскую игрушку, вделанным в основание ключиком.

Все с любопытством ожидали, что же будет?!

Затем Боб расчистил на столе место и поставил игрушку. Она мелко и часто заподпрыгивала и начала перемещаться по столу. Трошины дружно расхохотались. Низ игрушки был сделан под кенгуренка с прыгучими лапками, а верх являл собой возбужденный фаллос.

– Вот это хреновина! – заорал в полном восторге Трошин, – молодцы, французы!

Ирина Николаевна, вытирая выступившие от смеха слезы, сказала:

– Боб, ты шалунишка, разве можно при женщинах и детях такие аттракционы устраивать?

– Где ты видишь детей, Ирина? – весело отозвался Боб, – у этих детей скоро у самих дети появятся, – взглянув на Леночку, добавил он.

У фаллического кенгуренка кончился завод, и он застыл возле початой бутылки сухого.

– Леночка, что я тебе говорил! – не переставая смеяться, восклицал Трошин, – сон в руку про кенгуру...

– Что-что в руку? – прыснула Ирина Николаевна, кивая на игрушку.

– Ах, стало быть вот почему я решил приобрести это милое существо. Выходит, моя воля иногда находится в зависимости от твоих сновидений, Леночка! Такое со мной в первый раз. Однако в спокойном состоянии он не так очарователен, – сказал Боб, убирая игрушку в карман пиджака. – Ну вот я и ответил на твой вопрос, так сказать, наглядно. К групповому сексу, а также ко всему другому групповому типу коллективных писем, жалоб, групповому мышлению я отношусь, как вы все сейчас изволили заметить, с большим юмором.

– Ладно-ладно, Боб, все понятно, – сказала Леночка, – это моя подружка помешана на таких вопросах, вот ей бы показать эту игрушку.

– Ленка, не клянчи. Что за привычка?! – перебил ее Трошин.

– Да что ты, Саша, пустяк, пусть повеселит друг, – Боб достал кенгуренка и протянул Леночке. Она отнесла игрушку в свою комнату и сунула в сумку. «Ну, Янка будет в полном

восторге», – предвкушая реакцию подруги, подумала она, – «еще бы подружку ему придумать, например, двустворчатую ракушку-попрыгушку».

Когда она вернулась в комнату, Боб уже показывал отцу с матерью какую-то фотку.

– Мне сказали, Леночка, что тебе еще нынче чернокожие снились, так у меня и на этот счет кое-что оказалось, – грустно улыбнулся Боб. – Мама тебе уже говорила, что у меня недавно дед в Африке приказал долго жить. Вот посмотри внимательно на этого птицеголового, – ткнул он пальцем в снимок. – Это и есть мой дед Божмеров Георгий Ефимович. Так почти всю свою жизнь он и прожил подмышкой у Африки. Представляете, в черной деревне живет русский старик. У него дом, выводок жен и пять самодельных ульев. Каждый месяц в веселом автобусе в куче негров, узлов и баранов он отправляется в столицу. А столица такая: президентский дворец, католический собор, мечеть, три высотных здания в десять этажей, четыре базара и восемь кинозалов. В любой части города слышен морской прибой. Старик едет в столицу вдохнуть цивилизованного воздуха и впечатлений, купить газеты, сходить в кино, тростью пройти по решетке собора, ну, в общем, слегка отдохнуть. Уже перед самым отъездом он заходит в советское посольство и покупает гречку...

Однажды я был у него в гостях и попытался взять что-то вроде интервью с африканским русским. Но у меня ничего не вышло. Вам в трех словах, как говорится, передам интервью, которого не было:

– Чем вы здесь занимаетесь, Георгий Ефимович?

– Вы знаете, развожу клубнику. Это, между прочим, эксперимент. Пять лет назад я привез из Алжира несколько усов. А теперь у меня уже десяток грядков.

– Вы садовод?

– Как вам сказать... не знаю... просто люблю копать в земле.

– А как вы вообще в Африке оказались?

– Революция меня захватила за границы. В гражданскую потерял почти всех родных. Остался за кордоном. Много путешествовал будучи коммивояжером, потом осел здесь. В Африке все дешевле.

– А война?

– Простите, какая война? – не понял он вопроса, – понимаете, молодой человек, все это очень сложно. У меня всегда было ощущение, что жить по-настоящему я еще не начал. Вот уже восемьдесят, а все еще не начал. Очень не хочется умирать. Вы знаете, здесь хорошо – и народ неиспорченный, и жизнь стабильная, а все чего-то не хватает.

– Вы никогда не думали вернуться, найти родственников?

– Ах, какой обычный вопрос. Я прошу вас покорнейше меня извинить, молодой человек, поскольку вы сами являетесь моим родственником, но я все-таки скажу. Знаете, никогда об этом не думал. Я счастлив, я жил как хотел.

– Но ведь вы жили и живете, как дерево – без цели, без смысла, так же нельзя!

– Вот-вот. Почему же нельзя? И дерево нужно на земле.

– Но вы же ничего не довели до конца, вы остановились на полдороги.

– Ну почему же? Что это значит? Неужели останавливаться на полдороги можно только у себя на родине? Это везде одинаково происходит.

Последнее, что я услышал от своего деда, была песенка: «Африка, Африка, радостным пионом, веером павлиньим плаваешь в зеленом. А зеленый – в синем... Где-то есть Россия, снегов молоко, где-то есть Россия... Очень далеко...»

Боб замолчал. Потом нагнулся к дипломату, положил на место фотографию и, закулив сигарету, принялся пускать колечки дыма.

– Ну, вот и все пока, – закончил Боб, мгновенно сменив грустное настроение на веселое, – в следующий раз я к вашим экзотическим снам еще что-нибудь припасу.

Рассказ Боба об Африке как-то не вязался в сознании Леночки с представителями этого континента, встреченными у Янки. Слишком мощные отрицательные эмоции вызвали у нее темнокожие парни. Она могла только удивляться выбору деда Божмерова. Впрочем, у мужчин, наверно, иное мироощущение. Хотя, похоже, что она сама, своей дурацкой шуткой, спровоцировала парней на такое поведение.

Потом Боб спросил Леночку, как ей пришлась новая фамилия. Она сказала:

– А никак, я свою оставила. Не нравится мне его фамилия. Смешная и даже на прозвище смахивает. Потом, многовато в нашем доме Франции: ты из Парижа, муж Французов. Нет уж, лучше я Трошиной останусь.

Боб похвалил Леночку за своего рода семейный патриотизм, но заметил, что насчет фамилии Французов она зря так думает. Такие фамилии на Руси давали уважаемым мастерам, изделия которых славились по всему миру. Отсюда и все Французовы, Немцевы, Шведовы, Африкановы и прочие по этой аналогии.

Так, болтая о политике, любви и разных разностях, они досидели до вечера. Ирина Николаевна была очень довольна гостем. Ей нравилось, когда за вечер выпивалась всего бутылка сухого, и велись интересные разговоры. Это было что-то из ее мечты о прибалтийской жизни.

– Ну, мне пора, – сказал Боб, поднимаясь из-за стола, – пора, дорогие мои, – подтвердил он, словно речь шла о каком-то дальнем странствии. Это немного даже опечалило и насторожило Трошиных. Леночка на миг представила, что сегодняшняя их встреча с Бобом может быть последней, и едва не всплакнула.

– Когда объявишься? – спросил Трошин, помогая Бобу напялить тяжелое кожаное пальто с утепленной подстежкой.

– Я позвоню, Саша, – ответил Боб и, обращаясь к Леночке, добавил, – ты можешь проводить меня до Ленинского. Прогуляешься перед сном. Погода чудная сегодня весь день.

Леночка с радостью согласилась. Она быстренько накинула свою беличью шубку и, появившись в пуховый платок, вышла вместе с Бобом на лестничную площадку. В лифте Боб оправил ей платок и вдруг, резко приблизившись, стал целовать ее в глаза, в щеки, в губы. Леночка от неожиданности зажмурилась и так обмякла, что, когда лифт затормозил, у нее подкосились ноги, и если бы Боб не поддержал ее в этот миг, она точно бы села на пол. Они молча вышли из подъезда и пошли по направлению к Ленинскому проспекту.

Первым заговорил Боб:

– Можно я буду звонить тебе по новому телефону?

Леночка не торопилась с ответом. Она переживала какое-то незнакомое еще чувство. С одной стороны досадовала на себя, что дала ему явный повод для сближения отношений. «В первый год замужества изменять грешно...» – вспомнились слова Влада. Ей было жутко неловко, она старалась не смотреть Бобу в глаза. Но с другой стороны, ей совсем не хотелось терять расположение этого прекрасного человека, тем более близкого друга семьи.

Уловив ее настрой, он как можно беспечнее сказал:

– Не переживай, Леночка, большего я от тебя не требую, а уж на невинный поцелуйчик дядя Боб вправе рассчитывать всегда.

– Пойми меня правильно, Боб, – сказала она растерянно, – я не хочу тебя обидеть, но...

– Все понятно, миленькая моя, – перебил ее Боб, – больше не буду тебя напрягать. Ну вот мы и повеселели, – добавил он ласково. – Ты ради Бога на меня не обижайся, Леночка, но я опытнее тебя и знаю, что твоя настоящая любовь еще ждет тебя впереди, и это прекрасно! Мы же решили однажды говорить друг другу только правду. Только поэтому я тебе сегодня и сказал о твоей будущей большой любви. Что улыбаешься? Не веришь дяде Бобу, шалунья? Вспомнишь когда-нибудь эти мои слова...

Леночка дошла с Бобом до самого метро. На прощание он поцеловал ее в щеку и растворился в толпе.

И тут ее охватила тоска по Владу. Она хотела его видеть, и чтоб он целовал ее, нес на руках в постель, прерывисто дыша от накатившей страсти... В этот миг она решила идти ночевать на свою новую квартиру, словно это могло как-то приблизить к ней Влада. «Ничего Боб не понимает, я люблю Влада, люблю его, люблю!» – прошептала она, кусая губы.

Глава 9

Леночке повезло: в прошлый раз, когда она схалтурила и вместо учебы отправилась в кино, занятия курса программистов не проводились: преподаватель заболел. Зато сейчас все было как положено. Она сосредоточенно вникала в азы компьютерного дела. Преподаватель, совсем еще молоденький, светловолосый и круглолицый, тыкал указкой в стоящий на столе компьютер и тараторил на манер популярных телерадиоведущих:

– Вот это дискеты с компьютерными программами, а это сам компьютер. Он состоит из монитора, клавиатуры и системного блока. Монитор, как видите, это экран. Его еще называют дисплеем. Рабочая, или тактовая, частота – от 8 до 16 мегагерц на старых моделях, и от 1-2 гигагерц и выше – на новых. Чем больше тактовая частота, тем быстрее работает ваша машина. Объем оперативной памяти обозначается ОП. На старых моделях ОП чаще всего от 1 до 16 мегабайт, обозначается МБ, то есть, миллионов символов памяти, на новых – 32, 64 или 128 МБ. Но это мы будем изучать позже. Сначала азы. Теперь смотрите внимательно. Основное – это системный блок, в нем мотор компьютера. Нажимаем на большую кнопку слева на системном блоке. И компьютер включен. Вот он начал загружаться, видите, следите за экраном. Вы видите, появилась картинка. Теперь... – Его рука порхнула по клавиатуре. – Не отвлекайтесь, кто там шепчется? Компьютер штука серьезная. При помощи этой вот «мышки»... осуществляем при помощи так называемой «мышки», то есть вот этой маленькой педальки, управляемой пальцем... Девочки, предупреждаю, будете болтать, выгоню. Это вам не курсы кройки и шитья. Все видите педальку на отдельном проводке? Плавно работая «мышкой», вот так, можно построить любой рисунок, и стереть его. Затем, не отвлекайтесь, девочки, тише! На чем я остановился? Вот, есть программы для рисования, есть – для печатания текстов и редактирования, для изучения иностранных языков, для просмотра кинофильмов и прослушивания музыки, можно подключиться к Интернету, при помощи сервера, но об этом потом. Кто там красит губы, я ведь все вижу, – не меняя тона, сказал он, стоя спиной к аудитории и продолжая возиться с компьютером.

Леночка заметила, что Олег Васильевич Карпов, так звали учителя, совершенно уникальным образом совмещает преподавание с оценивающим разглядыванием аудитории, которая состояла сплошь из молодых женщин и девушек.

– Когда я говорю слово «мышка», вы все время всхликиваете, – обратился он к совсем молоденькой кокетливой девушке, сидящей рядом с Леночкой. – Что за ассоциации вызывает у вас это слово?

Аудитория отреагировала дружным хохотом.

– Когда я слышу это слово от мужчины, мне становится очень щекотно, правда, – с притворным смущением ответила девушка, развеселив этим сокурсниц еще больше.

– Я не буду уточнять, в каком именно месте вы испытываете щекотку, а то вы нам сорвете занятия. Вот берите пример с вашей соседки. Девушка знает, зачем она сюда пришла: получить самые перспективные знания на сегодняшний день. Правильно я говорю? – спросил он Леночку и, не дождавшись ответа, добавил: – Если бы дело было в институте, я бы выбрал вас старостой курса. Как вас зовут?

Когда Леночка представилась, он поинтересовался, не родственница ли она известному журналисту.

– Это мой отец, – подтвердила она и быстро добавила:

– между прочим, от слова «мышка» мне тоже щекотно, потому что у женщин оно вызывает определенную реакцию, и это всем давно известно.

– Да-да, действительно, – несколько смутившись, сказал Карпов. – Психология женщины дело тонкое, но мы живем в компьютерный век, и умение управлять этой штукой, – постукал

он по дисплею, – может человеку больше пригодиться, чем даже управление собственными чувствами. Итак... когда я говорю слово... – Он запнулся, и аудитория вновь приснула. Карпов смахнул со лба прядь волос и, объявив перерыв, вышел в коридор покурить и собраться с мыслями, но его тут же окружили курсистки, почти все оказавшиеся курящими.

В свою однокомнатную холостяцкую берлогу Карпов вернулся в плохом настроении. Первые занятия разочаровали его. Он всегда считал себя знатоком женских душ, способным улавливать малейшие движения их чувств. А сегодня прокол за проколом. Он постоянно оказывался в смешном положении. «Публика, видимо, еще та: дочки и жены новоиспеченных бизнесменов да знаменитостей. Богатые и наглые девки. А что у них, собственно говоря, кроме смазливых мордашек и папиных да мужниных кошельков есть за душой? Да не фига нет», – раздраженно подумал он. И глянул на свое отражение в круглом зеркале на стене. Мягкие светлые волосы, лицо матовое, нежное, как у девушки, темные ресницы и брови, вдумчивые глаза. Внешность счастливая. С такой внешностью да плохо устроиться в жизни? Ерунда. Ведь и работу он нашел такую удачную только благодаря своей внешности: соседка по подъезду, с которой он познакомился на компьютерной тусовке, явно симпатизировала ему, она его и устроила через подругу программистом в сбербанк, и преподавателем на курсы она же его устроила. Словом, французы правы, что надо искать женщину, которая исполнит твои желания. Но Карпов пошел далее в этих рассуждениях: лучше иметь сразу несколько таких женщин, чтоб можно было выстроить из них что-то вроде лесенки на вершину фортуны.

Первый осмотр курсисток показал, что извлечь какую-то пользу можно лишь из этой остроловки, дочери Трошина. Вся в золоте, одних тряпок на ней на полтора лимона, но главное связи. Папаша-то из Белого Дома не вылазит... Но девка резкая, с ней надо осторожно обходиться. Деньги ей не нужны, и это самая мощная защита, а то и оружие в изящных ручках таких дамочек. «Стало быть, Трошину заинтересовать можно только интеллектом и пылкой страстью влюбленного», – рассуждал Карпов. – «Ничего, скоро я еще не таких покупать буду», – мечтательно вздохнул он, садясь за свой домашний компьютер и нежно поглаживая клавиатуру.

Включил системный блок, с нетерпением дождался, пока загрузится, щелчком мышки открыл файл, набрал код, и душа его словно впорхнула в экран. Через несколько минут на дисплее высветилась надпись: «С вами работает ПРОМСТРОЙ-БАНК, наберите ваш разрешающий код».

– Разрешающий код, разрешающий код... – нервно повторил Карпов, – его еще надо угадать... ну где же ты, мое любимое время года?

Он знал, что для кодов банки в основном используют названия сезонов с цифрой. Угадаешь сезон, погоришь на цифре, и наоборот. Целый год Карпов безрезультатно пробивался в память банковского компьютера, но надежда не покидала его.

– Ну давай, Терминальчик, ты у меня под золотым колпаком храниться будешь, думай, дорогой, еще чуть-чуть...

Карпов отчаянно набрал семь клавиш, и на экране высветилось: «О С Е Н Ь – 7».

В следующее мгновение надпись исчезла и возникла другая: «Ваш код банком получен, ждите расшифровки». Еще через мгновение высветилось: «Разрешающий код набран неправильно. Банк прекращает с вами работу». Карпов резко вскочил, опрокинув стул.

– Ах ты, дрянь такая! – заорал он на компьютер, словно перед ним было живое существо. – Золотой колпак тебе, мерзавец? Да такому болвану, как ты, только на помойке место!

Он схватил «мышку» и вывел на дисплее человеческий череп, перечеркнутый крест на крест жирными полосами.

Оставив в покое компьютер, пошел на кухню. Хлебнул водки, закусил рыбными консервами, закурил. На душе стало теплее. Сейчас ему, вдруг, стало до слез жалко свой компьютер, который, собственно, ни в чем перед ним не виноват. Он вернулся в комнату и вновь ласково погладил клавиатуру.

– Ничего-ничего, – примирительным тоном сказал он, – трудно, конечно, кому же охота легко свои денежки нам отдать, но мы с тобой, Терминальчик, все равно их скоро расколем.

Утром, выйдя из квартиры, Карпов чуть не наступил на кучку куриных косточек и кусочек творога, лежащих на газетке прямо возле порога. «Кто этой ерундой занимается? – раздраженно подумал он, – каждое утро отрицательные эмоции! Черт знает что такое!» Он брезгливо взял газетку и, спустившись на один пролет к мусоропроводу, выбросил объедки. Тщательно вытерев руки носовым платком, направился к лифту.

На работе он несколько раз ловил себя на том, что думает о курсистке Трошиной. «Ну, то что она аппетитная девица, делу не мешает» – промелькнула нечаянная мысль.

В это время Леночка тоже вспомнила Карпова, но совсем по-другому поводу. Ей вовсе не хотелось три месяца ходить на курсы, она чувствовала, что вполне может освоить компьютер недели за четыре-пять. «Преподаватель явный потаскун и, значит, вполне можно подергать котика за хвост», – подумала она, предвкушая забаву.

На занятиях Леночка всячески старалась привлечь к себе внимание Карпова: вызывалась, в качестве наглядного примера, выполнять его задания на компьютере, активно отвечала на вопросы.

Однажды, оставшись с ним вдвоем в аудитории, она как бы невзначай обронила:

– А вы компьютерный гений, Олег Васильевич, могли бы многого достичь на этом поприще, да и, наверняка, добьетесь, ведь вы еще совсем молоды, а компьютеры только завоевывают рынок в России.

Тут она попала в самое яблочко. Карпов нервно сглотнул клуб сигаретного дыма и уставился на нее пристальным долгим взглядом.

– Да, вы почти угадали, – с некоторым выпендрежем произнес он. – Компьютеры, как, собственно, и умные женщины, помогают настоящим мужчинам достигать высоких целей.

– Почему же только мужчинам, – улыбнулась Леночка, – я бы тоже желала как можно быстрее заручиться компьютерной поддержкой.

– Что вы имеете ввиду? – насторожился Карпов.

Леночка, изобразив некоторое смущение, пролепетала:

– Да, я не знаю... может, глупость говорю... мне кажется, что я могла бы освоить курс за более короткий срок...

– Ну и какой же срок вас устраивает? – по-хозяйски, небрежно, спросил Карпов.

– Я думаю, Олег Васильевич, месяца за полтора я вполне могу дорасти до диплома.

– Неплохо-неплохо, – похвалил он рьяную курсистку.

– Вы, пожалуйста, не подумайте, что я стукачка какая-то, если возможность есть, я буду вам очень признательна, – скромно потупила глазки Леночка.

– В нашем государстве все можно, только осторожно, – скаламбурил Карпов.

Он подошел к сейфу и открыл массивную дверцу. Полочки были туго набиты папками с документами, и ему пришлось приложить усилие, чтобы вытащить из этой теснотищи нужную. Он развязал папку, и из нее на стол посыпались корочки дипломов.

– Все в наших руках, – самодовольно ткнув пальцем в одну из них, сказал он. – Но, извините, вам придется посетить ряд дополнительных занятий. А это я могу, к сожалению, сделать лишь у себя дома. Как видите, сложности.

– Какие сложности? – сделала удивленные глаза Леночка.

«Хм, притворяется простушкой, или действительно наивная телка?» – несколько обескураженный такой реакцией, подумал Карпов.

– Ну как это какие? – пожал он плечами, – что скажет муж, родители...

– Не беспокойтесь, Олег Васильевич, у меня нет мужа, а родители живут отдельно, – радостно выпалила Леночка.

«Не фига себе, – подумал Карпов, – такая телка, богатая, с квартирой, и незастолбованная. Нет, здесь дело нечистое»...

Леночка, решив, что он мнетя, этим намекая ей на дополнительную оплату, ляпнула:

– Я вас за это, Олег Васильевич, хорошо отблагодарю, я понимаю, вам всякие неудобства буду доставлять, не волнуйтесь, я вам все компенсирую, денег у меня достаточно, чтобы не обижать людей, которые мне помогают.

От этих слов Карпов вообще обалдел. Счастье само перло ему в руки.

– Так-так, значит, мужа нет, деньги есть, надо ... – произнес, было, он, забывшись. И тут же оговорился:

– То есть, я хотел сказать, что надо немедленно приступить к занятиям. Время осталось не так уж много. Если вы не возражаете, можно поехать ко мне прямо сейчас. Я здесь недалеко живу, на Беляево.

– Я готова, Олег Васильевич, – с радостью согласилась Леночка.

Когда они подошли к двери квартиры, Карпов вновь обнаружил у порога кучку объедков. Он попросил у Леночки извинения и выбросил их в мусоропровод.

– Какая-то сумасшедшая женщина, соседка, видимо, изводит меня таким образом, – сказал он, сокрушенно покачав головой.

– Вы, наверное, ей понравились и не отвечаете взаимностью, вот она и злится, – пошутила Леночка.

Карпов помог ей раздеться и пригласил в комнату, где на видном месте возвышался его заветный Терминальчик.

– Чай, кофе, виски? – галантно спросил он.

– Ой, Олег Васильевич, времени в обрез, давайте приступим к занятиям, а кофе потом, – деловито сказала Леночка.

«А она ничего», взглянув оценивающе на ее коленки, отметил про себя Карпов.

Его все более возбуждал вид деловой молодой женщины в его домашней обстановке.

– А куда вы, собственно, так спешите? – спросил он, игриво наклонившись к ее затылку. – У нас профессия будущего, и вакансии будут всегда.

– Я не могу вам, Олег Васильевич, всего сказать, но поверьте на слово: у меня действительно с этим возникла одна проблема.

– Ну, что вы, что вы, это ваше личное дело, – закрыл он тему.

Он подошел к своему любимцу, двинул мышь, и на экране вдруг высветилось: «Ах, ты дрянь такая! Золотой колпак тебе, мерзавец? Да такому болвану, как ты, только на помойке место!»

От неожиданности он отшатнулся от экрана, но, поняв, в чем дело, засмеялся и сказал:

– Не обижайся, Терминальчик, сейчас мы все исправим. – И, обращаясь к Леночке, продолжил:

– Находим нужный файл...

Его пальцы пробежали по клавишам, и на дисплее высветилось: «Наберите разрешающий код банка».

Леночка с любопытством смотрела на экран.

– Что это за код? – спросила она.

– Это игра такая, надо угадать код банка, головоломка, но хорошая разрядка после напряженного рабочего дня.

– Ну, и часто вы угадываете код? – заинтересовалась Леночка.

– В том-то все и дело, что еще ни разу не угадал, черт бы его побрал, – с какой-то странной резкостью ответил Карпов.

Он вдруг оглянулся и спросил ее:

– Леночка, а какое ваше любимое время года?

– Я лето очень люблю, тепло, на дачу можно ездить отдыхать, купаться, словом, только лето и ничего кроме лета! – Открыла она свой «секрет».

– Отлично, – пробормотал Карпов, быстро нажимая клавиши. – А какую цифру на свете ты любишь больше всего? – вновь спросил он, как бы невзначай переходя на «ты».

– Это надо подумать, – медленно произнесла она, – любимых цифр у меня много...

– Думай, думай, Леночка, не торопись, – засуетился Карпов. – Надо, чтобы самая любимая была!

Она перебрала в памяти все даты, которые ассоциировались с чем-то хорошим, радостным. А радостным для нее был день рождения, а теперь эта была еще и дата свадьбы.

– Ага! Козерожка! – победно воскликнул Карпов, услышав ее ответ. – «Козероги» по гороскопу удачливые зверюшки, так-так, хоро-шо!

На экране высветилось: «Л Е Т О – 13».

Через мгновение экран мигнул, и на нем четко обозначилось:

«Внимание! Разрешительный код набран правильно. Продолжаем работать. Ввод внутрибанковских операций открыт».

Экран снова мигнул, и на нем появился список: «а. Положить деньги на счет; б. Перевести деньги со счета; в. Снять деньги с текущего счета; г. Перевести деньги со счета на счет».

На Карпова напал столбняк. Он словно окаменел, сидя возле компьютера. Как зачарованный смотрел он на экран с волшебными строчками.

Вдруг встрепенулся, затряс головой и, грохнувшись перед своей ученицей на колени, сдавлено прошептал:

– Леночка, вы гений, вы... как все просто, Леночка, как все просто...

Он обхватил руками ее ноги и прижался головой к коленкам. Лицо его намокло от слез. Он то и дело оглядывался на экран и, тыча в него пальцем, шептал:

– Леночка, я вас озолочу... Боже мой, как все просто, шерше ля фам... боже мой!

Теперь только до нее дошло, что это не игра... Ей стало страшно. Попыталась вырваться, но Карпов крепко сжимал ее ноги.

– Не бойтесь, все будет хорошо, все...

Тут он издал дикий вопль и, оттолкнув девушку, бросился к компьютеру.

– Нет! Нет! – яростно заорал он прямо в экран. – Сволочи, мерзавцы, это нечестно!

Леночка в ужасе взглянула на дисплей. На нем вместо только что высвеченного перечня банковских операций четко обозначилась надпись: «Извините, разрешительный код изменился. Повторите, пожалуйста, набор нового кода».

– Нет! – продолжал вскрикивать Карпов в отчаянии, тарабанив кулаками по компьютерному столу.

Потом он молча уставился на девушку тяжелым нервным взглядом и зло прошипел:

– Где ты была раньше, дура! Всего на два часа раньше, и мы бы с тобой были самыми счастливыми людьми в этой чертовой стране.

Она немного пришла в себя и осмелела:

– Как, мы уже с вами на «ты», Олег Васильевич? А с чего вы взяли, что я жажду разделить с вами ваше криминальное счастье? Странно, однако, вы себя ведете, Олег Васильевич.

Неизвестно, чем бы все это для нее закончилось, если бы за входной дверью квартиры не раздались какие-то странные звуки. Карпов в страшном возбуждении подскочил к дверям и быстро распахнул их. Перед ним, нагнувшись, стояла толстая женщина, складывая к порогу какие-то объедки. Видимо, вначале она уронила их вместе с металлической миской и наделала много шуму.

– Ага! Попалась! – заорал торжествующе Карпов, – долго же я тебя вычислял!

– Господи, боже мой! – перекрестилась перепуганная женщина, – То же я вашей собачке, полакомиться, – растерянно бормотала она.

– Какой еще к черту собачке, хулиганка! – костерил ее Карпов.

– Как это какой собачке? – искренне удивилась соседка. – Да той, которую каждый день вы то браните, то ласкаете. У нас же стены какие? Все через них слышать. Вы и сегодня, когда пришли с работы, его ласково так называли, Терминальчик.

Соседка во время разговора пыталась заглянуть в комнату через плечо Карпова.

Пока они выясняли отношения, Леночка мигом оделась и, оттолкнув незадачливого «собаковод», вышла на лестничную площадку.

– Что вы в самом деле, Олег Васильевич, – игриво сказала она, – не стесняйтесь, люди от чистого сердца, а вы... пока большие деньги не заработали, собачке вашей это большая поддержка.

Карпов, ничего не понимая, ошалело смотрел то на соседку, то на Леночку.

– Вы с ума все посходили! – воскликнул он и хотел было захлопнуть за собой дверь, но в эту минуту из другой соседней квартиры вышел дед, весь в орденских колодках.

– Что за шум, а драки нету? – бодро поинтересовался он и, не дожидаясь, когда ему ответят, сразу же обратился к Карпову:

– Олешка! Не слухай этих баб, у них одни собачки на уме. Ты меня послухай, старика. Пиши, Олешка, код девятым маем. Верное дело. Мы им тогда накустыляли, фашистам проклятым, и сейчас им врежем. Пиши код «май – 9», верно говорю. Мне с тебя за это ни хрена не надо. Поставишь пузырь, так спасибо скажу. Я ведь за тебя давно переживаю, эти кооператоры все одно, что фашисты, а ты ставишь все не на то. Послухай, Олешка....

– Пошли все к чертям! – заорал Карпов и с силой захлопнул дверь.

– Что это с ним? – охнула соседка.

– Нервишки, – покачал головой ветеран. – Но так и работа такая, нервная, да ничего, мы этот код обнаружим.

– Так у него кот, а я думала, собака, и кости носила. Дура! – Всплеснула руками женщина. Ветеран смерил ее молчаливым взглядом, махнул рукой и заковылял к своим дверям.

Леночка, позабыв про лифт, бежала вниз по ступеням, не чуя ног.

На улице она плюхнулась без сил на первую скамейку и затряслась в истерическом хохоте.

На следующих занятиях Карпов старался не встречаться с ней глазами. Но на перекуре все же подошел и принес извинения за вчерашние, как он сказал, бестактности. Леночка с готовностью пошла на примирение. Она вновь сказала, что он талантлив, и такому, как он, вполне можно всего добиться в жизни, не вступая в конфликт с законом.

– Вам хорошо говорить, – грустно отозвался Карпов, – у вас все есть, и это обучение, наверняка, ваша прихоть, вы вполне могли бы обойтись и без него. Хотя женщине при равных, конечно, условиях труднее, но исключениям здорово фортит.

Он полез в карман за очередной сигаретой.

– Если вы... если вам действительно очень надо, то я готов продолжить дополнительные занятия, – сказал он неуверенно.

– Ну что ж, мне действительно, без дураков, это очень важно, – ответила она.

После занятий они пошли к нему домой пешком. Говорили о компьютерах. Карпов очень интересно, словно о живых существах, рассказывал об этих электронных детищах цивилизации. Оказывается, он знал человека, который сблизился со своим компьютером настолько, что они могли обмениваться не только информацией, но даже эмоциями.

Взаимопроникновение у них дошло до того, – начал рассказ Карпов, – что они полюбили друг друга. Ее звали Лэя. Каждое утро она улыбалась ему с экрана, с нетерпением ждала его возвращения вечером. Если он задерживался где-то на пирушке, Лэя по телефонной сети безошибочно вычисляла его место нахождения. Если в той квартире имелся компьютер, Лэя высвечивалась на его экране и требовала, чтоб ее возлюбленный немедленно ехал домой. Причем в самых, что ни на есть, сварливых и ревнивых фразах. Например: «Калугин, сколько

можно пьянствовать? У тебя же печень больная... А эта женщина? Посмотри на нее хоть раз трезвыми глазами...» Впечатление это на всех производило, конечно, потрясающее, но никто не сомневался, что Калугин фокусничает. Если в доме, где находился Калугин, не было компьютера, Лэя пробивалась к нему через телефон. Раздавался звонок, и когда вместо голоса в трубке слышалось тонкое жужжание, Калугин знал, что это Лэя. Телефон с определителем четко фиксировал номер Кулагина. Вот такая ревнивица. Лэя была для него настоящей женой. Она выводила его из запоев. Восстанавливала здоровье, безошибочно определяя диагноз и рекомендуя лекарства. Всех удивляло, как это через два-три дня из совершенно разрушенного Калугина вновь получался этакий попрыгунчик, розовощекий молодой мужчина. Словом, чудеса.

Глава 10

Карпов замолчал и вновь достал сигарету. Вечерняя Москва блистала особой целеустремленной красотой. Слегка подсвеченная блеском льдинок, фонарей и разноцветьем реклам, Москва показалась Леночке похожей на женщину-компьютер из его рассказа.

А он задумчиво курил, не глядя на ученицу. Он словно полностью ушел в себя. Его внезапная холодность и полное равнодушие слегка царапнули ее самолюбие. Она почувствовала разочарование и обиду... «Внешность у него эффектная. Недурен, что и говорить», – подумалось ей вдруг. И стало еще досаднее. «Чем бы его пронять...»

Хотела было съязвить, но вместо это спросила:

– А что было дальше с Лэей и Калугиным?

Карпов недоверчиво покосился на нее:

– Мне кажется, вам неинтересно...

– Да нет, почему же, прямо лучше всякой фантастики, расскажите, пожалуйста.

«Ну да, как же,» – подумал он, – «дочь Трошина ничем не удивишь». Однако, сплюнув окурок, продолжил рассказ:

– В последнее время у меня с Калугиным были напряженные отношения. А все произошло опять же из-за денег да из-за его любимой Лэи. Дело в том, что Калугин имел хорошие бабки. Играя в спорт-лото. Много раз и меня выручал, передавая через Лэю выигрышный набор цифр очередного тиража. Дальше этого источника дохода они с Лэей не шли. Денег им хватало вполне. Лэя иногда даже специально не угадывала правильные цифры, чтобы вывести Калугина из запоя. Однажды Калугин исчез на месяц, – продолжал Карпов. – Поехал на юг в санаторий поддержать свою печень, да и вообще развеяться. А мне, на ту беду, позарез нужны были деньги. Я связался с Лэей, и попросил ее помочь с цифрами очередного тиража спорт-лото. Для нее это было таким пустяком, что она исполнила мою просьбу моментально. Все хорошо, живу хлеб жую. Как вдруг звонит Калугин из санатория и закатывает мне скандал. Мол, предатель, сволочь и все такое прочее... Оказывается, Лэя передала ему информацию о том, что я просил ее об услуге и она мне помогла. Калугин выставил дело так, что я переспал, фактически, с его женой.

«Как ты мог войти в нее без моего разрешения!» – орал он в трубку. – «А с этой проституткой я поговорю отдельно!»

– Это сейчас смешно, – взглянув на расхохотавшуюся Леночку, продолжал Карпов, – а тогда мне было не до смеха: я действительно почувствовал, что совершил нечто из ряда вон по отношению к единственному другу. Не знаю уж, как он с Лэей выяснил отношения, но со мной полгода не разговаривал.

Конечно, о Лэе прошел слух в известных кругах. Пытались купить ее у него за бешеные деньги, угрожали, шантажировали, пробовали украсть, но все тщетно. Компьютер, да еще такой как Лэя, заставить врасплох было невозможно. Кончилось все это трагично.

Преступный мир все-таки решил завладеть Лэей. Однажды ночью бандиты вломились к ним в дом. Страшно избили Калугина, но Лэя успела передать информацию на компьютер МВД, и бандюг арестовали прямо на месте.

Калугин в тяжелом состоянии находился в больнице. Лэя постоянно вклинивалась в больничный компьютер и просила использовать ее при лечении Калугина, но врачи не обратили на это внимание, и даже просили милицию отключить компьютер Калугина, чтобы не мешал работать. В результате, Калугина спасти не удалось... Я был на похоронах. Лэя все время наблюдала с экрана за лежащим в гробу Калугиным. Последнюю ночь с покойным находились я, сестра Калугина и Лэя. Это невероятно, что она выделяла на экране. Она рисовала его душу, различные выражения его лица, начиная с детского возраста. Потом какую-то неизвестную пла-

нету, где они встречаются с Калугиным после смерти. И еще такое, что я просто не рискую вам рассказать, чтобы вы не сочли меня за сумасшедшего. Когда тело стали выносить, на экране высветилось всего три слова: «П Л А Ч У, Ц Е Л У Ю, П Р О Щ А Й!» На поминках на экране был высвечен портрет Калугина в траурной рамке с угловой черной лентой. Девять дней после похорон с экрана не сходило изображение гроба, и сестра прямо боялась заходить в квартиру. Когда на девятый день мы поминали Калугина в узком кругу друзей, на экране вместо гроба вновь появилась женщина с рюмкой в руке. Последнее, что она передала нам – это информацию о том, что он завещал отпеть его в соборе Святой Троицы на Воронцовских прудах. После этого Лэя автоматически самоотключилась, и больше никто уже не мог ее восстановить. Система напрочь вышла из строя.

Да, чуть не забыл, те бандиты, что избили Калугина, не дожили до суда. По заключению судебных медиков, они умерли от мощного радиационного облучения. Вот что такое компьютер, Леночка, – заключил свой рассказ Карпов. – Собственно, ничего удивительного и фантастического в этой истории нет, – подвел он черту. – Мы ведь с вами тоже самые настоящие компьютеры, если вдуматься, только менее совершенные, чем хотелось бы. А за контактами такого рода – будущее, Леночка. И вы это обязательно должны учитывать.

Карпов улыбнулся и добавил:

– За данный рассказ мне тоже галочка полагается: все по теме.

По дороге он купил апельсины, чтобы в комнате пахло летом. Запомнил любимый Леноккин сезон. Возле двери огляделся и усмехнулся:

– Обьедков нет, как я балда раньше не понял, что она моего Терминальчика за собачку приняла. Вообще, идиотизм: все слышат всех. Потрясающие домики строят!

Он хотел вставить ключ, но дверь под легким нажатием его руки приоткрылась.

– Отперта! – удивился он, и быстро прошел в квартиру.

Леночка, войдя чуть позже, застала Карпова стоящим с шапкой в руках возле пустого стола. Там, где еще недавно был терминальчик, лежало несколько забытых грабителями в спешке дискет.

– Все, – сказал он трагическим голосом. – Хуже ничего не придумаешь. А вы говорите... криминальное счастье...

– Не убивайтесь очень, Олег Васильевич, я постараюсь помочь вам приобрести новый компьютер.

– Спасибо, Леночка, но я не могу принять от вас такой подарок. Во-первых, вещь дорогая, во-вторых, надо чтоб год прошел. Это как после гибели собаки – надо чтобы год прошел...

– Через год, так через год, – согласилась она.

Он долго смотрел ей в глаза с нескрываемым удивлением, и наконец сказал:

– Странная вы женщина. Через год вы не только обо мне, а об отце с матерью, может статься, позабудете.

– Ну, это мои проблемы, – уверенно ответила она.

Оставив Карпова горе горевать, Леночка уехала домой. От впечатлений сегодняшнего вечера у нее голова шла кругом.

«Вот ведь как бывает: пока соседка, считая, что у Карпова есть собака, приносила под дверь косточки, ворами бы и в голову не пришло обворовывать эту квартиру, а косточки исчезли, и вот...»

Сам виноват, получилось. Накричал на женщину... Вообще-то слишком он взбалмошный какой-то...» – рассуждала Леночка.

Но несмотря ни на что, таких интересных людей она еще не встречала. Леночка как бы взглянула на мир глазами Карпова, и увиденное ее приятно поразило.

Он выполнил свое обещание, и всего через полтора месяца Леночка держала в руках диплом программиста. Вместе с дипломом Карпов ей подарил духи и шоколадку.

– О-о, «Рижская сирень», какая прелесть! Этот парфюм теперь редко бывают в продаже, – сказала она и вызывающе повела плечиком. Карпов улыбнулся ей одними глазами. Его забавляло в Леночке нелепое сочетание нахальства и неуверенности, появившееся в эту сегодняшнюю встречу. «Смешная», – подумал он, оглядывая ее оценивающе. Она на этот раз пришла без золотых украшений. В простенькой красной кофте и короткой юбке, которая сзади была весьма потерта и блестела.

– Вы сегодня отлично выглядите, – сказал ей Карпов, – несмотря на слишком демократичный стиль.

Леночка небрежно бросила:

– Я всегда отлично выгляжу. Ну, так куда пойдём обмывать диплом?

– А хотите в кино? – вдруг спросил он.

– Нет, лучше в кафе, или давайте просто погуляем. Погода как на заказ, – сказала она, загадочно улыбаясь.

Набросив на плечи куртки, они вышли из «Меридиана» и медленно двинулись по Профсоюзной в сторону Ленинского проспекта. Вечер был действительно хорош: апрельский ветерок нежно пах оттаявшей прошлогодней листвой, над головами тонко позванивали обледенелые к вечеру ветки, навевая чуть ли не школьные воспоминания и ощущения.

– А я люблю жечь прошлогодние листья на школьном дворе, – сказала Леночка, и грустно улыбнулась. – Это, наверное, звучит инфантильно.

– Нет, это мне понятно, – задумчиво произнес Карпов. – Одно время меня странно тянуло к мавзолею, там было осенью много листьев, дворники их сметали в кучки и сжигали словно жертвоприношение какое-то, а мавзолей напоминал зловещий алтарь...

– А почему вы сказали сейчас об этом? – вырвалось у Леночки. Она непроизвольно взяла Олега под руку, но тут же убрала свою руку и принялась вертеть сумочку.

– Что? – переспросил он и непонимающе взглянул на нее.

Леночка смутилась.

– Так, ничего. Вспомнилось вот... – ответила она быстро.

Они вошли в какой-то двор с блестящими от тонкой корки льда скамейками, и тут Олег неожиданно крепко обнял ее. Она принялась вырываться, поскользнулась и упала на скамейку, увлекая за собой его. Он отпустил ее. Леночка прыснула. Тут хохот напал на них. Из-под скамейки выпорхнул испуганный воробей.

– Не пугай птичку, Карпов! – воскликнула Леночка, неожиданно перейдя на «ты». И тут же серьезно сказала: – Давай лучше я расскажу тебе про мавзолей. Представь, что я учительница, а ты мой класс. Я хочу привести своему классу пример из относительно недавнего прошлого. Дети, достаньте тетради и записывайте. – Тут Леночка состроила сосредоточенную рожицу, нахмурила брови и продолжила: – В начале двадцатого века археологи раскопали античный город Пергам, чудесный и загадочный город. Там немецкая экспедиция нашла – о, лучше бы она не находила, это ужас! – необычный древний алтарь, след неизвестного культа! Падкая на сенсации бульварная пресса сразу окрестила находку «Алтарем сатаны», тем более что находка и транспортировка этого предмета в Германию сопровождалась загадочными смертями и ужасными увечьями нашедших эту штуку археологов и охранников. – При этих словах Леночка зябко поежилась, и продолжила: – За этой археологической сенсацией закрепилась настолько плохая слава, ну уж-ж-жасно дурная слава закрепилась, понимаешь, что ни один немецкий музей не захотел приобрести «алтарь сатаны» для своей постоянной экспозиции. Тем временем началась первая мировая война, и об «алтаре» на время забыли. Неизвестно, кому из пламенных революционеров ленинского призыва первому пришла в голову дурная идея заполучить эту штуковину бесовскую. Однако уже в начале 20-х годов следы «алтаря» обнаруживаются в России – ведь здесь большевистские вожди всегда «неровно дышали» по отношению к разным богоборческим реликвиям. Знающие люди утвер-

ждает, будто мавзолей Ленина сделан Щусевым в форме увеличенной копии «алтаря сатаны», и тогда все большевистские и советские праздники, понятно, проведенные под его гранитными стенами, это, естественно, своеобразный культ. А если принять во внимание сомнительную репутацию и мрачноватую энергетику, становится ясно, что это сооружение не так уж и безобидно. Поскорее бы от него избавиться как-нибудь, может тогда тучи над страной развеются и прекратится сатанинская свистопляска... Ну что, дети, записали, тогда аккуратно закройте свои тетрадки и думайте-думайте-думайте, это вам задание на дом! – воскликнула Леночка и, вскочив со скамейки, стала тянуть Карпова за рукав.

– Ну пойдем же, Олежка, – капризно сказала она. – Я замерзла.

Он снял свою куртку и принялся закутывать ее, обнимая и прижимая к себе. Леночка стала отбиваться, скидывать с себя куртку Карпова, с притворной обидой вскрикивая:

– Ой, да что же это такое, Олег, прекрати немедленно, выйди вон из класса!

– Ты же простудишься! – упорствовал он.

– Я замужня дама, не забывай, несносный ты котяра, – смеялась она. – В самом деле, апрельский кот прямо-таки! Сейчас же надень свою куртку и отвяжись.

Шальная веселость нашла на нее, она была словно опоена хмельным воздухом этого дня. Олег Карпов с любопытством следил за гримасками раскрасневшегося личика, за игрой блистающих глазок этой миниатюрной кокетки. «Мал золотник, да дорог», вспомнил он пословицу, глядя, как ветер вскидывает вверх пряди ее рыжих с золотыми искрами волос. «Пылающий костер осенних листьев, золотой дождь небесный, солнечное облако ее волос... Небесный огонь ее глаз, черные коромысла ее бровей...» – звучало в его мозгу словно рэив, в таком ритме, прямо как рэив...

Ему захотелось сказать ей обо всем, что он сейчас чувствует, одним сильным и емким словом, и вдруг он неожиданно произнес:

– Знаешь, Лен, ты не поверишь, но вчера я видел такую необыкновенную кошку, она была розовая как заря, такая кошка, знаешь!

– Ха-ха-ха! – не удержалась Леночка, – ну зашибенно! Во сне, что ли, видел?

– Нет, во дворе. Может, она крашеная?

– Слушай, я по телеку передачу видела, – вдруг вспомнила она, – оказывается на Кипре есть монастырь Никола-кошатник, так вот там живут семь монахинь и двести кошек. Там, на Кипре, священника избирает народ. Архиепископ, ну это значит предстоятель церкви, ты знаешь наверно, ну так он там, на Кипре, президент. Благословенная страна!

Карпов вдруг погрузился и тихо сказал:

– Быстро время летит. Не хочется с тобой расставаться.

Он решительно обнял Леночку и, притянув к себе, прижался губами к ее губам. Через мгновение Леночка оттолкнула его. Расхохоталась, шутливо замахнулась на него сумочкой, отскочила, округлив глаза, и произнесла нараспев:

– Пошел вон, апрельский кот. Нет, кроме шуток, послушай, я ведь наврала тебе тогда, что не замужем. Муж имеется, но он просто в длительной командировке сейчас, в Сибири. Мне нужен был диплом, чтобы поскорее к нему уехать. Я его люблю. А на шалости мои не обращай внимания, это не всерьез. Шутка.

– Знаю, – сказал Карпов и, схватив ее сзади за плечи, поцеловал кончики волос. – Мне, собственно, тоже надо спешить домой, я ведь собаку завел, щенка. Вернее, он сам завелся. В наш подъезд кто-то подбросил... Как раз к тому времени, как я куплю новый компьютер, он подрастет, и воры будут обходить нашу норку стороной.

– Интересно! – воскликнула Леночка. – Вот здорово-то! – она захлопала в ладоши. – Наверно, хорошенький, пушистенький и совсем крохотный, я просто обожаю таких! Как ты его назвал?

– Конечно, Терминальчиком, как же я еще мог его назвать, – ответил он.

– Это наверняка дух твоего компьютера к тебе вернулся в образе собаки. Когда у тебя появится новый компьютер, они подружатся, – сказала она.

В этот момент светофор зажег свой зеленый глаз, и она, помахав Карпову рукой, быстро зашагала по переходу. Перейдя на ту сторону, оглянулась, но мысли ее были уже о другом: сегодня должен звонить Влад, но «малютка» молчала в Леночкиной сумке. Может, он передал информацию на домашний факс?..

Глава 11

Ей казалось, что она несется словно скорый поезд, за окнами которого мелькают улицы, дома, газоны и деревья. Вот поезд замедлил ход, и за стеклом проплывает дом ее детства и старый двор, прикрытый потемневшим талым снегом, из-под которого громоздятся – словно кучи старой ветоши – прошлогодние листья. Почему их не убрали? Дворников, что ли, не хватает? Вообще, в последнее время так изменилась жизнь вокруг, что многое исчезло насовсем: ларьки Союзпечати, дворники, пельменные. Может, где-то они еще и остались? – с надеждой подумала она. В грязных, заваленных всяким хламом дворах появлялось все больше сверкающих иномарок. Среди бомжей, инвалидов и полумертвых детей в грязных курточках сновали шикарно одетые господа и дамы нового времени. Коммунисты все еще держали власть в стране, но власть эта уже превращалась в нечто символическое...

Леночка открыла квартиру и сразу же пробежала к факсу. Никаких сообщений еще не поступало. Это ее неожиданно сильно огорчило. Ей сейчас очень не хватало поцелуев и покровительственных ласк мужа. Почему он не сообщает о себе, опять повторяется старая история, неужели всякие деловые перипетии для него важнее любви? От этих мыслей она вся вспыхнула, ее самолюбие взвыло словно кошка, которой прищемили хвост. Да так ли он занят своими проблемами на работе, может и не очень уж и занят, просто завелась там у него какая-нибудь, недаром Янка говорила, а Янка уж знает мужиков, она про Влада с Бобом говорила: «эти козлы тебе верность хранить не будут, ты им нужна для престижа...», но это мы еще посмотрим, да плевала я на эту самую верность, нет-нет, Влад не таков и совсем не бабник, а может и было у него что-то с Янкой в тот новогодний вечер и неспроста он так на нее глядел и вообще все ложь...

От этого вопля мыслей она чуть не оглохла. «Это ревность», – сказала она себе. – «К черту, я запрещаю себе ревновать и мучиться. Да пропади все пропадом, не позволю я дурацким чувствам портить мою жизнь, моя жизнь – это моя жизнь, я не обязана впускать в нее всякие дрянные мысли и мучения, плевать мне на всех Владов мира и Вселенной, их может кучи целые, а я одна-единственная уникальная и неповторимая, я должна беречь себя, вот что...»

Чтобы окончательно успокоиться, она долго принимала ванну, наслаждаясь ароматной пеной с запахом земляники. Потом пила чай с черничным вареньем и вспоминала летние дачные дни. Долго смотрела телевизор. Потом ей все надоело, и она завалилась в постель, разглядывая прозрачную легкую шторку на окне. Ночь уже разлилась рекой. Темени не было, а лишь водянистый синеватый сумрак поздней весны заполнял все вокруг. Многоэтажные башни поднимались в этом водянистом темноватом мареве словно фантастические водоросли. Леночка почти физически ощущала, как за окном, внутри, в черноте квартир оседают разноцветными хлопьями на постели жильцов сны. Кому-то достается сразу три сна, а кому-то ни одного.

Леночку накрыло сном сразу, и длинная очередь недодуманных в суете дня мыслей вереницей видений прошла перед ней, выстраиваясь словно схема станций метро, а в вагоне сидел на полу Влад и пересчитывал золотые слитки, и Леночка закричала ему, принялась звать, но Влад взглянул на нее с озабоченной улыбкой и ласково сказал: «Погоди, крошка, я занят», и тут же вагон исчез в длинной тьме... Леночка бросилась бежать по туннелю, но оказалась в турникете, который больно сдавил ее... Она проснулась от боли внизу живота и от тошнотворного чувства, от ощущения отчаяния, потери... Неужели она больше не увидит Влада? Чепуха!

Только тут она обратила внимание на какой-то посторонний настойчивый звук, вторгшийся в ее сон и разбудивший. Она взяла попискивающую электронную «малютку» и нажала на «связь».

Голос подружки окончательно вернул ее в реальность. Леночка не сразу отозвалась на Янкины «аллоу», она молча слушала певучие интонации, в которых было что-то кошачье, а

мысли вихрем крутились вокруг оборванного сновидения, которое она пыталась расшифровать, угадать, надеясь увидеть там что-то пророческое. Она уже не тревожилась за Влада, интуиция подсказывала ей, что все дело не в нем, а в ином чем-то. Видимо, ее ожидает паутина проблем и случайностей, какая-то путаница обстоятельств, которая разлучит ее с Владом навсегда, но этой разлучницей будет не смерть и не женщина, скорее всего тут замешаны деньги. «А деньги я посылаю к черту, ну их в баню, как говорится, мне с ними не мыться...» – мысленно парировала Леночка. Усмехнувшись, она наконец отозвалась на раздраженные призывы Янки и услышала в ответ:

– Алло! Ты что, блин, не отзываешься, в молчанку играешь, Саламандра? Ах, еще спала? Ну даешь! Время уже два часа дня!

– Что, опять тебе переводчик нужен? – съязвила Леночка.

– Перевозчик нужен, дура, я видак купила. Надо из «Электроники» перевезти. Попроси папочку? – обиженно сказала Янка. – И вообще, что ты такая злая, вроде выспалась? – добавила она более спокойно. – Я по тебе, блин, соскучилась, а ты меня с первых слов подкальываешь, Саламандра. Ты не права!

– Я тоже по тебе соскучилась, – отозвалась Леночка. – Сон какой-то фантастический приснился, да еще живот побаливает и вообще со мной что-то, не пойму, тошнотворно и муторно, – пожаловалась она.

– Да ты уж не в залете ли, подруга? Симптомы один к одному.

– Очень возможно, – согласилась Леночка. – Рожу девочку, буду ей косички заплетать и песенки напевать тети Яниного сочинения.

– Ладно-ладно, – засмеялась Янка, – при вас с Пончиком хоть вообще помалкивай, хороши подруги, тоже мне, блин, хоть ничего не говори, все запоминаете, а потом ерничаєте. Нет, Саламандра, дело это не шуточное. Во-первых, кто сейчас в первый год замужества рождает? Во-вторых, как ты к нему теперь в Сибирь поедешь в положении? Какая теперь тебе, блин, экзотика, если тебя уже сейчас крутит-мутит. Послушай-ка ты меня: пока не поздно, дуй в платную фирму. Они тебя быстро восстановят.

– А я может сама хочу родить, – возразила Леночка, – и Влад очень хочет ребенка. Потом, при первой беременности скоблиться вообще опасно. Можно на всю жизнь остаться бесплодной.

– Кто тебя скоблиться заставляет, милая моя! – воскликнула удивленная Янка. – За хорошие бабки тебе сейчас сделают вакуумный миниаборт... всего за три минуты. Ничего не почувствуешь. Но это если у тебя залет не больше 28 дней.

– А ты что, уже успела попробовать? – спросила Леночка.

– Ха, соседка рассказала, – засмеялась Янка в трубку. – А вообще, это твои проблемы: хочешь, так рожай. Твой мужик всех прокормит... Ну ладно об этом... Позвони шнурку, пусть поможет видак притаранить... Будем «мурзилку» смотреть.

– Чего-чего смотреть? – не поняла Леночка.

– Ну, блин, не знаешь что такое «мурзилка»? Это же порнуха на межсобойчике, – про-светила Янка подругу.

Тут, видимо, Янке кто-то позвонил в дверь, и она, поспешно попрощавшись, положила трубку. Лена вновь осталась наедине со своими мыслями.

Не все в словах Янки показалось ей пустой болтовней. За многие годы их дружбы Леночка не раз убеждалась в правоте подруги относительно различных жизненных ситуаций.

«В конце концов, такого у меня еще не было, да и у самой Янки откуда семейному опыту взяться?» – утешилась она, но к врачу сходить все же решила, для уточнения.

В тот же день она съездила в платную поликлинику на Университетском проспекте и сдала анализы. А уже на следующий день врачи подтвердили ее предположение.

– Три-четыре месяца можете перемещаться любым транспортом. В любой конец земного шара, – обнадежил ее врач, – а уж потом будьте поосторожнее. Это даже хорошо, что едете в Забайкалье. Там экология получше, но рожать возвращайтесь в столицу. Здесь вернее.

Леночка была не из тех натур, которые из естественных событий делают сюрпризы, и поэтому сразу же зашла к родителям и сообщила новость.

Ирина Николаевна тут же надела на мужа, чтобы тот срочно связался с Бобом, потому как в Москве рожать безумие и надо попытаться сделать это по связям за границей, то бишь в дальнем зарубежье...

– Всю жизнь в Москве рожали детей, и ничего не случилось, – бурчал на жену Трошин, – а теперь вдруг – безумие! И что это будет у нас за внук? С французским штампом?

– Сам ты с французским штампом, – отшутилась Ирина Николаевна.

– Да еще фамилия Французов? Ну полный абзац, – не унимался Трошин. – Кстати, я тоже коренной москвич... Чем плох?

– Господи, – всплеснула руками Ирина Николаевна, – он еще спрашивает, алконавт несчастный, моральный урод. Не слушай его, доченька. Только за границей!

Трошин лишь покачал головой и попытался закурить, но тут же был выставлен с сигаретой на лестничную площадку. – Кто бы мог подумать? Надо же, какой ажиотаж! – проворчал он, но возражать не стал и вышел дымить за дверь.

Вернувшись, он позвонил Бобу и слово в слово передал настоятельную просьбу жены, в связи с такой новостью.

К большому его удивлению, Боб сказал, что сам он об этом еще раньше Ирины Николаевны подумал и, собственно, к такой просьбе был заранее готов, и что он постарается что-то в этом плане для Леночки сделать.

– Боб, держу пари, что тебе уже известно, внук у нас родится или внучка, – пошутил в трубку Трошин.

Бобу такая шутка, видимо, не очень приглянулась, потому что он свернул разговор, сказав, что позвонит позже.

В то самое время, когда Трошин говорил по телефону с Бобом, Леночка в своем уютном семейном гнездышке разбирала затерявшуюся коробку с вещами, которую они с Владом перевезли с родительской квартиры. В коробке оказались ее детские фотографии с подругами, в школе и на прогулке, ее рисунки, офорты, и «дневник жизни», который она начала писать, когда влюбилась в Оскара, да так и не закончила. Сейчас от всего этого «милого мусора», (как она сама назвала это и хотела было выбросить, но мама тайно сунула все в «мерседес» и попросила Влада сберечь), сейчас от этого слезы навернулись на глаза, и она не стала их удерживать. «Дневник жизни» раскрылся на рисунке, сделанном цветными карандашами, и записи внизу: «Двор похож на детский рисунок: неровная зелень закапана желтыми кляксами. Это одуванчики такие сквозь пелену смога, или слез, или сквозь полиэтиленовый пакет, надетый на голову... Да что уж, ведь это просто пошел дождь. Вон как ливанул! А милый чудак Оскар набросил на меня плащ из прозрачной пленки, на лицо надвинул капюшон. Оттого и «кляксы». Он взял меня на руки, чтоб не мочила босоножки, и держит... Лужа, в которой он стоит, бурно пузырится, кипит будто...»

Обливаясь слезами, Леночка со сладкой тоской продолжала рыться в заветной коробке, мысленно посылая маме горячую благодарность за то, что сберегла, не позволила выбросить, и переслала сюда это «сокровище». Ей попало несколько Янкиных старых записок и какой-то стишок, отпечатанный на машинке. Чей это? Наверно, Янкин ухажор-поэт сочинил. Леночка прочитала:

«Пора прощать своих друзей, пора.

Иначе Бог простит, тебе не веря,

И это никакая не игра,

А самая трагичная потеря.
Опреди ЕГО в своей судьбе,
Не брось плохого друга у порога,
Иначе Бог возьмет его к себе,
И жить тебе без друга и без Бога».

От этих стихов Леночка заревела в голос, вспоминая всех подруг и парней, которых она грубо и со злой насмешкой отталкивала порой, вспомнила Оскара, с которым она несколько раз обходилась довольно жестоко, хотя он все это проглотил безропотно, и вообще он сильно изменился... Потом она принялась думать о Янке, о том, что все такое Янкино блядство и цинизм – на самом деле сплошная показуха, поза обиженного подростка: «я маленькая гадость, я маленькая дрянь», подруга задержалась в этом подростковом состоянии, но поза эта может вполне перейти в действительность, если судьба не повернется к ней доброй стороной и не погладит Янку по головке со словами: «ну хватит, брось, ты же хорошая, тебя даже можно любить, если не будешь ругаться и хулиганить...»

Так она проплакала весь день, роясь в своих воспоминаниях, и со слезами из нее выходила прежняя беззаботность и все старые привязанности, так ей, по крайней мере, казалось, и становилось легко и пусто...

Вечером Леночке на новую квартиру позвонил Боб. Они долго трепались о том – о сем, о событиях, произошедших с каждым из них за последнее время. Леночка так обрадовалась звонку Боба, что сама удивилась. И рассказала даже о курсах очень подробно. Боба заинтересовал рассказ Карпова о женщине-компьютере Лэе. Он попросил Леночку познакомить его с этим человеком, пояснив, что можно на этом материале написать классный очерк международного уровня. И так тщательно выпрашивал мельчайшие подробности о жизни Олега и его покойного друга, что Леночку это насторожило. Ведь она, выходит, выдает чужую тайну, хотя никакого уговора держать все в тайне у них с Карповым не было. Но Боб подчеркнул, что это его интересует лишь с журналистских шкурных позиций, сделать сенсационный материал в газету:

– Твой Карпов, конечно, обычный хакер, но он чертовски трогателен и талантлив, на эту черту характера и упор можно дать в материале, – обронил Боб.

– Кто он? – не поняла Леночка.

– Хакер. Взломщик компьютерных программ, – пояснил Боб. – Ничего особенного, дитя эпохи. Сейчас многие этим шалят.

Леночку это окончательно успокоило, и она рассказала еще раз, более подробно, о случае с угадыванием банковского кода, хвалясь своей необычайной способностью подсказывать компьютеру нужное кодовое слово. Но все же она попросила Боба не писать об этом и не говорить. На это он ответил:

– Наша интеллигенция, Леночка, ужасно любит всяческие революции. Сейчас, к примеру, в России свершается криминальная революция. Как видим, интеллигенция реагирует на нее традиционно: поддерживает, в надежде, что она, как и любая другая революция, непременно улучшит ее жизнь. Результаты, увы, тоже весьма традиционны: либо гибель от криминальных структур, либо следственный изолятор и лагеря. Встреча с феноменом для человека чаще всего оборачивается катастрофой для них обоих. Так вышло у Калугина с Лэей. И еще неизвестно, чем закончится история с банковским кодом для Карпова. У коммерческих банков наверняка есть своя оригинальная защита от подобных явлений. Они вполне могли вычислить терминальчик твоего друга, и тогда его исчезновение из квартиры (а кроме компьютера, ты говоришь, ничего не тронули), является следствием деятельности незадачливого программиста. Его просто предупредили. Но я тебе скажу, что он вряд ли оставит свою затею. Тем более один раз, пусть и благодаря тебе, он был на вершок от цели. Это словечко лишь последнее звено в колоссально сложной цепи манипуляций. Он вывел всю эту цепь методом комби-

наторики, которым в совершенстве не владеют даже лучшие засекреченные шифровальщики мира. Не правда ли, обидно, Леночка, что человек с такими отменными способностями вместо того, чтобы сделать прекрасную карьеру в официальных государственных службах, например стать хорошим криптографом, занимается черт те чем? Мог бы зашифровывать и дешифровать секретные тексты и получать хорошие бабки без риска оказаться в тюрьме или пасть от пули киллера...

Боб так разошелся, что Леночке пришлось его прервать, сказав, что из Забайкалья по важному делу должен звонить Влад...

– Дядя Боб на старости лет стал большим любителем поболтать с молодыми женщинами о том о сем по телефону, – ничуть не обиделся Боб. Он ласково пожелал ей здоровья и передал большой привет Владу. И еще, пообещал помочь с заграничной клиникой.

– В России не только рожать, но и жить скоро будет невозможно, – сакраментально произнес он, и звонко чмокнул телефонную трубку, представив ее на миг очаровательной женской щечкой...

От обилия такой тяжелой информации Леночка даже расстроилась. Впервые после общения с Бобом у нее остался какой-то неприятный осадок то ли страха, то ли непонимания. Ей стало страшно за Карпова. Она поняла, что он гораздо сложнее, чем казался. Сложнее и трагичнее... Ей стало страшно и за собственное упрощенное и даже небрежное отношение к людям, с которыми она всегда легко входила в контакт, не думая ни о чем, кроме достижения своей собственной цели. Впрочем, до сегодняшнего дня ей все сходило с рук.

– Тьфу, тьфу, тьфу, – сказала Леночка и постучала по краю стола.

«Ну, мне с этим Карповым детей не крестить», – подумала она.

То, что было от него надо, получила. Никаких обязательств ему не давала. Правда, пообещала в качестве благодарности за скорый диплом помочь в покупке нового компьютера, но это лишь через год.

Через час Леночка вдруг страшно разозлилась на себя за то, что так лихо открестилась от Олега, который оказал ей мощную услугу, да еще и духи с цветами подарил.

Словом, этот день выдал ей переживаний с самого утра столько, что не расхлебать. Чтобы успокоиться и расслабиться, она решила принять ванну с ароматическими солями какой-то зарубежной фирмы. Эти соли ей за жуткую цену впарил Янка, перед тем битый час тараторившая по телефону о их волшебных свойствах.

Леночка догадалась, что Янке нужны деньги, и купила, правда, взяла с нее клятву, что после ванны у нее не вылезут волосы. Соли оказались действительно очень душисты и весьма эффективны: все тело Леночки покрылось пупырышками от приятного пощипывания, а под глазами ей словно натерли мятой. В первый момент все поплыло как в наркотическом тумане, и она, перепугавшись, чуть не выскочила из воды. Но через мгновение стало хорошо, и она, включив на всю катушку смеситель, лежала в бурлящей воде, представляя себя возле водопада. Словом, кайф!

Однако судьбе было угодно, чтоб она еще раз поволновалась в этот вечер, правда, уже приятно. Не успела она обтереться после ванны, как послышались сигналы электронной «малютки», лежащей на полочке возле зеркала. Наконец-то она дождалась звонка от Влада.

Он говорил веселым нежным голосом, как всегда, чуть дурачась:

– Крошка, я вижу, чем ты сейчас занимаешься. Ты подкрашиваешь ресницы перед трюмо со множеством флакончиков и тюбиков. И, конечно же, думаешь не обо мне. О ком ты думаешь, хотел бы я знать? А, крошка? Отвечай мне немедленно!

– О тебе, любимый! Только о тебе! Ты ничего не угадал на этот раз. Во-первых, я стою голая в ванной, а во-вторых, в Москве уже первый час ночи. У нас разница почти в пять часов, дорогой мой, – радостно восклицала Леночка в трубку. – И еще, я была у врача... я беременна... мне пообещали устроить роды за границей, в Париже, представляешь!

– Это здорово, крошка! – чуть ли не кричал в трубку Влад, – только сначала езжай ко мне, холостяцкая жизнь мне больше не нравится. Здесь скоро тайга зацветет! Это ни с чем не сравнимо! Жить будем в цивильной квартире на берегу Витима. Вид потрясающий: из окна на той стороне реки можно разглядеть сопки, поросшие вековой тайгой... Усекаешь, какая экзотика? Кстати, как твои курсы? – поинтересовался он.

– Закончила досрочно, слышишь, и диплом программиста уже при мне! – прокричала она. – Ура-ура-ура, могу лететь хоть завтра!

Они тут же договорились, что если не будет войны или землетрясения, Леночка к майским праздникам вылетит в Иркутск – там в это время будет Влад, встретит, и они вместе доберутся до Бодайбо. Влад дал ей номер иркутского телефона, по которому она в случае чего с ним свяжется.

После разговора с мужем Леночка долго не могла заснуть. Видно, Янкины ароматические соли не успокоили а, наоборот, взбудрили ее. Мысли запрыгали по цветущей, благоухающей разнотравьем сибирской тайге, встречая на своем пути нечто невероятное и загадочное, чему нет определения и от чего дух захватывает. Самые фантастичные мечты бушевали в ее душе.

Ощущение чего-то непредсказуемого, потрясающего накатывало на нее подобно гигантской морской волне! Утомленная своими новыми переживаниями и предчувствиями, Леночка погрузилась в сон, из недр которого поднималось ласковое лицо Влада, прекрасное и ласковое, как загадочная тайга, и из его прищуренных карих глаз лился голубой свет...

Несмотря на то, что заснула поздно, в девять утра она была уже на ногах. Возбужденное состояние не проходило. Ей срочно надо было переделать все свои дела, обегать все магазины, навестить друзей и подруг, попрощаться с Москвой, пообщаться подольше с родителями, чтобы потом ни о чем не жалеть, чтобы с легкой душой улететь к мужу. Влад советовал ей не брать слишком много вещей, так как в Сибири есть все что и в Москве.

Тут Леночка вспомнила о Янкиной просьбе и набрала ее номер. Трубку сняла Лариса-Пончик. Выяснилось, что вчера они с Янкой побывали на какой-то презентации, и теперь чувствуют себя тяжеловато. Леночка все же настояла, чтобы трубку взяла Янка.

– Я через три дня улетаю к мужу в Сибирь, – сказала Леночка деловым тоном, – если ты хочешь, чтобы я тебе помогла привезти видак, то давай сделаем это сегодня. Сама понимаешь: у меня своих дел по горло, – для пущей важности добавила она.

Леночка сказала, что папочка не понадобится, потому что ему некогда такими пустяками заниматься, а все расходы на такси она берет на себя.

– Как хочешь, – слегка посаженным голосом согласилась Янка, – только давай на после обеда перенесем... от этих художников кроме вреда никакой пользы. Представляешь, Саламандра, познакомилась с одним на вид настоящим бизнесменом, а он художником оказался, как наш Пончик. Замаскировался, блин... Я, конечно, сходу по тормозам: чао, говорю, мне от вашей сюрры в лице собственной подруги уже дурно делается. А его это так живо заинтересовало, что он чуть ли не криком закричал:

– Неужели у вас есть такая подруга? Ах, как это прекрасно!

Я ему говорю: «Да, есть у меня такая подруга. Одинокая. Любит детей. Чужие дети приходят к ней в гости и рисуют на стенах инопланетные пейзажи. Стены кухни и обои в коридоре сплошь изрисованы красками и карандашами...»

– Вот это сюр так сюр! Сплошняк... – завосторгался он, – вы обязательно должны нас познакомиться...

Вот я их с Пончиком и свела, на свою голову. Мало того, что всю ночь вино пили, так еще мне всю квартиру изрисовали своей сюррой. Нет, нельзя делать добро людям, – трагическим тоном заключила она. – Приезжай, Саламандра, а то я этого не переживу...

Зайдя в квартиру к Янке, Леночка действительно увидела печальную картину: обои были изрисованы принцессами, драконами, лешими, индейцами, атомными взрывами и вообще чудищами без названия.

– Ты на балкон взгляни, Саламандра, – безучастно сказала Янка.

На балконе билось по ветру постельное белье, забрызганное красками, измалеванное рисунками, отдаленно напоминающими то ли щупальца спрутов, то ли фантастические водоросли.

Пончик с обреченным видом лежала на тахте и молча выслушивала нарекания, уставясь неподвижным взглядом на штору, тоже изрядно заляпанную красками.

– Как зовут твоего сюрреалиста долбанного? – обратилась к ней Янка.

– Паша... – пролепетала Лариса.

– В общем так, Пончик, чтобы мне твой Паша квартиру отремонтировал, а то я на него заявление в ментовку напишу...

Толстушка горько всхлипнула и отвернулась к стене.

– Милая моя мамочка, зачем ты меня оставила, – картинно запричитала Янка и потянулась за пачкой сигарет, лежащей на книжной полке. Ее рука задела за провод допотопного вентилятора, висящего на стене. Вентилятор с громким визгом сорвался с гвоздя. На мгновение показалось, что это один из чудовищных пауков, нарисованных на обоях, прыгнул на Янку...

– А-а-а!!! А-а-а!!! – истошно завопила она, закрыв лицо ладонями, – ой, кошмар! Ой, кошмар!

Леночкин смех привел ее в чувство. Она села, закурила, и бросила в вентилятор зажигалкой. – У, за-ра-за, напугал!

– А что, дети мои несчастные, покинутые, – подала голос Пончик, – действительно, давно пора сделать косметический ремонт квартиры. А пока, лучше, во всяком случае, просыпаясь, видеть перед собой свежую сюрку, чем пятно от раздавленного когда-то клопа-кровососа. И твоя мама, Яночка, здесь ни при чем. Правда, Саламандра? – заискивающе обратилась она к Лене.

Не получив ответа на свои доводы, Лариса спустила ноги с тахты, нащупала шлепанцы, накинула халат и, пошатываясь спросонок, пошла в ванную.

– Все, надо вставать и действовать, – сказала она через плечо. – До твоего отлета, Саламандра, еще целых два дня... А спать так хочется... Вот завалиться бы снова и проспать эти два дня до субботы.

В прихожей Лариса споткнулась о таз, доверху наполненный ее эскизами, и пожаловалась, что в ванной нет света.

Леночка поняла, что на сей раз без ее помощи подруги не обойдутся. Она взялась за хозяйство сама: быстро починила пробки в счетчике. Через полчаса на кухне приятно пахло яичницей и чаем. Леночка пересыпала в сахарницу голубоватые кубики быстрорастворимого, и пригласила подруг за стол.

– Присаживайтесь, бедолаги, – весело позвала она.

Лариса первая захлопала по коридору шлепанцами. Следом явилась Янка. Без макияжа, невыспанные, помятые, подружки показались Леночке усталыми тетками с какой-то ночной смены.

После чая они несколько взбодрились, и Янка сказала:

– Ну, пора наводить марафет!

Она достала косметичку и занялась своим лицом.

Лариса тоже начала наводить красоту.

До «Электроники» они добрались почти к закрытию магазина. По дороге Лариса не переставала критиковать Янку за вещизм.

– Мы ведь решили вступить в общество штучных людей, – сетовала она, – сейчас такое время, что это имеет, между прочим, значение. Политическое значение. Сколько можно оста-

ваться рабом мещанского быта? Ну, Саламандру я еще понимаю: ей все это, можно сказать, против ее воли досталось, а ты, Янка, сознательно окружаешь себя предметами роскоши!

Купили небольшой японский телик с видео: моноблок. Таксист помог донести покупку до квартиры и, увидев пустые стены и углы Янкиного жилища, поздравил девушек с новосельем.

Пончик соскочила, не доезжая, у гастронома, и явилась чуть позже с вином и закуской.

– У, какая симпатичная какашка! – нежно постучала она пальчиком по моноблоку, и попросила Янку что-нибудь поставить.

– Отечественная «мурзилка» – объявила Янка, врубая эротическую кассету. – Кто просматривал зарубежную, тот на этом примере убедится, насколько мы в траханьи еще отстаем от всего остального мира.

Через мгновение на экране появились две нагие и довольно худосочные девицы. Заиграла музыка. Одна из девиц ловко, как гимнастка, прыгнула на тахту, и встав на четвереньки, повернулась розовой задницей к предполагаемым зрителям. Ее партнерша стала яростно смазывать кремом ее ягодички. Время от времени обе они заглядывали в камеру, блаженно и глупо улыбаясь невидимой публике.

Янка не выдержала и начала комментировать:

– Ну, блин, смазывает словно сковородку. Ха! Смотрите! Это называется «мама, я повара люблю»!

Отложив крем, девица взяла с тахты длинную прозрачную кишку и стала ее надувать. Кишка образовала нечто подобное гирлянде больших сарделек. Девица, перевязав ее ниткой, чтобы не выходил воздух, стала эти «сардельки» одну за одной вкручивать между бедер своей партнерши.

И вновь они, оглядываясь, всем видом демонстрировали, как им хорошо, какие бесподобные ощущения.

– Это фокусы какие-то, а не трах, – возмутилась Лариса, – сейчас эту напичкают воздушными хренами, она взлетит и запоет: «мама, я летчика люблю»! Действительно, лажа совковая!

Леночка тоже решила блеснуть остроумием:

– Ну чего вы хотите, девочки? Это же первые робкие шаги демократии по нашим экранам. Посмотрим, что будет через пару лет!

– Если так пойдет, то через пару лет в России все колбасные изделия мандой накроются. Они на это и намекают нам, – поддержала Янка.

– Может, в России что-нибудь и переменится, но в нашем кафе, через дорогу которое, никогда... Хоть тысячу лет пройдет, меню будет неизменным: бледные сосиски, гречневая каша, салат из хилых огурцов и компот с мухами, – возразила Лариса.

Она достала из авоськи пакет с вареными сосисками и начала уплетать их, равнодушно наблюдая за событиями на экране.

– Печально, девки, – поддакнула Яна. – Хотя, если верить оптимистической листовке, то к власти придет некий Ге Ор и осчастливит всех.

Леночке вскоре все это надоело. Она поблагодарила подруг за прекрасный вечер и откланялась.

– Молодец, Саламандра, знает, что неблагодарность есть самый страшный грех на свете! – одобрительно напутствовала ее Янка. – Лети к своему соколу в Сибирь!

На улице накрапывал дождь пополам со снегом. Навстречу Леночке двигалась плотная мешанина из людей и машин. На полпути к дому она вдруг остановилась, что-то заставило ее вернуться и зайти к родителям. К ее радости, там оказались обе тетki: Валя и Нина. Только сегодня приехали, мама звонила ей, но не застала. Весь следующий день провела она с родней. К себе она вернулась поздно вечером и сразу нырнула в постель. Засыпая, пыталась вспомнить что-то очень важное. Это чувство, что она что-то забыла, что она должна спасти кого-то, иногда возникало в ее душе. Может быть, она должна спасти Янку? Но от чего ее спасать? От

приколов, которые она сама себе устраивает? Янка, она же сильная, самоуверенная, и довольно весело живет. Ей нравится такая жизнь... Или не нравится? Но ведь она сама все так устроила? Или нет? Сама, конечно. А у нее был выбор?

Сон был долгий и странный. Она с кем-то спорила, оперируя сложными философскими категориями. Собеседник был хорош собой и богато одет, но она знала, что это дьявол. Он доказывал что-то, а она доказывала ему обратное, он пытался ее убедить. Уходя, сказал, что спор закончит позже. Надо было заключить какое-то пари...

Проснулась она, как всегда, поздно. Одеяло было смято, рядом, на простыне, валялось дистанционное управление телевизора. Не успела она нажать кнопку, как телевизор включился. То, что увидела, поразило: во весь экран красовалась знакомая симпатичная физиономия. Неужели Карпов? Голос диктора сообщил: «Разыскивается мужчина, на вид лет 30, рост выше среднего, волосы светло русые, сложение спортивное. Ему инкриминируется незаконное изъятие со счета московского банка крупной суммы денег в валюте путем вхождения в память банковского компьютера при помощи другого компьютера, которым преступник воспользовался прямо в магазине по продаже компьютерной техники. В своих криминальных целях он использовал право покупателя проверить исправность аппаратуры. Просьба сообщить информацию по контактным телефонам... По непроверенным данным, преступник сейчас находится в одном из городов Прибалтики... Портрет преступника выполнен фотороботом по описанию продавцов и работников охраны магазина...»

«Боже мой, а как же щенок, что теперь с ним?» – почему-то подумала Леночка. «Бедный песик. Калугин, компьютер Лэя... А может, не было никакого Калугина, это он про себя говорил на самом деле? Нет, Карпов не преступник, не может быть, мало ли похожих людей...» Тут она вспомнила, что подробно рассказала о нем Бобу, и чуть не заплакала от досады. «Нет, Боб не станет меня закладывать. Да и какое ему дело до Карпова?» – тут же успокоила она себя.

Вылезла из постели, подошла к окну и поежилась: по выцветшему, словно больничная простыня, небу плыло темное облако, в котором пряталась непонятная усмешка, так усмехался ее собеседник в недавнем сне, ее ночной оппонент, требующий заключения пари. Она поежилась. Нехорошее предчувствие и тяжесть на душе с утра – это, пожалуй, на весь день.

И действительно, день оказался тяжелым. Все предметы в комнате приняли укоризненно-угнетающий вид. Они беззвучно говорили ей о том, что по ее собственной глупости она теперь попадет в список свидетелей, и поездка к Владу сорвется...

А может, это не Олега нарисовал фоторобот? – мучилась она. Слоняясь из комнаты на кухню и обратно, натыкаясь на мебель и стены, она надрывно ругала себя за всю эту затеянную авантюру со срочным получением диплома и охмурением преподавателя. А что, если ее теперь запишут в соучастницы?.. К вечеру, измученная, она набрала номер его телефона. В трубке прозвучал незнакомый голос. Леночка в панике отключила связь. Но через минуту ей позвонили.

– Извините, вы только что набрали номер Олега Васильевича Карпова.

– Кто это? – выкрикнула она.

– С вами говорит инспектор МУРа Новиков. Вам придется подойти к нам и ответить на несколько вопросов.

– А где он, где Олег Васильевич? – вырвалось у Леночки.

– Он находится в розыске. Запишите наш адрес, мы вас ждем с...

Она записала время и адрес.

Ночь прошла в кошмарных фантазиях. Ведь она была соучастницей: во-первых, знала и не предупредила кого следует, во-вторых, дополнительные занятия на квартире Карпова, о которых знают соседи, в-третьих, чем объяснить столь экстренную выдачу ей диплома... Теперь ее повяжут. Впереди – мрачная тесная камера с мутным зарешеченным оконцем сверху,

с цементным полом и парашей в углу, с тяжелой железной дверью, с тюремными ужасами, какие показывают по телеку. От всего этого мурашки по спине пробежали. Вот жизнь: неточное действие, маленькая глупость – и скатываешься в мрак, в жуть...

Утром следующего дня она была в отделе по борьбе с какими-то преступлениями – с какими именно, она тут же забыла, увидев свою сокурсницу Надю и других девушек. Надя держалась спокойно, даже чуть насмешливо, другие тоже были невозмутимы, и у Леночки отлегло от сердца. Может, не так уж все и серьезно? – подумала она.

– Ну и отмочил наш Олег Васильевич, – усмехнулась Надя, поддернув узкие джинсы, чуть прикрывающие круглые бедра. Тесная вязаная кофточка не доходила до талии, и пупок игриво подмигивал при движении. А двигалась Надя все время.

– Олег у нас крутой оказался! – поддакнула девушка.

Дверь открылась, и вызвали следующего. Лена вошла. Все оказалось действительно не так уж страшно: несколько дежурных вопросов, которые были записаны, потом она поставила свою подпись и дату.

До метро летела, как на крыльях. От счастья ошалела, словно ее окатили сладким искристым вином, все вокруг нее плясало и шумело. Она напрямик проехала в кассы аэровокзала покупать билет до Иркутска на сегодня. Поездка в Сибирь теперь казалась ей не только радостным круизом, но и избавлением от неприятных проблем.

Взяв билет на вечерний рейс, она вернулась домой и первым делом отключила все телефоны. Потом, быстренько собрав чемоданы, помчалась на родительскую квартиру. К счастью, отец был дома и пообещал подбросить в аэропорт.

– Па, если меня по телефону спросят, то меня уже нет, улетела, – попросила она.

– Что за конспирация? Ты что, банк ограбила? – пошутил Трошин.

У Леночки от такой шутки в глазах потемнело, но она быстро взяла себя в руки и весело отшутилась:

– Па, я наводчицей была, надо рвать когти!

Трошин вышел в гараж подготовить машину, и Леночка осталась с мамой. Ирина Николаевна была в хорошем настроении, она радовалась за дочь: что у нее такой муж и жизнь начинается интересная. Она без умолку болтала о своих знакомых мужчинах, эстрадных певцах, артистах... Лена молчала. Почему-то сегодня ей было очень тоскливо в родном доме. И даже то, что мама, самый близкий ей человек, сидела рядом и болтала с ней как с равной, не веселило. Наоборот, она почувствовала в этом какое-то отчуждение, чуть ощущаемое дыхание будущей большой разлуки.

Ирина Николаевна прервала ее печальные размышления вопросом:

– А на будущее лето ты куда планируешь с малышом и мужем поехать отдыхать? На море, наверно?

– Ну, мама, спросишь тоже... До следующего лета еще дожить надо, – улыbnулась Леночка, понимая, что мама задала этот вопрос для того лишь, чтобы подвести разговор к будущему ребенку. – Возьмем малыша и поедем с тобой вместе к Вале в Погорелое Городище грибы собирать да в Держе купаться! – добавила она серьезным тоном.

– А я когда была маленькой, – слегка погрузнев, сказала Ирина Николаевна, – мечтала вблизи увидеть настоящее море. Потрогать его. Погладить. Море представлялось мне чем-то большим и ласковым, чем-то вроде синей пушистой кошки. Таким оно мне и снилось всегда.

Мысль о возможной поездке к морю взволновала маму, словно она, очутившись на берегу моря, снова станет маленькой девочкой и сможет все начать сначала. Ирина Николаевна поделилась с дочерью своими лирическими мечтами, оговорившись, что, конечно, это невозможно, но на чувство каждый человек имеет право, на странное, радостное чувство, что чудеса все-таки бывают. Как в детстве, когда скоро весна. Вот-вот, еще немного, и случится что-то особенное, самое лучшее!

Леночка растрогалась, обняла маму и стала ее целовать, как маленькую девочку. Обе они всхлипывали и плакали светлыми и печальными слезами разлуки, уже обнажившей безмолвный и безучастный космос над их головами.

Ирина Николаевна вытерла слезы, отошла к окну и, полуобернувшись к Леночке, тихо сказала:

– Доченька, у меня к тебе на прощанье будет большая просьба: если у тебя родится дочка, а я чувствую, что так оно и получится, то ты, пожалуйста, назови ее моим именем, ладно...

– Ты что, мамочка, помирать собралась? – встревожилась Леночка.

– Почему же, мне просто будет радостнее ожидание моей Ирочки, я только это имела в виду, – успокоила дочь Ирина Николаевна.

– Если родится девочка, то считай, что она – Ирочка. Даю тебе честное слово, мамочка, честное-пречестное...

Леночка вновь обняла и поцеловала маму.

Трошин пришел из гаража и сказал, что машина в порядке и пора выезжать. Леночка хотела позвонить Владу, но отец решил сделать это сам, после того как вернется домой из аэропорта. Телеграмму, на всякий случай, он пообещал отправить из Домодедово.

На улице чуть моросило. В луже у подъезда плавал прошлогодний кленовый листок. Леночка подхватила лист, стряхнула с него воду и засунула в карман ветровки.

– На память о родном дворе, – улыбнулась она отцу с матерью.

Глава 12

Всю дорогу до аэропорта ехали молча. Никому не хотелось говорить. Когда в машине едет семья, состоящая из любящих и хорошо знающих друг друга людей, как правило, разговаривают мало, каждый думает о своем.

Леночка думала о маме с ее пробирающей до дрожи какой-то фанатичной жадой чуда. Причем, чуда не в обычном его представлении: например скульптура оживает или там... человек по воздуху разгуливает над Москвой. Маме важнее было представлять это чудо превращения внутри себя, чтобы оно было скрыто от посторонних глаз.

Леночка, кажется, поняла, почему мама попросила назвать предполагаемую внучку своим именем, Ирочкой. Это будет еще одно ее чудесное возвращение в детство...

Лишь немного взгрустнулось ей от того, что отец, который всегда бывал очарован таким маминым мироощущением и, собственно, полюбил ее за это, теперь стал относиться к этому равнодушно и даже с иронией. Но все равно, они сейчас живут гораздо лучше и спокойнее, чем в конце восьмидесятых, когда богема просто топила их в своем угаре страстей и иллюзий «истинного» творческого счастья.

Отец, словно уловив мысли дочери, взглянул на нее в верхнее зеркало и весело сказал:

– Все оно так, Леночка, но все равно следующая остановка Домодедово...

Она улыбнулась ему в ответ, мол, да такой ты мне, па, и нужен, и другого мне не надо, и к черту все иллюзии о более подходящей судьбе.

Так вымотал этот день, что, очутившись в самолете, она сразу после взлета задремала. Но какое-то странное ощущение тревожило. Казалось, что за ней наблюдают. Так оно и было. Оглянувшись, Леночка столкнулась взглядом с пристальными глазами мужчины в соседнем ряду. Их кресла отделял узкий проход. Стриженная репообразная башка, сросшиеся брови, острые кнопки карих глаз, черная кожанка с поднятым воротником. Мужчина тут же отвернулся, но тяжесть взгляда ошарашила ее. Рядом с ним сидел второй, в коричневой ветровке, узколицый, но было что-то общее у них.

«Что это значит? Неужто «братки» сели на хвост? Логично, дочь крутого журналиста, жена бизнесмена, добыча!...»

Но мысль эта выскользнула из ее усталого сознания, и через несколько минут она провалилась в глубокий сон.

Когда она очнулась, на табло уже зажглась надпись «Пристегнуть ремни». Голова спронея кружилась, плечо затекло от неподвижности и неудобной позы.

На входе в аэровокзал она смешалась, и захваченная людским потоком двинулась вперед. В этот миг от толпы встречающих отделился русобородый крепыш в куртке цвета хаки и темных очках. Он мгновенно очутился рядом, и сгреб ее в охапку:

– Привет, крошка! Что, не узнаешь мужа? – снимая очки, засмеялся Влад. – Да, а если бы еще пару месяцев не увиделись, то вообще!

Растерявшаяся сначала Леночка с восторгом бросилась ему на шею.

– У меня без бороды муж был, это не честно, я за молодого замуж выходила, – защebetала она, – я с бородатыми и целоваться не умею... страшно.

– Ничего, научишься, здесь почти все парни с бородами.

Влад похвалил жену, что послушалась его совета и не потащила с собой много вещей, но, узнав, что один чемодан все же придется ждать, он тоже не расстроился. Спешить им было некуда, потому что утром из этого же аэропорта они, как сказал Влад, улетят на небольшом самолете в Бодайбо.

У Леночки от впечатлений аж дух захватывало. Столько всего с ней случилось за эти дни! Самой не верилось...

Взяв багаж, они очутились на заднем сидении «Волги». Дороги она не видела, потому что Влад беспрестанно целовал ее. От его пропахшей табаком бороды и усов у Леночки даже голова закружилась. В гостиничном номере на столе стоял шикарный букет роз, шампанское и всякая вкуснота.

– А ты здорово похорошела, крошка, – с восхищением оглядывая жену, сказал Влад, – беременность тебе на пользу.

– А ты стал старый и от тебя табачищем за версту разит, – сидя у него на коленях и щекоча пальчиками его бороду, ласково прошептала Леночка.

Утром за ними приехала машина и отвезла в аэропорт. Потом небольшой турбореактивный самолет местной авиалинии понес их над сибирской тайгой дальше на Север.

– Смотри! Байкал! – восторженно восклицал Влад, тыча пальцем в иллюминатор. Леночка во все глаза смотрела на «славное море», убеждаясь в его живом существовании на земле, а не только в народной песне. Потом самолет приземлился среди огромных сопок, поросших тайгой, и снова езда на машине, и наконец стела в виде знака «виктория» с надписью цвета золота – Б О Д А Й Б О – возвестила о том, что они въехали в золотую столицу Сибири.

Влад привез жену в двухкомнатную квартиру на пятом этаже вполне цивилизованной многоэтажки. Как он и обещал, из окна открывался великолепный вид на реку Витим, и далее на таинственно синее на том берегу сопки, курящиеся каким-то магическим сиянием. И над всем этим – высоченное небо: такой эффект создавали низкие облака.

В квартире обстановка была менее роскошная, чем в московской, но бедной ее назвать было бы грешно. Диваны, кресла, шкафы, современная аппаратура, включая компьютер, на стенах висели охотничьи ружья и ножи, шкуры зверей и олени рога. Словом, квартира напоминала, в известном смысле, логово сильного человека, а вовсе не гнездышко либо норку. Леночку этот шарм возбуждал. Она тоже ощущала себя в окружении значительных предметов такой львицей.

– На рудник я тебя не потащу, – сказал Влад, кивнув на компьютер, – будешь моим личным программистом. Какую ты хочешь зарплату? – пошутил он.

Леночка за словом в карман не полезла и ляпнула сходу:

– Маленькую, но золотом! Идет?

Влад с улыбкой взглянул на нее и вдруг, резко посерьезнев, сказал:

– Запомни, крошка, золотом в Бодайбо никого не удивишь, так что проси лучше, чтобы любовью тебе платили, поверь мне – так будет лучше.

Леночка растерялась и надула губки. Такого грубоватого и витиеватого ответа она не ожидала.

Влад понял, что переборщил, и принялся ее ласкать, приговаривая:

– Ну, обиделась, ты же у меня теперь сибирячка и все сантименты должна была оставить за Уралом.

– Я проспала Урал, – съязвила Леночка.

– Ну, что ж, я считаю, что сон уважительная причина, и посему прошу меня простить за нравоучительство, ну, Саламандра... – доверительно назвал он ее по прозвищу, подхватил на руки и закружил по комнате. – Да, крошка, сейчас я тебе представлю еще одного члена нашей семьи. Побудь немного одна, я сейчас, только к соседям загляну.

Он опустил ее на диван, и звякнул кому-то по телефону. Она и спросить ничего не успела, как Влад уже был на лестничной площадке. Через несколько минут он вернулся, ведя за ошейник мощного пушистого пса.

– Знакомьтесь, это Норд, замечательный пес, мой начальник охраны и спутник на охоте. А это – Леночка, твоя мама, она тоже очень хорошая, и вам надо быстрее подружиться.

Леночка была в восторге от Норда. Крупная лайка с голубым чепраком, белоснежным подпалом и ослепительным оскалом явилась ей, как реализованная давнишняя мечта о своей собаке.

– А на охоту меня возьмете с собой? – воскликнула она.

– Девочку на охоте легко можно перепутать с белочкой, но поживем – увидим, – двусмысленно ответил Влад.

Потом он растолковал жене правила жизни в их подъезде:

– Ты, надеюсь, обратила внимание, что наш подъезд внизу снабжен охраняемой вахтой. Охранники вооружены и не пропускают никого без звонка и согласия жильцов. Запомни, что без телефонного звонка дверь никому не открывать. Вот телефон вахты, а это номера телефонов всех наших соседей сверху и снизу. Ты скоро их узнаешь, они мои сослуживцы и коллеги. Некоторых ты уже знаешь по Москве.

– А рудник тоже охраняют? – спросила Леночка и, тут же поняв, что задала глупый вопрос, рассмеялась.

– Ну вот, самой смешно стало, конечно, охраняют, – продолжал Влад. – Вообще, в этом что-то есть: когда тебя охраняют, ощущаешь свою самооценку. Шучу, естественно, – добавил он. – Да не волнуйся, скучно тебе не будет, и на охоту я тебя возьму. Вот увидишь: все будет о'кей!

На майские праздники Влад с Леночкой были приглашены к шефу Леониду Ивановичу Абасову. Идти куда не пришлось, потому что они жили на одной лестничной площадке. У богатыря оказалась столь же внушительная женушка с кокетливым именем Виолетта, две толстенькие дочурки и совершенно крохотный песик Федька. Из гостей Леночка узнала только Виктора Кравцова, он был с Владом и в первый вечер их знакомства, и на свадьбе. Виктор пришел один и был несколько грустноват или чем-то озабочен. Стол пестрел экзотическими кушаньями: жареный глухарь, заливное мясо кабарги, знаменитый омуль, соленые грибы и брусничный морс, дикий мед, черемша наполняли столовую необыкновенно возбуждающим ароматом.

– Прямо пир викинг, – пошутила Леночка.

Виолетта приняла это как похвалу в свой адрес и, самодовольно улыбаясь, сказала:

– Скоро, лапочка моя, и вы все это готовить научитесь. Они же на работу с ружьями ездят, – кивнула она в сторону мужчин, – вокруг рудника тайга и дичи всякой прорва. Вы, лапочка моя, заставляйте своего дичь самому обрабатывать, а то замучаетесь...

Вскоре появился и еще один гость, высокий широкоплечий мужчина лет под сорок, с раскосыми глазами, поблескивающими, словно лезвия, с тонким, по-птичьи загнутым носом и прямыми черными волосами. «Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал», – вспомнила Леночка Лермонтова. И действительно, если бы вместо спортивного костюма на нем был бешмет, он вполне мог сойти за фольклорного горца-разбойника. Лицо его показалось Леночке весьма привлекательным, ярким и каким-то, даже, почти знакомым, словно она его когда-то видела.

Песик Федька с разбегу запрыгнул гостю прямо на руки, выказывая свою дружбу.

– Привет, тетка! – ласково сказал гость, глядя собачку словно кошку от головы до кончика хвостика.

– И вам большой привет, жулики, – улыбнулся он мужчинам.

– Привет, привет, мент проклятый, проходи, садись, – радушно улыбаясь, пригласил гостя за стол Абасов. – Ну, кажется, все собрались главные люди, – выдал он уже знакомую Леночке фразу, – предлагаю выпить за праздник солидарности трудящихся, а то неизвестно, придется ли за него в следующем году пить.

Гости засмеялись, оценив остроумную речь шефа, и дружно осушили рюмки с водочкой. Леночка тоже выпила водки и запила ее брусничным морсом.

– Я вот знаю, Федор, о чем ты сейчас думаешь, – обратился Абасов к черноволосому, уплетая глухариную ножку, – ты сейчас думаешь, чем ты, Федор Туркин, хуже Абасова? Умен, подполковничье звание имеешь, а к золотому корыту тебе пробиться никак не удастся. Просто Абасову везет больше, думаешь ты, и жуликом меня обзываешь, я ведь чувствую, – полушутя, полусерьезно резюмировал он. – Так ведь, Федор?

– Что спрашиваешь, Иваныч, коли сам все знаешь, – отозвался Туркин, ничуть не обижаясь. Видимо, такие разговоры были у них делом привычным и весьма абстрактным.

– То-то и оно, сколько уже вместе работаем, а ты мне все равно не доверяешь, хотя это же пустое дело. Вот я перед тобой вывалю все свои документы с коммерческими тайнами, и ты в них будешь всю жизнь копать и не разберешь, что к чему. Вот в чем суть!

– Если бы я таким деятелям как ты, Иваныч, доверял, то грош бы мне была цена, и меня бы давно из органов выперли. Так что у меня есть свой резон не доверять.

– Никакого такого резона у тебя, Федор, быть не должно, потому что мы с тобой оба коммунисты, но с небольшой разницей, – Абасов лукаво улыбнулся, – а разница в том, что я – представитель элиты, так как являюсь депутатом, а ты представитель стражи, которая должна охранять эту элиту, а не мучить ее подозрениями бесконечными и беспочвенными.

– Ну, брат, ты как Платон выражаешься. Это у древнего философа такая формула была, – оживился Туркин, почувствовав возможность блеснуть интеллектом, – помнишь его знаменитую формулу: «Элита-стража-рабы». Стража может за хорошую службу попасть в элиту, а за плохую в рабы. Вот мне и приходится хорошо работать, чтобы уж если не в элиту, то хотя бы в рабы не угодить.

– Пока я жив, не угодишь, – пообещал Абасов.

– Это все так, Иваныч, – продолжал разговор Туркин, – но что же с документом, с письмом? Не могло же оно само исчезнуть из твоего кабинета? Вот так взять и исчезнуть? Кто-нибудь из твоего окружения наверняка знает тайну его исчезновения. Знает и молчит. Конечно, трудно работать, не имея союзников в коллективе.

– Кто тебе не дает, заводи, давно бы уже завел, – засмеялся Абасов, – советую тебе начать с моей секретарши Лидочки. Пригласи в кино, в ресторан... Нет, в ресторан слишком дорого... в кафе. Лучшие союзницы в любом шпионском деле – это женщины, Федор!

– Язвишь, Иваныч, у тебя ж никого не перекупишь. Попробую, чтобы какая в меня влюбилась, что ли, – отбивался Туркин, но легкая грусть в этот миг промелькнула на его лице.

Виалетта подсела к Леночке и сказала покровительским тоном:

– Не слушайте вы их разговоры, лапочка моя, все равно ничего понять невозможно, так сказать, словесные упражнения. А Влад нам о тебе рассказывал, – бесцеремонно перешла она на «ты», – твоего отца Трошина мы часто по телевизору видим и его статьи в газетах читаем, толковый мужик. Я своего давно уговариваю, чтобы бросил этот медвежий угол и насовсем перебрался в столицу. Обеспечены мы во как, – Виалетта сделала характерный жест ладонью поверх высокой прически. – А здесь эти деньги и потратить не на что. Вон, видишь, эти сопки да разговоры о золоте – вся наша жизнь. Но эта, лапочка моя, какая-то зараза, если эти золотые бактерии в организм проникли, то все, конец всей остальной жизни. Человек лишь о золоте и думает и сны про него видит и в конце концов сам в золотой песок превращается. Ты знаешь, Лена, эти золотые бактерии, в самом деле, на настоящие живые бактерии похожи, я их под микроскопом видела. Мне даже показалось, что они шевелятся, заразы, истинный Господь! – Виалетта истово перекрестилась на икону Николая чудотворца в золотом окладе. Леночка обратила внимание, что квартира Абасовых вся была завешена иконами свежего письма, в золотых окладах, с драгоценными камнями. Коллекционируют, догадалась она.

– Хорошая у вас коллекция икон, – поддержала она разговор.

– Это Леонид мой собирает, любит иконы, сам заказывает мастерам.

Абасов, уловив, что разговор пошел об иконах, живо переключился на Леночку.

– Иконами интересуетесь? Это хорошо. У меня, видите, свой храм на дому. От Иркутска и до Якутска таких икон ни в одной церкви не увидишь, палки-колеса, – похвалился шеф. – Здесь, перед этими золотыми иконами, и служу я Господу, замаливая грехи свои и родных моих, да прошу у Всевышнего не оставить нас в милости своей.

– Уникальное явление! Православный коммунист и депутат, – вновь поддел шефа Туркин.

Абасов сделал вид, будто обиделся, и погрозил песику Федьке, сидящему на коленях у Туркина:

– Федька, шельмец, совсем ты у меня забыл, кто твой хозяин, палки-колеса, с Туркиных колен не сгонишь...

– Не расстраивайся, Федька, – успокоил песика Туркин, – это он мне, а не тебе говорит: я же тоже Федька. Это он тебе специально такую кличку придумал, для маскировки, чтобы меня безнаказанно поносить при обществе.

– Так вот, Леночка, – продолжал бахвалиться Абасов, – наше местное духовенство замысел имеет такой: построить новый храм в честь Рождества Христова, школу. В связи с перестройкой, Господь дал возможность, поэтому и мы, золотничники грешные, решили, что настала пора немного помочь духовенству золотишком, как говорится, не поперек и не впереди воли Божьей и нашего закона, а в согласии с ними.

– Зря подобиоостраствуешь, Леонид Иванович, – отвлекся Влад от разговора с Виктором, – на таких, как мы с вами, Бог сквозь игольное ушко взирает...

– И пусть, и правильно взирает, а то ведь без его сурового надзору черт знает до чего дожить можно, палки-колеса, – сказал Абасов, словно речь шла не о Боге, а о вышестоящем начальстве.

– Ну и артист же ты, Леня, – прыснула Виолетта, – где ты только так болтать научился на любые темы.

– Ветка, цить, палки-колеса, – погрозил жене пальцем Абасов, – я серьезно говорю. – Мне сон недавно приснился, будто я на охоте споткнулся о камень, пригляделся, а это самородок с лошадиную голову. Я золото всю жизнь в земле роюсь ищу, да на драгах мою, а оно на поверхности меня поджидало. И тут со мной что-то необыкновенное стало твориться: смех напал сильный, остановиться не могу. Смотрю на самородок и хохочу, как сумасшедший. Глаза отвел, и смех как сдуло. На золото поглядел, опять от смеха весь затрясся. Вот, думаю, какую власть золото над человеком имеет. Только я это подумал, как все вокруг осветилось оранжевым светом, и передо мной явился сам Иисус Христос, ну в точности, как его на иконах изображают.

– Неверно ты, Леонид, подумал про власть золота над человеком, – говорит мне так спокойно. Тут я смекнул, что Он не наказывать меня явился, и осмелел, палки-колеса, говорю: «Господи! А как же я должен был рассудить, чтобы правильно вышло?»

– Я – твоя высшая власть, Абасов, а ты передо мной простой червь, – сказал он мне и добавил, – плачь, говорю тебе, грешник несчастный, горькими слезами!

И только Он это произнес, как слезы ручьями брызнули из моих глаз и такая тоска навалилась на меня, что жить стало не в радость.

А Он руку поднял и говорит:

– А теперь смейся, Абасов, рабска твоя душа, смейся, как никогда раньше не смеялся!

Засмеялся я, друзья мои, именно таким смехом, как Он мне повелел. И такую радость испытал, что и наяву по сей день об этом прекрасном чувстве вспоминаю и с нетерпением жду, когда мне Бог опять приснится.

– А голос какой у него был? – просто спросил Туркин.

Абасов удивленно уставился на него и расстерянно пробормотал:

– Не припомню, палки-колеса... Не до того было...

– Так вот я тебе помогу его вспомнить, – заулыбался Туркин, – когда в следующий раз будешь по телефону с Генеральным директором Лензолота разговаривать, слухай внимательно, каким голосом он твою фамилию говорить будет...

Все дружно засмеялись. Абасов пытался как-то отшутиться, но у него ничего не получилось. Он только рукой махнул.

– Потягайся с молодыми в красноречии, – сказал он, кивнув на Влада с Виктором. – Они тебя быстро за пояс заткнут.

– А что, и потягаюсь, – сощурил и без того узкие глаза Туркин. – И тема есть достойная... Меня, ребятки, все-таки очень интересует история таинственного исчезновения из кабинета вашего начальника пакета документов по закрытому Ольховскому руднику, как говорится, не за праздничным столом будет сказано: это не просто мое любопытство, а моя работа...

– Все понятно, – ничуть не смутившись, сказал Влад, – Федя, ну я снова повторю тебе то же самое, что я тебе уже сто раз говорил: давай я тебе восстановлю отчет о проверке рудника по буковке и сделаю новую расшифровку запроса, который мы делали в Лензолото по этому руднику. Ничего более добавить я не в силах. В конце концов, Федя, копия ответа Лензолота у тебя есть. Прикладывай к нему мой отчет, обосновывай свой криминал, добивайся создания новой комиссии, и находите на этом заброшенном Богом и людьми руднике то, что вы там хотите найти. Вот и все проблемы, Федя! – уверенно произнес Влад, потягивая брусничный морс из хрустального стакана и подмигивая Леночке.

– Ты, Влад, этот морс словно мою кровушку сосешь, давай лучше по рюмке водочки выпьем, – сменил тему Туркин.

Наконец, праздничный обед закончился, и Леночка с Владом, поблагодарив хозяев, вернулись к себе. Леночку утомило это застолье с постоянными, как ей казалось, двусмысленными разговорами и полунамёками на какие-то неизвестные ей обстоятельства. И вообще, она чувствовала себя у Абасовых несколько не в своей тарелке. Влад успокоил ее, сказав, что это от непривычки к новому уровню общения, обычное дело... Встречи с людьми другого круга по первости всегда утомляют.

Они решили прогуляться перед сном по берегу Витима. Взяли с собой Норда, и вышли в блекнувший день. Они шли по каменистому берегу, вдыхая терпкий запах хвои и любясь видом окутанных вечерней дымкой сопок.

– Через пару недель тайга зацветет, вот тогда ты ощутишь настоящий аромат ее шкуры. Между прочим, очень сексуальный дух весной от тайги исходит. Я читал где-то, что подобное бывает весной в березовом лесу, но тайга возбуждает гораздо сильнее, – сказал Влад.

– Сильнее всего возбуждает любовь, – вставила Леночка, – впрочем, даже эротические сцены, я не имею в виду всякие там «мурзилки» по виду, а сцены из живой жизни.

И Леночка рассказала мужу, как она апрельским прохладным вечером гуляла в сквере возле московской квартиры и заметила на декоративной лавке без спинки влюбленную парочку, сидящую в странной позе. Сначала она очень удивилась, увидев, что из-под черной накидки у девицы выглядывают явно мужские ноги в ботинках и брюках. Но, подойдя ближе, увидела, что парень сидит на торце лавки, а она у него на коленях. Ее сапожки белели у парня за спиной. Накидка все скрывала, но по их подергиваниям Леночка догадалась, чем они заняты. Когда она с ними поравнялась, парень совсем втянул голову в плечи, и на лавке осталось теперь лишь одно четвероногое плавно вздымающееся и опускающееся существо с красивой женской головкой. Пройдя мимо них, Леночка оглянулась и встретилась глазами с девицей, издавшей в это время тихий стон. Через мгновение девица развела в стороны над головой парня свои изящные ручки и кокетливо улыбнулась, как бы давая понять: «Ну что же поделаешь, раз ему так хочется!». Леночка улыбнулась ей в ответ и пошла дальше с каким-то легким, светлым чувством на душе. Вроде бы и то и се, и пятое, и десятое, как говорится, а вот не было никакой пошлости в этом, а красота была. Вот что такое настоящая любовь.

Влад с любопытством выслушал рассказ Леночки и весело предложил:

– А давай и мы попробуем так?

– Ну что ты, любимый, здесь таких скамеек нет, как в Москве, а камни холодные.

– Нет, я хочу по-московски, – завелся Влад.

Он взял Леночку за руку и подвел к большому кубообразному валуну с гладкой как у стола поверхностью. Бросил на валун свою куртку, и через мгновение Леночка уже сидела у него на коленях в той же позе, о которой только что рассказывала так красочно. Норд носился вокруг них кругами и заливисто лаял, топя их сладострастные стоны в своем собачьем восторге.

Вдруг она заметила, что на площадку портового крана, стоящего метрах в ста впереди, вышел парень и с любопытством стал наблюдать за ними. Леночка сделала ему приветственный жест руками, вскинув их высоко вверх над головой Влада. Парень в ответ поднял вверх большой палец, как бы сигналив: о'кей, молодцы, – и скрылся в башне крана.

– Кому это ты там знаки подаешь? – поинтересовался Влад.

– Нашей любви, дорогой, – игриво ответила она, натянув белые лосины. – Пошли скорее домой, я замерзла немножко, чаю хочу, – добавила, нарочито застучав зубами, – Бр-ры-ры, холодно.

Влад подхватил ее на руки и всю дорогу нес, словно сокровище, бережно и крепко прижимая к себе. Спустил жену на землю он лишь возле дома.

Потом был романтический ужин при свечах и под пение магнитолы, с шампанским и местными деликатесами, после чего они плескались в ванне, наполненной душистой импортной пенкой, были бесконечные поцелуи и восторги любви, и бесконечные разговоры и рассказы захлеб, и снова поцелуи и восторги. И так долго-долго тянулась эта восхитительная ночь. Прижимаясь к мужу в постели и нежно водя пальчиком по его бороде, Леночка разговорилась о его друзьях:

– А Туркин твой, колоритный он тип, правда? Вид разбойника, голос как у девушки, да еще и гэбист полковник. Загадка.

– Верно заметила, яркий тип, – согласился Влад. – Но загадки в его облике нет. В этих краях люди обычных жизненных игр не придерживаются и масок не носят. У каждого на лице его сущность проступает. Здесь свои правила. Закон – тайга, медведь – хозяин, вот и все заповеди здешние. Реакции довольно прямолинейные. Ты заметила, как Туркин с лица сменился, когда разговор о женщинах зашел? Это Абасов против него запрещенный прием применил.

Влад крепко прижал к себе Леночку и потерял бородой о ее покрасневшее возбужденное личико.

– Ну что, спать сегодня не будем? – страстно прошептал он и провел кончиком языка за ее ушком.

– Не увливай от темы, разжег любопытство, а теперь спать, хитрющий какой! – вскричала Леночка. – Нетушки, сейчас же расскажи, почему Туркин с лица сменился! А то обижусь.

– Ну ладно уж, так и быть, раскрою тебе эту страшную тайну, только чур – молчок, никому и никогда, поклянись, – принял игру Влад. – Ну так слушай, крошка, и вникай в местную жизнь...

Глава 13

Конечно, Влад не рассказал Леночке всего. Многое опустил в своем повествовании, многое смягчил, кой-чего приукрасил. Он считал, что женскому воображению вполне достаточно чуть-чуть информации и немножко лжи, тогда она будет счастлива. Но знакомому журналисту на рыбалке он, похохатывая, выложил эту историю как есть.

– Классная байка, – сказал, усмехаясь, писака. – Хоть в журнал ляпай, а заголовок прямо сам просится: «Махорка».

«Махорка»

Лет десять назад в витимской тайге появился мент Федор Туркин с табельным пистолетом и двумя малюсенькими звездочками на погонах. Он охранял добытое старателями золото. Артель сплошь состояла из бывших зеков, отсидевших в колымских лагерях большие сроки и задержавшихся в местах своей печали лишь с целью урвать золотишко на будущую цивильную житуху в больших городах. Председателем артели был тоже бывший зек по прозвищу Тайшет.

Первое время Туркин сильно переживал за сохранность вверенного ему золота: часто проверял сигнализацию, подыскивал сверхнадежные замки, свою «пушку» держал в чистоте и боевой готовности. Но время шло, а на артельное золото никто не покушался. Трудненько ему было поверить в добропорядочность лихой братвы, но факт есть факт. Туркин, мало по малу, сблизился со старателями. Вскоре он вообще забыл, что они бывшие зеки. Отношения сложились доверительные и даже дружеские.

Однажды летом Тайшет с товарищами нарвались на хорошую «яму», так старатели фартовое место называют. Начали они потихоньку золотишко выхватывать. Эта «яма» от основного участка километрах в десяти была и, чтобы туда сюда не мотаться, старатели быстренько срубили себе времянку с нарами и железной печкой. Обосновались прямо на «яме».

Туркина встречали там как родного: кормили дичью и стопку подносили. В один из таких приездов за добытым золотом старатели, как обычно, пригласили Туркина за свой стол обеденный, срубленный прямо под разлапистыми пихтами. Никакого навеса не надо. Туркина они называли «красноперый», но это его не раздражало.

Только Федор устроился поудобнее за столом, как перед ним возникла красивая девица в цветастом фартуке и с миской ароматной ухи из тайменя.

– Дорогому гостю в первую очередь! – щебетнула она, качнув бедрами.

Когда она наливала следующую порцию, Туркин удивленно спросил:

– Где такую кралю заудили?

– Что, приглянулась она тебе, Красноперый? – осклабился Тайшет. – Главное, золото найти, а девки сами находят, – добавил он резонно.

– А почему меня в курс дела не ввели? – нахмурился Федор. – Непорядок. Я должен был с ней побеседовать, выяснить, кто такая, откуда, а потом уже...

– Да ладно тебе, Красноперый, неменьжуйся, все будет ништяк, – развязно вставил один из старателей.

Тайшет поддержал товарища:

– Ты что, Красноперый, в натуре думаешь, что наше золото только тебе дорого? Мы все за него в ответе не меньше твоего. Усек? Так что не понтуйся, а проверни все формальные штуки, чтобы Махорка осталась с нами на весь сезон.

– Что за «махорка»? – переспросил Туркин.

Старатели расхохотались. Тайшет пояснил:

– Ну ты, в натуре, ни разу не грамотный, Красноперый. То ж девку так кличут.

Оглянулся и громко крикнул:

– Махорка! Давай-ка живее тайменя на стол!

– Обижаешь, начальник, все и так идет быстрее не бывает, – весело отозвалась девица. Через минуту она поставила широченную кедровую плаху с дымящимися ломтями тайменя.

– Набивайте матрацовки на здоровьице, – ласково проворковала она, блеснув глазами на Туркина.

Тот растерянно улыбнулся и только нашел сказать:

– Ну у вас и лексикончик, дорогие мои.

Тайшет понял эту фразу как некое согласие. Он достал канистру со спиртным и разлил его в приготовленные кружки.

– Ну что, братва, выпьем за нашу Махорку, чтоб удачу принесла. Пей, Красноперый, спирт разведен уже, – добавил он, видя, что Туркин в замешательстве.

Федор махнул рукой и выпил залпом.

– Ну вот так-то лучше, Красноперенький ты наш, – похлопал его по плечу Тайшет. – А за девуку не дергайся, все будет ништяк.

Успокоившись и повеселев после выпитого, Туркин все же вернулся к разговору о Махорке:

– Побеседовать с ней я все равно должен.

– После обеда калякай с ней сколь хошь, – дружелюбно кивнул Тайшет, – но не пугай мне девуку. Поласковой, она из образованных, – добавил он с некоторой даже гордостью.

Закончив трапезу и отдохнув, старатели ушли на промысел, и Туркин остался в стане вдвоем с молодой поварихой. Он деловито достал из планшета толстую тетрадь в кожаной обложке и ручку, примостился возле девушки на еловом комле и вопросительно глянул на нее. Та, увидев его приготовления, бросила мыть посуду и под села рядом, обдав его жарким женским духом.

– Допрашивать будешь, начальник? – спросила она, лукаво шурясь.

– Допрашивают только в следственном отделе, – солидно уточнил Туркин. – А моя обязанность установить твою личность и поставить тебя на учет в конторе. Покажи документы, – попросил он.

– О Господи, и здесь, в тайге, у черта на куличиках какие-то документы нужны! – всплеснула она руками. – Откуда ж я знала ж, что в тайге их надо будет кому-то показывать?

– Значит, бичуешь? – посуровел Туркин.

Девица развязала косынку и, встряхнув хорошенькой головкой, рассыпала по плечам тяжелые ореховые пряди волос.

– Что? Фу, какое слово плохое, – фыркнула она. – Я счастье ищу, начальник, счастье, понятно? – добавила, подбоченясь, и чуть не свалилась с комля.

Этот жест и наивные доводы развеселили Туркина. Но он быстро взял себя в руки и как можно официальнее произнес:

– Ну ты мне здесь свой гонор не выказывай. Если документов нет, то и разговор с тобой окончен. Собирайся, едем в контору для выяснения. Это тебе не пионерский лагерь. Здесь золото! Понятно?

– Да как же мы поедем-то, лошадь же одна? – тихо отозвалась девица.

– Ничего, здесь недалече, двоих увезет. Не такая ты, поди, тяжеленная, – улыбнулся Федор, смерив ее взглядом. – А имя-то у тебя вообще есть? – спохватился он.

– Обижаешь, начальник, конечно есть. Галей меня зовут. Образование средне-техническое, от роду двадцать лет. Не замужем...

– Ну хватит мне лапшу на уши вешать, собирайся и поехали. Если все подтвердится, вернешься назад, да еще в конторе будешь зарплату получать, а если нет... – Туркин не стал говорить, что будет с ней в противном случае, но всем своим видом дал понять, что ничего хорошего.

– Начальник, пожалей, – вдруг взмолилась она, – я чистая, ей-богу чистая, тебе за меня ничего не будет, клянусь жизнью...

– Все, разговор окончен, – отрезал Туркин и пошел отвязывать коня. – Если чистая, назад привезу, не беспокойся, – бросил он через плечо.

Галя всхлипнула, зашла в срубленную наспех теплушку, и через минуту появилась снова с потертым дипломатом в руках.

– Давай руку, – свесился Туркин с седла.

Галя подала руку и мгновенно очутилась за спиной Федора на крупе лошади.

Смирная артельная коняжка Орлик не спеша повезла их по старому волоку, по которому зеки возили лес на нижний склад еще в сталинские времена.

Лето только начиналось. Влажный и теплый, настоенный на несметном количестве цветущих растений дух тайги обволакивал пряно и жарко, проникал, казалось, через поры в самую кровь, и голова шла кругом от этого медового света, сочащегося сквозь лапки деревьев. И смола на пихтах заваривалась словно мед. Галя прижалась к спине Туркина, и он почувствовал ее упругие груди и горячее порывистое дыхание. Мелькнула мысль ссадить ее с лошади, но это уже было не в его силах. Он боялся шевельнуться. Он весь без остатка превратился в жаркую плоть, жаждущую, чтобы это чудесное наваждение длилось и длилось... Даже пофыркивание Орлика и острый конский запах, перемешанный со всеми остальными, возбуждал и пьянил его больше выпитого спирта. Он прикрыл глаза и плыл по этому блаженству, все более и более откидываясь назад, поддаваясь притяжению спелого женского тела, которое он остро ощущал даже сквозь грубую ткань одежды...

– Ах, – простонала Галя и стала медленно сползать с лошади, увлекая Федора за собой. Он, уже ничего не соображая, попытался, неловко весьма, поддержать ее, но вышло наоборот: она поддержала Туркина, и они плавно завалились на теплый мох, мягкий и пружинистый, словно паралоновый коврик.

Жгучий и блаженный океан беззвучных звуков, рвущихся из глубины подсознания, обжег и оглушил его! Мгновенное многоцветье резких вспышек закружило его душу, задохнувшуюся от восторга, словно он попал в самый эпицентр грозового пространства...

Туркин то плакал, то стонал, то осыпал Галю поцелуями. Он жевал ее волосы, как жеребец пахучее сено, он терзал ее пухлые губы. Ему чудилось, что он весь вдруг размяк и растаял как воск, и весь без остатка втек в этот жаркий космос женской плоти.

Через несколько минут он вновь набросился на нее, яростный и ошалевший. Она была его первой женщиной, и он боялся хоть на мгновение остаться вне ее. Он опять и опять воспламенялся и ласкал Галю с восторгом голодного странника. Для него ничего больше в мире не существовало, и он ни о чем не жалел...

Очнулся он от громкого фыркания Орлика. Открыв глаза, увидел склоненную над собой горбоносую лошадиную морду. Конь с любопытством оглядывал хозяина и, словно недоумевая, помахивал мордой в разные стороны. Туркин сел и огляделся. Гали рядом не было. На мху лежала аккуратно свернутая вчетверо газета с женской фотографией крупным планом. У Федора аж сердце екнуло, когда с газеты на него глянули спокойные, с затаенной усмешкой, глаза его Гали и эти пухлые ласковые ее губы чуть выпятились, словно она боялась расхохотаться... Он жадно прочитал текст под фото, из которого следовало, что Галина Иванцова, бригадир штукатуров-маляров, внесла вместе с бригадой большой вклад в досрочную сдачу детсада и школы на селе. Туркин несколько раз прочел эти строки под фотографией, еще раз полюбовался на Галино лицо, и подумал: «вот тебе и Махорка, ну и дела!» Успокоившись после своего «приключения», он принялся размышлять: «Так, газета «Сельский строитель» Омскцелинстроя. Стало быть, из Омска пожаловала... Но почему документов нет?» – вновь спохватился он, и тут же махнул рукой. Он поднялся, привел себя в порядок. Пистолет и золото были на месте. Аккуратно убрав газету, Федор запрокинул голову и несколько минут смотрел

на белесое, словно выцветшее небо, в котором медленно кружил, раскинув крылья, беркут. Вздохнув, Туркин вскочил на Орлика и не спеша поехал в поселок. Всю дорогу он удивлялся: «Надо же, никто не знает, где повстречает первую женщину. А мне так и вообще без паспорта девка досталась, под кустом...»

Он изо всех сил старался убедить себя, что произошло пустяковое дело, и неплохо бы побыстрее помыться в бане – на всякий случай.

«Пусть работает в артели», решил Туркин, «видно, что хвостов за ней нет, иначе газету бы не показала».

Но шли дни, а мысли его назойливо крутились вокруг Гали, все вокруг нее... Стоило ему закончить какое-нибудь дело, как мечты переносились к ней, и он ласкал ее в самых красивых уголках тайги... Прямо умопомрачение какое-то! Он никак не ожидал таких последствий этой случайной связи со случайной женщиной, да к тому же еще Махоркой.

Приехав в очередной раз на «яму», Туркин вернул Гале газету и сказал, что с документами можно повременить. Галя с радостью согласилась с ним прокатиться, и они вновь яростно и жадно наслаждались в том же укромном местечке, как будто специально приготовленном природой для интимных утех. Эта маленькая, поросшая мягким ворсистым мхом и огороженная, укрытая молодым густым ельником полянка стала постоянным местом их страстных встреч.

Старатели заметили, что их Красноперый крутит с Махоркой, но их это не расстраивало. В конце-концов, они считали Туркина своим человеком, хоть он и мент.

Но, как говорится, чем дальше в лес – тем больше дров. Через некоторое время Федор буквально жить не мог без Гали и зачастил на «яму» под разными предлогами, а потом и вовсе просто так. Старателей сначала это забавляло, но вскоре начало тревожить. Им стало ясно, что Красноперый допрыгался: втюрился в Махорку по настоящему. А это уже, понимали они, дело нешуточное и черт знает чем может кончиться. Тайшет решил поговорить с влюбленным.

– Федя, надо мне с тобой побазарить, – впервые обратился Тайшет к Туркину по имени, словно к давнему другу. – Пошли на бревнышке покурим.

Затянулись, и Тайшет начал без обиняков:

– Тебе, Федя, все наоткровенно скажу. Я чувую, ты внаутре в серьезные чувства к нашей Махорке впал. Послухай опытного человека: не доведет это тебя до добра. Ты чо, дитя, что ли? Ты чо, не знаешь, что кроме кухни, у Махорки есть еще обязанности трахаться с каждым из нас по очереди? Вся неделя распределена. У каждого свой день. Ты и так у нее свехурочный получаешься, а ей двойная нагрузка...

У Туркина потемнело в глазах. Он, конечно, смутно догадывался, примерно допускал такую мысль, но гнал ее от себя все время. А тут его прижали к стене.

– С чего ты взял, что я влюбился? – выдавил он через силу, избегая смотреть на Тайшета.

– Да все уже заметили, не только я, – вздохнул тот. – Вот видишь, ты уже сейчас на меня волком зыркаешь. А что дальше будет? Завязывай, Федя, эту мороку пока не поздно, а то круто поссоримся. А нам с тобой надо дружить. Ты путевый мужик, хотя и мент. Хочешь, я ее на твоих глазах округлю, чтобы тебя отрезвить? – просто спросил Тайшет.

– То есть как это округлишь? – не понял Туркин.

– Да ты в натуре ни разу не грамотный, Федя, – в свою очередь удивился Тайшет. – Округлить, значить, сначала в кунку трахнуть, потом в фуфло и последнюю палку на клык. Можно и в обратном порядке, – деловито уточнил он. – Это как тебе заблагорассудится.

Туркин резко встал с бревна и, еле сдерживая бешенство, произнес:

– Ну вот что, спасибо, что просветил, только зря волнуешься, все будет в порядке. Какая может быть любовь...

– Вот и молодец, Федя, – обрадовался Тайшет. – А трахать ты ее можешь. Приезжай в любое время. Мы для тебя график сдвинем...

Вне себя от стыда и злости, Туркин вскочил на Орлика и так пихнул удивленную коняжку сапожищами в бока, что конь вместо того, чтобы двинуться вперед, попятился назад и чуть не своротил коптильню для дичи.

Муки ревности раздирали в клочья душу Туркина. В мыслях он яростно выхватил пистолет и выпустил всю обойму в Махорку, в Тайшета, в весь мир, ставший вдруг враждебным и ненавистным ему... Темный валун злобы и отчаяния плющил его мозг, вызывая потоки беззвучной брани. «Проститутка, потаскуха, шлюха... ненавижу, ненавижу...» Но вскоре поток брани иссяк, и он снова готов был обцеловывать ее всю. Так доехал до заветной полянки. Отпустил коня и, уткнувшись лицом в мох, впал в забытие.

Вдруг кто-то обнял его за плечи. Вздрыгнув, оглянулся и увидел ее лицо, полное грусти и нежности. В ее глазах блестели слезы.

– Уходи! – буркнул он, и снова уткнулся лицом в мох.

– Что они тебе про меня натрепались, Федька? – с горечью и болью в голосе произнесла она, обдав его ухо и щеку горячим дыханием. – Все они врут, им завидно, Федька. У них такой любви нет и никогда не будет. Врут они все, Феденька. Я вся твоя! Я тебя люблю, Феденька! Хочешь, я уйду от них, к тебе уйду, ухаживать за тобой стану, ребеночка тебе рожу?

Она нежно гладила и целовала его, обливаясь слезами.

Туркин почувствовал, что если он ее сейчас не поцелует, то сердце его разлетится к чертовой матери на куски. Он резко перевернулся на спину, сгреб Галю в свои объятия и забылся...

Прощаясь, он сказал ей, что подумает насчет их дальнейших отношений. Возможно, заберет ее к себе в поселок.

Несколько дней Туркин провел в мучительных переживаниях. Надо было на что-то решаться. «В конце концов, – рассуждал он, – не всем девственницы достаются, и вообще, одно дело трахаться, а другое совсем – любить. Да и за что, собственно, упрекать Галю? Она спасается как может, сильно жизнь ее прищемила, видать, козь полегла в «яму» к старателям. Судьба...» Подобных мыслей, спасительных и примиряющих с людьми и миром, появлялось в его воспаленном мозгу все больше. И они победили: он решил всем чертям на зло не терять Галю, а на все прочее наплевать.

К концу лета Галина перебралась к Туркину в поселок и стала его неофициальной пока женой. Неожиданно для Федора, жители поселка отнеслись к этому его поступку совершенно спокойно. А некоторые даже больше зауважали. Галине пришлось потруднее, но и она вскоре прижилась. Все позабыли о том, что она бывшая Махорка.

На поверку таежный народ оказался великодушен. Видимо, действительно, когда речь идет о серьезных жизненных проблемах, никто ни судить, ни корить человека не станет. У каждого в сердце своя «Махорка». Примерно так рассудил и Туркин. Он поставил на этом деле точку и больше не утруждал себя переживаниями.

Между тем, обстановка в золотоносном районе осложнилась. На старании одна за другой «горели» артели. По тайге рыскало много всякого люда. Участились случаи нападений на преуспевающие «ямы». В связи с обстановкой Туркину усилили арсенал: к пистолету «ТТ» прибавился автомат Калашникова с тремя запасными рожками.

Тайшетовская артель процветала. «Яма» оказалась на редкость удачной. Про меж собой старатели окрестили «яму» Галькой, в честь женщины, принесшей, как они считали, им большой фарт.

Тайшет никогда не упрекал Туркина за то, что тот не послушался тогда его совета и связал свою жизнь с Махоркой. Да и никто не заводил разговора об этом. Но он все же наступил, этот роковой сентябрьский день, который заставил Туркина в очередной раз крепко задуматься над своей жизнью и резко переменить мнение о людях.

В этот день Федор с утра зашел в контору и прямо оттуда намеревался мотануть в район для отчета. Но, верный привычке и природной осторожности, он и в этот день решил лишний раз проверить сохранность артельного золота.

Подходя к массивной, обитой железом и обремененной несколькими висячими замками двери, он привычно запустил руку в карман за связкой ключей, которые всегда носил с собой. В этот момент он заметил, что пломбы сорваны. Туркин лихорадочно отомкнул замки. То, что дверь была на замках, вселило в него надежду: может, просто пацаны набедокурили. Он ворвался в комнату и увидел... распахнутую дверцу сейфа.

Он опустился на табурет и закурил. Но, вспомнив, что недавно видел эти двери с пломбами – это было минут двадцать назад – помчался по коридору к выходу, чуть не сбив с ног какую-то женщину. Он жил напротив конторы, и через несколько минут влетел в свою комнату. Гали там не было. Он выскочил вон и помчался по улице в сторону пристани. Когда пробежал мимо пацанов, кто-то из них визгливо крикнул:

– Махорка с Тайшетом на моторке катается!

Силы Туркина утроились. Он мчался к пристани с пистолетом в руке, готовый на все. «Только бы далеко не ушли», – повторял он яростным шепотом.

На пристани кто-то копошился в моторке. Туркин узнал технорука местного леспромпхоза, который уже завел свой «Вихрь» и собирался отчаливать.

– Стой, вылазь! – скомандовал он, направив на технорука пистолет.

Тот перепугался и мигом выскочил из «казанки» на мостик пристани.

– Где Тайшет? – заорал Федор.

Тот махнул рукой вверх по течению. Туркин погнал «казанку», куда указал технорук. Моторка с ревом понеслась по осенней глади Иркуты. «Черт, на моей лодке тоже спаренные моторы, уйдут!» – прикидывал Туркин. – «Но я ж не заправился бензином, там чуть оставалось». Но и эта мысль его не утешила. Тайшет, наверняка, позаботился о горючем для лодки заранее.

«Они, видно, уверены, что я уехал в район. Не могли они просчитать мое случайное возвращение, не такие умные. Они думают, погони нет...»

У причала, что на конце поселка, он крикнул мужикам:

Моторка, красно-синяя, с мужиком и девкой?!

С пристани замахали руками в направлении, куда он плыл.

«Догоню, – злорадно ухмыльнулся Туркин. – Коль они погони не ожидают, так идут спокойно, может, на одном движке, горючее экономят. Но мой движок и один любому спаренному фору даст: специальную обкатку прошел. Кто ж знал, что собственную лодку догонять придется. Вот тебе и золото... Вот тебе и вся любовь... – уже безо всякой злости думал Федор, вглядываясь вперед. – Насмерть биться придется. Слава Богу, стрелять еще не разучился». Он погладил расстегнутую кобуру с пистолетом, как живое существо. Мелькнула идиотская мысль: «Китель жалко...»

За очередным поворотом он увидел их. Тайшет тоже заметил его и стал быстро запускать второй движок. На это ушло несколько секунд, которые с таким весом на борту он уже не смог бы наверстать. Поняв это, Тайшет резко направил моторку к берегу, поросшему густым талом, за которым синела тайга. Лодка его с разгона вылетела на каменистую полоску берега. Галя упала на дно лодки, а Тайшет с двустволкой присел за кормой. Туркин на полном ходу проскочил чуть дальше и, сделав плавный полукруг, заглушил движки. Уши резанула тишина. Слышно было лишь, как Иркут нежно шелестит по металлическому борту лодки, да какая-то птица щелкает в тальниках. Туркин сбросил груз на тросике, чтобы лодку не сносило, достал пистолет, крикнул:

– Все, Тайшет, отбрось ружье в сторону, отойдите с Галей от лодки на десять шагов. Руки поднимите, черти, руки вверх!

– Ты внатуре чудик, Красноперый, – откликнулся Тайшет. – Мне и так и так «вышка». Ты ж знаешь, сколько золота в мешке... Так что это тебе сейчас надо думать о своей душе...

В этот миг по корме лодки словно хлестнула стальная плеть. Тайшет сдуплетил без предупреждения.

«Картечь», определил Туркин. На сто метров ее здорово рассеяло. В борт угодило всего несколько «горошин».

– Перестань палить. Оставь золото и Галю, а сам можешь убираться к черту. Это единственный твой шанс. Я тебе его даю за прошлые твои заслуги.

– Почему я должен верить, что ты не саданешь мне в спину из своей пушки? – крикнул Тайшет, явно идя на компромис.

– Потому, что я еще ни одного человека не убил и мне так жить нравится, – отозвался Федор.

– Ладно, первый раз менту поверю, коль нет другого выхода. Можно ружье-то взять?

– Забери, – согласился Туркин.

– Тайшет, не уходи, не уходи! – завопила Галя, вцепившись в его брезентуху.

Тайшет грубо оттолкнул ее, поднялся в полный рост и повторил:

– В первый раз менту поверил...

Он не торопясь достал из лодки рюкзак с продуктами, закинул двустволку за спину и закурил.

– Дай рюкзак Гале в руку, – скомандовал Туркин.

– Это еще зачем? – удивился Тайшет. – А, понял, боишься, что золото унесу. – Тайшет сунул свой рюкзак Гале. Она удержала его одной рукой и протянула обратно.

– Ну, убедился, что нет в нем золота? – повеселевшим голосом крикнул он.

Туркин заставил его залезть в лодку и показать кожаный мешок с золотым песком. После чего скомандовал:

– Уходи!

Тайшет бросил окурок, резко развернулся и быстро пошел к тальникам.

В эти мгновения в душе Федора происходила страшная борьба: зверь уходит, надо стрелять... Все равно он будет прав, а заодно отомщен... Но не мог переступить грань, за которой он стал бы убийцей. Странно, ведь, по сути, он готовится к этому, такой момент мог наступить каждый день. Но одно дело предполагать, иное – исполнить...

Когда Тайшет скрылся в тальниках, Туркин тяжело вздохнул и крикнул Гале:

– Отойди от лодки и подними руки вверх!

Потом он запустил движок и причалил к берегу. Взял лодку технорука на буксир, Галю посадил с собой и, не сказав больше ни слова, помчался назад, в поселок.

Галя, закутавшись в брезентовый плащ, как зверек забила в нос лодки и всю дорогу молчала. Лишь на пристани она спросила:

– Что теперь со мной будет, Федя?

– Ступай домой и жди меня, – спокойно ответил Туркин.

Вернув почти тридцать килограммов золотого песка на место, Туркин пришел домой.

– Прости меня, Феденька! – бросилась Галя перед ним на колени.

Туркин отстранил ее и сел за стол. Долго молчал и курил папиросы одну за одной.

– Да что ж ты меня мучаешь, Феденька, скажи что-нибудь! – взмолилась Галя.

– А что тебе сказать? Это я жду, что ты мне скажешь, – отозвался он.

– Сможешь ли ты простить меня, Феденька? – пробормотала она.

– Нет, Галя, собирай свои вещи и уезжай отсюда, – сурово ответил он своим совсем не суровым голосом. Но это был только звук...

Она собрала чемоданчик и подалась на пристань. Вскоре после этого Туркина отозвали из тайги на какую-то учебу, и вернулся он в Забайкалье только через пять лет в звании подполковника курировать местный золотоносный район...

– Вот такие характеры в Сибири, – сказал Влад, закончив свой рассказ.

– Потрясно! – воскликнула Леночка. – Вот это да!

– Сибирь – это почти что другая планета, – похвалился Влад, – и люди здесь особенные. Кстати, сейчас между нами и Туркиным вновь завязывается детективная история. Помнишь, я тебе еще в Москве говорил? Ну, это потом, а сейчас спать...

Глава 14

После майских праздников жизнь Леночки стала весьма однообразна и скучна. Влад с утра уезжал на рудник и приходил поздно, часто исчезал в командировки, так что она его почти не видела. Эта роль вечно ожидающей жены стала тяготить ее. Скрашивали жизнь лишь прогулки с Нордом, эти длительные прогулки по красивым местам, телевизор, книги, да жена Абасова – Виолетта, дама шумная и общительная, с бурным темпераментом. Она считала себя секс-бомбой и была весьма забавна в этом своем убеждении.

– Леночка, лапочка моя, ты можешь мне не верить, но я – амазонка, да-да, самая настоящая амазонка! – восклицала она, расчесывая свои крашенные в голубой цвет волосы. – Это цвет амазонки, лапочка моя, он всегда напоминает мужчине, с кем имеет дело...

– В постели, – прыснула Леночка.

– И в постели тоже, лапочка моя, – погрозила ей пальцем Виолетта. – Мы должны использовать в борьбе за сердца наших мужчин все мыслимые и немыслимые средства, – продолжала она.

В квартире Виолетты был особый мирок красивых вещиц и золотистых занавесочек, которые хозяйка часто переставляла, перевешивала и меняла. Она обожала менять интерьер, начиная с мелочей и кончая всей мебелью. После каждой такой перемены или очередного ремонта Виолетта звала по-очереди подруг, и для каждой из них устраивала небольшой «обмывон», как она называла обильную пирушку с крепкими напитками в честь обновления квартиры. Леночка частенько попадала на эти обмывоны и забавлялась от души. Огромная полнотелая Виолетта, захмелев, рассказывала, как она парадоксальна в любви и в жизни. Она любила упоминать, что помимо Абасова у нее много других разнообразных увлечений и друзей, и что она сама принадлежит одновременно всем и никому.

– Почему ты думаешь, лапочка моя, что мужчины ищут компании других мужчин, когда хотят расслабиться? Потому что они просто дураки и считают, что женщина не может стать другом, она способна лишь на роль любовницы, – увлеченно разглагольствовала она. – А вообще-то, довольно много причин, из-за которых мужчины сбегают от своих возлюбленных. Если они говорят, что не могут понять женщину, намекая на примитивность нашего ума, то они горько ошибаются, лапочка моя. Во всяком случае, в их золотых кругах, где мне приходится часто бывать, нередко многие женщины затыкают мужчин за пояс по остроте ума и широте взглядов. Да ты сама слышала, лапочка моя, о чем они болтают часами: золото, золото и ничего, кроме золота. А может, мы лучше этого золота в миллион раз! Ты меня извини, лапочка моя, из-за меня, понимаешь, из-за любви ко мне один весьма высокий военачальник чуть не застрелился. А что он, лапочка моя, делал со мной в постели! Это же ни одному америкашке во сне не приснится, несмотря на всю их сексуальную культуру! – хихикнула Виолетта.

Леночка вспомнила случай, когда ей пришлось применить «психотропное оружие» против латиноамериканцев. Она живо представила огромную Виолетту на месте Янки между двумя неграми, и дико расхохоталась.

– Что с тобой, лапочка моя? – удивилась такой реакции Виолетта. – Смех противопоказан сексу. Одна моя подружка имела привычку смеяться во время этого дела. Однажды муж ее трахает, а она – хи-хи, да ха-ха-ха. Он разозлился, сгреб ее в охапку и сбросил с балкона. Хорошо еще, что всего второй этаж был, да деревья под окнами с густыми кронами росли. Она на эти деревья грохнулась и на ветках повисла. А он смотрит на нее сверху и хохочет. Так его хохочущего и увезли в психушку.

На этом месте Виолетта рассмеялась.

– А ты сама-то как относишься к, так сказать, внебрачным связям? – вдруг спросила она серьезно.

Для Леночки вопрос был, что называется, на засыпку, но она выкрутилась:

– Я пока лишь, к сожалению, могу только порассуждать на заданную тему, – улыбнулась она.

– Ну и это уже шаг вперед, – похвалила Виолетта, – но лучше, конечно, иметь постоянного партнера, хотя...

Ее прервал телефонный звонок, и она долго болтала с каким-то Жорой.

– Это он! – закрыв на секунду трубку ладонью, прошептала она Леночке, и похлопала ладонью по своим хоккеистским плечам, изображая погоны...

Расцеловавшись с этим военным Жорой по телефону, она повторила:

– Это он, мой маршал! – и томно прикрыла глаза.

– Действительно маршал? – восхитилась Леночка.

– Да нет, полковник, это я его в маршалы произвела своей любовью, – кокетливо ответила Виолетта. – Откуда, лапочка моя, маршалам взяться в этой дыре проклятой, – добавила она, трагично нахмутив брови.

У Леночки мелькнуло подозрение: «Уж не Туркина ли она повысила в звании», – но она благоразумно промолчала, по свежему опыту зная, что чужие тайны могут принести немало неприятностей.

Она отошла к окну и залюбовалась небом, озаренным серебристо-лиловым блеском, и низкими, подцвеченные позолотой, облаками. Что-то зацепило ее внимание и царапнуло душу. Под окнами стояли три бритоголовых крепыша в черных кожанках и с любопытством разглядывали не то деревья под окнами, не то окна над верхушками деревьев. Одного она узнала: бровастый, с острыми глазками. Где-то она его видела... В самолете!

Поморщилась, быстро отошла от окна. «Братки уже тут. Отслеживают. Надо сказать Владу», – сверкнула мысль и тут же сгасла, перекрытая сомнением: «Бред, мнительность от замкнутости местной жизни и беспрестанной болтовни про криминал. Фобия какая-то. Просто парни ждут друзей. Они все сейчас на одно лицо, бритые, в кожанках, мода».

– Ах, лапочка моя, как я все же рада, что родилась женщиной, а не мужчиной, – продолжала Виолетта свою излюбленную тему. – Насколько полнее у женщины связь с миром, нет никакой агрессивности и прочих этих самцовых инстинктов.

В это время в комнату вошли дочери Виолетты, десятилетние двойняшки. Леночка еще в прошлый раз заметила, что девочки дурнушки: маленькие водянистые глазки, широкие носы с крупными ноздрями и огромные бесформенные губы на плоских туповатых лицах. Но, как говорится, не родись красивой, а родись счастливой. Девочки были ухожены, сверх модно одеты, и по всему чувствовалось, что в школе они на привилегированном положении. По внешнему виду им можно было дать уже лет по шестнадцать от роду, такие они были рослые и округлые. Пошли в своих богатырей-родителей.

– Что вам, киски? – небрежно бросила Виолетта дочерям.

«Киски» несколько замялись, видимо, не решаясь о чем-то попросить при Леночке, но мать вновь уже властно спросила, в чем дело, и они наперебой затараторили, что им надо завтра в школу принести по десять тысяч рублей для покупки книг для школьной библиотеки.

Виолетта недовольно поморщилась и отправила детей в их комнату.

– Вот, лапочка моя, что вытворяют эти учителя, кошмар какой-то, – нервно пожалла она плечами. – Знают, что их отец занимает большой пост в золотой отрасли, и нагло требуют деньги. Это уже не в первый раз... зла не хватает... А давать все равно приходится, чтобы лишних сплетен избежать. Они ведь по городу про нас черт знает какие слухи распускают. Например, в последнее время в прессе появляются сообщения, что якобы золото Сибири контрабандным путем или еще каким-то перекачивается за границу. Так вот, они на сто процентов уверены, что наши мужья к этому причастны. Вы с Владом тоже будьте поосторожнее в общении, особенно ты, лапочка моя. Ты такая еще молодая и неопытная, что мне даже страшно за

тебя становится. Хорошо хоть ты не красавица и сексбомбой не выглядишь, а то бы уж и про тебя всякое насочиняли.

Леночка только улыбнулась в ответ на характеристику своей внешности и сказала:

– Да, Виолетта Семеновна, сложные у вас тут отношения. Я это еще по Первомайским праздникам заметила. Помните: Туркин на наших мужей наезжал за какое-то письмо, которое из кабинета Леонида Ивановича исчезло таинственным образом?

– Называй меня просто Виолетта, лапочка моя, – довольная тем, что Леночка никак не опровергла ее выводы о внешности, зачирикала хозяйка. – Туркин опасный человек. Он, лапочка моя, ради своего комитета, КГБ своего, матери не пожалеет. Но Леня ему правильно сказал, что он попусту время тратит, подозревая нас в чем-то. Только отцепиться от него никоим образом невозможно, потому что сверху приставлен осуществлять контроль за работой наших мужей.

Леночке вскоре надоела болтовня Виолетты, и она, сославшись на плохое самочувствие, стала прощаться.

– Это у тебя, лапочка моя, адаптация к местному климату происходит, самое лучшее средство быстрее адаптироваться – это в баньку сходить, да настоями сибирских трав пообливаться, да пихтовыми лапками попариться.

– Мне париться нельзя, Виолетта, я уже три месяца беременная, – вздохнула Леночка, как бы жалея, что приходится от баньки отказываться.

– Ох-хо-хо, лапочка моя, – не унималась Виолетта, удерживая Леночку за локоть. – С такой беременностью еще замуж можно выскочить, а не только в баньке париться. Впрочем, можешь и не париться, но в травах, лапочка моя, я просто обязана тебя выкупать. Да ты не бойся, у нас своя банька, проверенная. Сауна, бассейн, все как у людей. На той неделе я тебя свожу туда.

Леночка с радостью согласилась на предложение Виолетты, поняв, что в баньку она ее собирается затащить не сию же минуту.

Вернувшись в свою квартиру, Леночка взяла Норда на поводок, и через несколько минут они уже гуляли по берегу Витима. Тут она поймала себя на мысли, что, вглядываясь в прибрежный песок и камушки, думает о золоте, которое вполне может находиться здесь. Ей стало не по себе. Это что-то из области «золотой лихорадки». Вспомнились предостережения Виолетты, у которой тоже золото с языка не сходит, хотя она и старается говорить о нем пренебрежительным тоном. Даже после такой поверхностной информации Леночке уже не казалась столь нелепой охрана их подъезда и все остальные предосторожности в быту. «Если золото уходит за границу, а Влад с Абасовым одни из тех, кто его добывают, то они, естественно, все находятся под колпаком у соответствующих служб», – поняла она. – «Как прав Влад... Как мало я его знаю... Собственно говоря, мы общаемся только как мужчина и женщина. Я совершенно не представляю, чем он занимается вне дома. По тем документам и договорам, что ввожу я в память компьютера, трудно что-либо понять, а в чем роль Влада, что вообще делает АО, везде стоят подписи Абасова и главного бухгалтера рудника, и все, почему?»

После сегодняшнего разговора с Виолеттой она с тревогой подумала о нескольких договорах с китайскими и американскими фирмами, о сотрудничестве с ними как с инвесторами. Что такое инвесторы, она не имела понятия и решила при случае выяснить для себя. Настораживало ее и то, что раз Влад пользуется домашним компьютером, значит, он заинтересован в секретности этой информации, скрывает даже от сослуживцев. Неужели он замешан в криминале?

От этих мыслей Леночке стало совсем грустно. Не такой ей рисовалась жизнь в Сибири. Влад даже ни разу не свозил ее с собой на рудник и вообще в тайгу. Правда, обещает, когда пойдут грибы и ягоды, выехать на недельку туда покупаться, порыбачить, грибы- ягоды посо- бирать.

Внезапно она услышала за спиной знакомый мужской голос:

– Привет, Саламандра!

Удивленно оглянувшись и увидела метрах в трех от себя мужчину, который не решался подойти ближе из-за Норда, угрюмо обнажившего клыки.

– Привет, Леночка! – уже обращаясь к ней по имени, громко повторил приветствие мужчина.

Она застыла в изумлении: перед ней стоял и широко улыбался Карпов, тот самый компьютерный пират, которого ищет милиция!

Голова пошла кругом, от волнения не смогла выдавить из себя ни слова. Стояла и смотрела молча, все тем же недоуменным взглядом.

– Леночка, возьми пса на поводок, пожалуйста, – попросил Карпов, – я тебе сейчас все объясню.

Слова эти привели ее в чувство, подозвала Норда, взяла на повод, сказала холодно:

– Зачем ты здесь? Ты что, не знаешь, что тебя ищут? Ты что, надеешься, что я спрячу тебя под кроватью своего мужа?

Она хотела сказать еще какую-то колкость, но Карпов перебил:

– Успокойся, Леночка, никто меня уже не разыскивает. Здесь я официально в командировке от компьютерного научно-производственного центра. Могу документы показать, – уверенно произнес и полез в карман.

Она махнула рукой: мол, не нужны мне твои документы, и Норд вновь зарычал на Карпова.

– Выслушай меня, ради Бога, – сказал он расстроено. – Да, тебе большой привет от дяди Боба.

– Откуда ты знаешь Боба? – еще больше удивилась она.

Он закурил и пыхнул струйку дыма в небо.

Привет от Боба хоть и насторожил Леночку, но и несколько успокоил. Все же Боб с кем попало связываться не будет. Тем более, он ярый противник криминала. Но ведь она ему рассказывала про Карпова?!

Слегка успокоилась, и стало любопытно.

– Ну и какую фантастическую историю ты приготовил для моих ушей на сей раз? – спросила уже ровным тоном.

Карпов, который было совсем запечалился, мгновенно ожил и с жарко заговорил, боясь, что она оборвет его.

Битый ходили они по берегу Витима, а Карпов все говорил и говорил, лишь на мгновение прерываясь, чтобы закурить очередную сигарету. Он сильно волновался и не мог этого скрыть, отчего волновался еще больше. Из его сумбурного рассказа Леночка все же убедилась, что милиция его не разыскивает, но то, что произошло с ним за эти полтора месяца, казалось ей невероятным. А зачем он приехал в Бодайбо, она вообще не поняла.

Он рассказал, что когда они расстались на Ленинском проспекте тем апрельским вечером, он уже вошел в память компьютера одного из Московских банков. После того, как тот компьютер завершил операцию по перечислению крупной суммы денег из своего общего резервного фонда на нужный Карпову счет, он второй раз вошел в память этого компьютера, искажив информацию о том, куда перечислены деньги. Операция прошла блестяще. Деньги упали на счет детского дома в Туле, где прошло все детство Карпова. Сумма была рассчитана и объявлена на капитальный ремонт здания детского дома, а также на улучшение содержания воспитанников и воспитателей. Обратный адрес он заменил одним словом: «Меценат», решив, что все будет шито-крыто. Но к большому удивлению, он буквально через несколько дней был под конвоем доставлен в следственную камеру МУРа.

Так он убедился, что его феноменально выстроенная цепь не сработала там, где он меньше всего ожидал: директор детского дома перепугался и сообщил о таинственном меценате в милицию, а в Москве его к тому времени, что называется, уже «пасли». Кто-то, о ком он может только догадываться, знал об его замыслах, поэтому Карпов не стал долго записывать и во всем сознался. Конечно, ему грозил суд и срок, но, к счастью, его опытами заинтересовались солидные дяди не то от науки, не то от КГБ, а скорее одновременно те и другие. На одной из, так сказать, закрытых встреч с ним присутствовали даже крупные журналисты. Среди них был друг Леночкиного отца Боб Божмеров, который, оказывается, всю жизнь собирает информацию об электронном прогрессе, и у него опубликована масса статей у нас и за границей. Он и посоветовал Карпову покаяться и включиться, так сказать, в общий созидательный процесс отечественной науки и техники. Он убедительно объяснил Олегу, что ему во всяком случае больше не придется зависеть от собственных ошибок, нередко приводящих талантливых людей к трагедиям. Но, учитывая феноменальные способности Олега и то, что его преступление мотивировано не корыстными целями, общество вполне может дать ему возможность плодотворно на него поработать. Божмеров зря напрягался, потому что Карпов уже понял, что это для него единственное спасение от колонии усиленного режима...

Так что теперь перед Леночкой стоит не разыскиваемый милицией тип, а специалист по компьютерным вирусам. После Забайкалья он летит на Дальний Восток. А сейчас он остановился в гостинице с телефоном.

– Откуда ты узнал, что я здесь, и мой адрес? Тебе что, Боб сказал? – спросила Леночка примирительным тоном.

– Да, но он мне адреса не говорил, – улыбнулся Карпов. – Адрес мне выдал компьютер... Потом он с грустью добавил:

– Я чувствую, тебе не очень удобно здесь говорить со мной, вот возьми телефон, если тебе захочется еще пообщаться, позвони, я дней десять здесь проторчу.

Сунул ей клочок бумаги со своим гостиничным номером, попрощался, и быстро ушел. Она долго смотрела ему в след, пытаясь разобраться в чувствах, которые обрушились на нее: страх, недоверие, симпатия, тревога – ведь их могли видеть вместе. Ей этого очень бы не хотелось. Слишком много хлопот причиняет ей Карпов. Судьба какая-то, а не человек.

Начальник охраны подъезда сообщил ей, что к ней приходил какой-то мужчина, оставил свой телефон.

Дома Леночка вдруг страшно захотелось вернуться в Москву. Карпов напомнил ей родной город, друзей, родителей. «Как они там?» Она не звонила почти два месяца.

Достав из ящика стола свой телефон «малютку», подарок Боба, она набрала номер родителей. Пока шло соединение, успела еще раз удивиться тому, как мир тесен: Божмеров, Карпов, электронные новинки, специалист по компьютерным вирусам – все это роилось в голове, и подсознательно она уже понимала, что между происходящими вокруг нее событиями существует совсем не случайная связь.

Трубку снял отец. Леночка пожаловалась, что ей здесь скучно, хочется в Москву. Трошин посоветовал не торопиться с таким решением. Все же она замужняя женщина, и Владу одному там будет тяжело. Потом он глухо намекнул, что в Москве назревают какие-то бурные политические события, и Бог знает чем все может кончиться, а Леночка в положении, и поэтому ей лучше сейчас быть подальше от столицы. Она хотела поговорить с мамой, но папа грустно сообщил, что та ушла в гости к подруге. Вообще голос отца был какой-то не такой, как всегда. Она почувствовала, что отца что-то угнетает, но он не хочет ей говорить правду. На вопрос о Бобе он вообще пробурчал с нескрываемым раздражением, что ничего о нем не знает, давно не видел. Прощаясь, отец еще раз попросил ее не делать опрометчивых шагов и оставаться пока в Сибири. Он пообещал, что как только обстановка в Москве нормализуется, он сам ей позвонит, чтоб приезжала.

Разговор с отцом вконец расстроил Леночку. Она упала на диван и, уткнувшись в подушку, заплакала.

Поздно вечером с рудника приехал Влад. Он сразу понял, что с женой творится неладное. На его вопросы она отвечала односложно. Влад решил, что это следствие беременности, и успокоился.

– Ты на себя посмотри, – ласково глянув на мужа, сказала она. – Осунулся, одни глаза да борода остались. Это не мое дело, но, по-моему, что у тебя на работе большие неприятности.

– Обычные неприятности, нормальные, как у всех, – бодрился Влад. – Вообще, я тебе обещал кое-что рассказать... Помнишь, о чем с тобой еще в Москве толковали? Так вот, ты должна знать ситуацию, так сказать, в развитии, на всякий случай.

Леночка чуть не ляпнула, что ей надоели все эти тайны, охрана, Виолетта со своим опекуном, золотые призраки, которые ее начинают преследовать, что ей хочется домой, вернуться к своей той жизни: подруги, вечеринки, и никаких забот... Но, взглянув на исхудалое суровое лицо мужа, осеклась.

– Я слушаю тебя, миленький, – сказала, поудобнее устроиваясь в кресле напротив него.

Влад рассказал Леночке, что его опасения насчет того, что Абасов не захотел объявлять обнаруженную на заброшенном руднике золотую жилу, полностью подтвердились. План у него был простой. Заключить «боковик», то есть тайный второй договор, с фирмой иностранного инвестора, которая будет участвовать в реконструкции этого и других рудников. Договор о том, что инвестор будет постоянно делать отчисления на его личный счет, скажем в Париже, от прибылей, получаемых благодаря этой неучтенной золотой жиле. Влад бы стал его компаньоном, если бы не знал на сто процентов, что золото в тайне сохранить невозможно, потому что им пахнет все, что с ним соприкасается: рубли, валюта и даже глаза людей. Так что с этим «рыжьем», то есть, по сути, ворованным золотом, он дело иметь не захотел. Он также понимал, что пока документы с его отчетом и расчетами по ольховскому руднику будут находиться у Абасова, шеф может воспользоваться ими и без его согласия... Влад впервые изменил своей золотой жизненной формуле и решился на крайний шаг: он выкрал пакет документов по ольховскому руднику из кабинета шефа. Наверняка Абасов ввел их в память своего компьютера, но после того, как таинственным образом пропали оригиналы, и возней вокруг заброшенного рудника заинтересовалось КГБ в лице полковника Туркина, Абасов не предпримет никаких шагов, пока что-то не прояснится. Расклад сегодня такой: Абасов в хищении пакета документов из своего кабинета подозревает Влада и его друга Виктора, а также еще одну заинтересованную сторону, ту, которая так настойчиво добивалась и добила остановки ольховского рудника при наличии там нетронутой золотой жилы.

Влад с Виктором, собственно, могли стать его компаньонами, поэтому Абасов несомненно склоняется более ко второму варианту.

Полковник Туркин же подозревает всех, включая, может быть, еще и только ему известную пятую сторону, через которую золото уплывает за границу.

Влад и Виктор чувствовали бы себя в опасности, если бы все замыкалось только на них. Но, к счастью, заварилась каша. И задача Влада сейчас в том, чтобы это дело, как бы без его вмешательства, было бы предано огласке. Как это сделать, он пока не знает. На Туркина выходить опасно, учитывая, что КГБ давно находится в тесной связи с мафией, толкущейся у золотого корыта. Далее Влад в этой ситуации решил более не изменять своей золотой формуле: никаких крайностей, выждать.

Леночка, выслушав рассказ мужа, разволновалась. Он вновь в ее глазах превратился в романтического сильного героя, отстаивающего свои идеалы.

– Раз ты мне все это рассказываешь, миленький, значит, какую-то роль отводишь и для меня, – с замиранием произнесла она.

– Да, крошка, ты угадала, – похвалил ее муж, – я просто устал, закрутился совсем, надо ввести документы по ольховскому руднику в память нашего компьютера.

Он подошел к книжной полке, вытащил том Большого энциклопедического словаря и, найдя нужную страницу, передал Леночке.

– Вот, учись, пока я жив, конспирации, – сказал, самодовольно улыбаясь.

Листы документов были аккуратно вклеены в книгу и обрезаны по формату словаря.

– Здорово! – воскликнула она, – если бы еще и шрифт одинаковый был...

Влад рассмеялся и добавил:

– Да еще и по-китайски отпечатать! Во было бы вообще!

Она села за компьютер и увлеченно принялась за работу. Через полчаса все было готово.

Влад в это время ходил по комнате и что-то обдумывал. Вдруг остановился, хлопнул себя по лбу.

– А ведь утечка информации вполне может произойти через журналистов! – воскликнул. – Представляешь, в центральной прессе появляется материал под псевдонимом! В «Правде» я, например, точно знаю, что по всем острым материалам обязательно идут официальные выводы и проверки... Но это ни в коем случае не должен быть твой отец, – добавил он, взглянув на жену и заметив, как изменилось ее лицо при этих словах. – Я понимаю, успокойся, я хотел сказать, что через твоего отца можно выйти на какую-нибудь газетную акулу. Он же их всех знает в Москве... Потом неплохо бы для подстраховки исказить информацию о руднике в Абасовском компьютере. Но это, увы, невозможно: своей программистке он мои документы не доверил и ввел их сам. Код могла бы знать только Виолетта, но это вообще мало вероятно. Но я все-таки попрошу тебя в общении с ней иметь это в виду, и при случае хоть какую-нибудь информацию из этой толстой дуры выудить.

В то время, как муж заговорил о компьютере Абасова, Леночка чуть не выдала себя восторженным восклицанием, но тут же спохватилась. Опять мистический Карпов возник на ее горизонте. «Просто наваждение...» – подумала она и решила ничего не говорить мужу.

Но Влад, как нарочно, вновь заговорил о вещах, в которых зеркально замаячил Карпов:

– Кстати, крошка, у меня идея: помнишь, ты мне рассказала душещипательную историю любви человека и женщины-компьютера, кажется, Лэи и Ветлугина или Калугина. Так вот, вверни при случае эту историю Виолетте. Этим ты дашь ей хорошую возможность поболтать о ихнем домашнем компьютере.

– Угу, я поняла, – промямлила Леночка, – про Калугина и Лэю...

– Что, крошка, ты так странно реагируешь? – насторожился Влад. – Если не хочешь, если тебе неприятно в этом участвовать, то ради Бога...

– Нет-нет, миленький, я просто еще себя неважно чувствую, и временами на меня находит прострация, нервозность какая-то, – успокоила она мужа. – Я все буду делать, как ты скажешь.

– Ну тогда, крошка, у нас с тобой будет все о'кей! – улыбнулся Влад и поцеловал ее в мочку уха.

Больше они ни о чем не говорили. Влад целовал жену еще и еще. Он щекотал бородой ее щеки и шею, с нарастающим нетерпением ласкал ее тело под одеждой.

– Ты щекочешь меня как щеночек, борода словно шерстка, – пробормотала Леночка. – Пощени меня еще.

– Я просто жажду тебя пощенить, крошка, – прошептал он, подхватывая ее на руки и шутливо урча.

– Миленький, я же программистка, я еще на работе, – сопротивлялась Леночка.

– Ах, на работе, – севшим голосом произнес он. – На работе так на работе.

В этот миг она очутилась на массивном письменном столе. Распаленное страстью лицо Влада, его полуобнаженное тело, его яростные ладони...Он входил в ее горячую влажную плоть, повторяя перехваченным голосом:

– На работе так на работе, на работе так на работе.

Леночка вновь была счастлива, ощущая каждой клеточкой своего содрогающегося в сладкой истоме тела, как он любит ее, и она была готова на все ради своего мужчины. Она так разомлела, что не заметила, как муж осторожно перенес ее в постель, раздел словно ребенка, и она сладко уснула на его мускулистой ласковой руке.

Глава 15

Абасов с утра был не в духе. Собственно, последнее время он часто пребывал в этом подвешенном состоянии. Мысли об ольховском руднике не давали покоя. Мучили парадоксальные догадки по поводу исчезновения документов. Но все же еще теплилась надежда на какую-то случайность. «Может, лежат себе в шкафу, в какой-нибудь папке, а из-за них такая каша заваривается. Уже Туркин плотно устроился мне на хвост, но с этим как-нибудь сладим», – думал он, все больше раздражаясь. Больше всего он боялся, что придется утрясать дело с первыми хозяевами рудника, наверняка знающими о золотой жиле.

Он подошел к шкафу, сердито распахнул дверцу. Полки были заполнены пухлыми папками с документацией. Он решил просмотреть их все. «В конце-концов, секретарша могла сунуть бумажки любую».

Выдернув первую, Абасов принялся пересматривать истрепанные листки. «А ведь мы вместе с Владом, кажется, эти бумажки в дело подшивали», – вновь вонзилась в душу мысль, но он тут же отогнал ее. Он не мог понять, зачем Владу могли понадобиться документы, которые он самолично предоставил ему на рассмотрение. «Хотя, если на него наехали бывшие хозяева рудника или предложили лучшие условия... черт знает что и думать», – все больше заводился Абасов. – «Так-так», – промычал он, – «вот и это письмо из Лезнолота, ответ на запрос о состоянии рудника с перечнем причин, благодаря которым его спокойненько прикрыли. Вот и «Замечания по реконструкции» здесь, а расчетов Французова как не бывало! Кто мог стырить? Для чего?» Он напрягал память, силясь восстановить весь тот день по минуте. Абасов всегда подшивал особо важные документы сам, но тогда... Ух, палки-колеса!..

Он перевернул очередную страницу «дела» и вдруг явственно ощутил, что на него кто-то смотрит в узкую щель приоткрытой двери кабинета. Чей-то взгляд горячо отпечатался на его щеке. Абасов осторожно скосил глаза и резко обернулся... Нет, ничего особенного. Дверь как дверь. Никаких глаз.

Замотался совсем, кутнуть надо.

Он перелистнул последнюю страницу, и принялся все просматривать сначала. Может, нужные листы сцепились, склеились с другими?..

Дверь кабинета скрипнула. Абасов снова резко оглянулся, но никого не увидел. «Чушь какая-то мерещиться. Нет, надо срочно кутнуть с девками, а то...»

Зазвонил телефон. Абасов догадался по звуку, что городской аппарат в приемной переставлен на подоконник. Небось, Лидка. Дурацкая привычка все переставлять. Он посмотрел в проем приоткрытой двери и увидел, как девушка, сидящая за компьютером, инстинктивно протянула свою полненькую ручку в угол стола и схватилась за воздух, потом обернулась, подскочила к подоконнику и взяла трубку.

– Алло? Да?

Миниюбка обнажала ее полные рыхлые ляжки. Ягодицы Лидочки еще слегка вздрагивали, и Абасов вперился в них жадным взглядом. «Давно я тебя, кобылу, по баньке не катал да не мям. Нынче же оседлаю, стерву», – распалялся он, щекоча свою фантазию.

Между тем пышка словно почувствовала на своих ягодицах настойчивый и горячий взгляд шефа, оглянулась и ласково пропела в трубку:

– Минутку, он сейчас подойдет.

Она потянулась к диску местного телефона, не сводя шаловливых глаз с Абасова. Тот смачно крикнул, подмигнул ей и, сделав рукой жест ниже пояса, захлопнул дверь кабинета.

Звонил Туркин и просил выделить несколько минут для важного разговора.

– У тебя все разговоры важные, Федя. Но делать нечего, заходи, мент проклятый, потолкуем, – с дружеской грубинкой в голосе согласился Абасов. – У меня к тебе тоже есть предложение, и оно наверняка приятнее твоего ко мне разговора.

Сухой, высокий и широкоплечий Туркин быстро вошел, по-военному прижав локти к бокам. Он пересек кабинет мягкой настороженной походкой, сел в дальнее кресло и, прежде чем заговорить, закурил. Абасов с неприязнью рассматривал его сосредоточенно спокойное, тщательно выбритое лицо, его безукоризненно отглаженный костюм, сидевший на нем великолепно, накрахмаленные манжеты, схваченные янтарными с золотом запонками, и думал раздраженно, что у Туркина никогда не бывает срывов ни в настроении, ни в работе. Всем своим видом Туркин как бы давал понять, что Абасов здесь временное явление, а он удержится на коне при любых обстоятельствах.

Голос Туркина прервал его невеселые размышления.

– Ну вот, Леонид Иванович, с вашим Ольховским рудником вопрос почти решен, – сказал он, в упор глядя на Абасова. В его узких глазах сквозила какая-то непонятная, затаенная усмешка. Через секунду взгляд его заблуждал по кабинету, будто что-то выискивая на стене, и снова вперился в Абасова. В этот миг Абасов поймал себя на мысли, что хочет понравиться Туркину, словно тот его начальник. Это привело его в бешенство, и он почти заорал:

– Что ты, Федор, тянешь нищего за хрен! Говори прямо, что вы там еще в своей ментовке решили!

Он вышел из-за стола и развалился в кресле напротив Туркина, уставясь на него тяжелым взглядом.

Туркин докурил сигарету, притворно вздохнул и сказал:

– Все, мой дорогой друг Леня, решено с этим рудником, долго вы мне мозги компостировали, но я все же докопался до истины. Пора звонить в Иркутск. Собственно, я уже днем звонил, но не мог дозвониться. Сначала не соединяли, потом все там ушли обедать.

– Говори, что ты вынюхал, – прервал его окольные разговоры Абасов. – Меня ты не напугаешь, потому что я сам ничего не пойму в этой хрени. Так что валяй, я тебя внимательно слушаю. И только не зыркай на меня, как на подследственного. Я ведь чую, ты меня уже сейчас представляешь в этой роли где-нибудь в Иркутских застенках, с багровой от страха ряжкой и трясущимися щеками. Ты это брось, – добавил Абасов, окончательно успокоившись и посулов.

– Вот, теперь ты вошел в норму, – улыбнулся Туркин. – Теперь с тобой по душам можно говорить, а то когда я вошел, за твоим столом что-то непонятное сидело. Начну по порядку, Леня. Когда мне дали задание проверить, какого черта вас заинтересовали документы по закрытию Ольховского рудника, я сделал первую ошибку: пошел к тебе еще дома и поинтересовался этим. Вторая моя ошибка состояла в том, что после того, как ты мне в дружеской беседе навешал лапши на уши про выявление в отработанной руде попутных полезных ископаемых, я прямиком подался к твоему заместителю, осуществляющему в паре с главным геологом эти исследования на Ольховском руднике. Влад оказался умнее, чем я предполагал – это моя третья и последняя ошибка в этой игре. Влад перечислил мне целый ряд «спутников», которые находятся в руде кроме золота, и как бы между прочим просветил, что те же, например, висмут и германий стоят практически дороже золота. Он рассчитал верно. Я был ориентирован на золото и, узнав, что существуют в отработанной руде попутные ископаемые, превосходящие ценой золото, естественно, успокоился. Прошло несколько дней, пока я понял свою промашку и примчался к тебе в кабинет продолжить разговор уже возле документов, но их к тому времени у тебя спокойно спиздили. А ведь имей я такой опыт, как у тебя, Леня, я бы сразу допер, что хоть германий и дороже золота, но добыча его на старом руднике обойдется дороже лунных камней. Несмотря на все, – продолжал Туркин, попыхивая очередной сигаретой, – ситуация была небезнадежной. Я упорно продолжал собирать информацию по рудникам. Сделал запрос

в Управление. Мне ответили, что месторождения, подобные Ольховскому, эксплуатируются до 60-ти лет, да и то исчерпываются не все запасы золота. Нашему же руднику едва исполнилось тридцать лет, а его прикрыли... Короче говоря, дальше все было делом техники. Я просмотрел список руководящих работников рудника за несколько последних лет и сделал любопытное открытие: четыре года назад в должности заместителя директора Ольховского месторождения там трудился некий Михаил Алексеевич Кравцов, который год назад по неуточненным данным погиб во время лесного пожара в иркутской тайге. А точнее – уехал на глухариную охоту и не вернулся. Ты, конечно, уже догадался, Леня, что этот, якобы покойный, Кравцов является родным папой нашего Виктора Михайловича Кравцова, друга и заединщика нашего общего друга Влада Французова. «Теперь пришла пора тебе потирать руки, – сказал я сам себе. – Я обладаю информацией, о которой мои друзья не догадываются».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.